
**Редакционный совет научно-практического журнала
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

БАСТРЫКИН А.И., Председатель Следственного комитета Российской Федерации, Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Федоров А.В., заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор;
Багмет А.М., исполняющий обязанности ректора Академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук;
Карагодин В.Н., заместитель директора Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации — декан Второго факультета повышения квалификации (г. Екатеринбург), Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор;
Ким Е.П., заведующий кафедрой уголовного права Пятого факультета повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Хабаровск), доктор юридических наук, профессор;

Вольнский А.Ф., профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор;
Гаврилов Б.Я., заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор;
Мацкевич И.М., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор;
Эриашвили Н.Д., лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, доктор экономических наук, кандидат юридических и исторических наук, профессор

**The editorial council of scientific and practical journal
«BULLETIN OF THE ACADEMY OF THE INVESTIGATIVE
COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION»**

CHAIRMAN

BASTRYKIN A.I., Chairman of the Investigative committee of the Russian Federation, Honored lawyer of Russia, doctor of law, professor

MEMBERS OF THE COUNCIL

Fedorov A.V., deputy Chairman of Investigative committee of the Russian Federation, candidate of legal sciences, professor;
Bagmet A.M., acting rector of the Academy of the Investigative committee of the Russian Federation, candidate of law;
Karagodin V.N., deputy director Institute for Advanced Studies of the Academy of the Investigative committee of the Russian Federation — dean of the Second faculty training (Ekaterinburg), Honored lawyer of the Russia, doctor of law, professor;
Kim E.P., head of the Criminal Law of the Fifth faculty training SC Academy of Russia (Khabarovsk), doctor of legal sciences, professor;
Volynskii A.F., professor, Department of criminology of the Moscow University of the Interior Ministry

of Russia, Honored scientist of Russia, Honored lawyer of Russia, doctor of law, professor;
Gavrilov B.YA., head of the department management authorities investigate crimes of the Academy of the Interior Ministry of Russia, Honored lawyer of Russia, doctor of law, professor;
Matskewich I.M., professor of criminology and criminal law enforcement Moscow State Law University O.E. Kutafin, Honored scientist of Russia, doctor of law, professor;
Eriashvili N.D., the winner of the award of the Government of the Russian Federation in the field of a science and technics, doctor of economics, candidate of law and historical sciences, professor

---

Редакционная коллегия научно-практического журнала «ВЕСТНИК АКАДЕМИИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

БОРУЛЕНКОВ Ю.П., проректор Академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

ЧЛЕНЫ КОЛЛЕГИИ

Антонов О.Ю., старший помощник руководителя Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике (по информационно-статистическому обеспечению), доктор юридических наук, доцент;

Брижак З.И., заместитель директора Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации — декан Первого факультета повышения квалификации (г. Ростов-на-Дону), кандидат психологических наук;

Бычков В.В., ученый секретарь Института повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Вехов В.Б., руководитель отдела информатизации управления информационных технологий Главного управления обеспечения деятельности Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Елинский В.И., старший следователь-криминалист методико-криминалистического управления Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Иванов А.Л., заведующий кафедрой уголовного права Академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Курнышева Е.А., заместитель директора Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации — декан Четвертого

факультета повышения квалификации (г. Нижний Новгород), кандидат педагогических наук;

Прорвич В.А., профессор кафедры финансово-экономических экспертиз Московского университета МВД России, кандидат физико-математических наук, доктор технических наук, доктор юридических наук, профессор;

Сергеев А.Б., заведующий кафедрой криминалистики и экспертной деятельности института права Челябинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Скобелин С.Ю., исполняющий обязанности заведующего кафедрой криминалистики Академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Цветков Ю.А., заведующий кафедрой менеджмента деятельности следственного органа Академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук;

Юзиханова Э.Г., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Яковлев А.Н., заместитель руководителя отдела компьютерно-технических и инженерно-технических исследований управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

**The editorial board of scientific and practical journal
«BULLETIN OF THE ACADEMY OF THE INVESTIGATIVE
COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION»**

CHAIRMAN

BORULENKOV YU.P., vice-rector of the Academy of the Investigative committee of the Russian Federation, the candidate of law, associate professor

MEMBERS THE BOARD

Antonov O.YU., senior assistant head of Investigative management of the Investigative committee of the Russian Federation across the Udmurt Republic (on information statistically to providing), doctor of jurisprudence, associate professor;

Brizhak Z.I., deputy director of the Institute of professional development of the Academy of the Investigative committee of the Russian Federation — dean of the First faculty of increase qualifications (Rostov-on-Don), candidate of psychological sciences;

Bychkov V.V., scientific secretary of IPK of the Investigative committee of the Russian Federation, candidate of jurisprudence, associate professor;

Vekhov V.B., head of department informatizations of management information technologies of Head department of ensuring activity of the Investigative committee of the Russian Federation, doctor of jurisprudence, professor;

Elinsky V.I., the senior investigator-criminalist metodiko-criminalistic management of Head department of criminalistics of the Investigative committee of the Russian Federation, doctor of jurisprudence, professor;

Ivanov A.L., head of the department of criminal law of Academy of the Investigative committee of the Russian Federation, candidate of jurisprudence, associate professor;

Kurnysheva E.A., deputy director of the Institute of professional development Academies of the Investigative committee of the Russian Federation — the dean

of the Fourth faculty of professional development (Nizhny Novgorod), candidate of pedagogical sciences;

Prorvich V.A., professor of chair financial and economic examinations of the Moscow University of the Interior Ministry of Russia, candidate of physical and mathematical sciences, doctor of engineering, doctor of jurisprudence, professor;

Sergeev A.B., head of the department of criminalistics and expert activity of the Institute of law of the Chelyabinsk state university, doctor of jurisprudence, professor;

Skobelin S.YU., acting as head of the department of criminalistics Academies of the Investigative committee of the Russian Federation, candidate of legal sciences, associate professor;

Tsvetkov YU.A., head of the department management of activity of the investigative body of Academy of the Investigative committee of the Russian Federation, candidate of jurisprudence;

Yuzikhanova E.G., professor of chair operational search activity of law-enforcement bodies of the Tyumen institute professional development of police officers of Russia, doctor of jurisprudence, associate professor;

Yakovlev A.N., deputy head department of the computer and technical and technical researches of management of the organization expert criminalistic activity of Head department of criminalistics of the Investigative committee of the Russian Federation, candidate of jurisprudence, associate professor.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Академия Следственного
комитета Российской Федерации

Исполняющий обязанности
ректора Академии Следственного
комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
генерал-майор юстиции
А.М. Багмет

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
Н.Д. Эриашвили
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники, доктор
экономических наук, кандидат
юридических и исторических наук,
профессор
E-mail: professor60@mail.ru

Редактор
Г.П. Татаркина,
А.И. Антошина

Художник
А.П. Яковлев

Верстка номера
О.А. Головлева

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-58723

Адрес редакции:

125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12
Тел.: 8 (499) 740-60-14,
8 (499) 740-60-15
E-mail: ask_rf@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен
издательством «ЮНИТИ-ДАНА»

• Мнение редакции может не совпадать с
точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание публикаций
и достоверность фактов несут авторы
материалов

• Редакция не вступает в переписку с
авторами писем, рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

• При перепечатке или воспроизведении
любым способом полностью или частично
материалов журнала «Вестник Академии
Следственного комитета Российской Федера-
ции» ссылка на журнал обязательна.

Формат 60x84 1/8.

Печать офсетная. Тираж 500 экз.
«Буки Веди» ООО «Ваш
полиграфический партнер»
г. Москва, Ильменский пр-д, д. 1,
корп. 6
Тел. 8 (495) 926-63-96

ВЕСТНИК АКАДЕМИИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ № 1/2014

БАСТРЫКИН А.И. Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции	6
ФЕДОРОВ А.В. О перспективах введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации с учетом зарубежного опыта	13
БАГМЕТ А.М. Организация деятельности Академии Следственного комитета Российской Федерации — нового учреждения высшего образования в системе российского юридического образования	21

КРИМИНОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ВАСИЛЬЕВ Ф.П. Юридическое лицо как субъект правоотношения в Российском праве. Современное толкование	24
КИМ Е.П. Виктимологический аспект профилактики преступлений	31

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

БОРУЛЕНКОВ Ю.П. Понятие «пределы доказывания» должно соответствовать концепции состязательного судопроизводства	39
КАРАГОДИН В.Н. Объективные условия реализации разумных сроков досудебного производства	42

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

БЫЧКОВ В.В. Оптимизация сроков проверки сообщений о преступлениях и расследования преступлений	46
ПРОРВИЧ В.А. Особенности расследования совокупности экономических и коррупционных преступлений в сфере приватизации	50
СЕРГЕЕВ А.Б. Отдельные аспекты криминалистической характеристики мошенничества в жилищной сфере с учетом современных тенденций и их использование при разработке рекомендаций по досудебному производству	56
ХМЕЛЕВА А.В. Процессуальные и тактические особенности производства допроса и других вербальных следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей	61
ЮЗИХАНОВА Э.Г. Следователь как субъект профилактики преступлений	65

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

АНТОНОВ О.Ю. Практика использования специальных знаний до возбуждения уголовного дела в свете изменений уголовно-процессуального законодательства	67
ВЕХОВ В.Б. Использование компьютерных технологий в криминалистической деятельности и уголовном процессе	70

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ВОЛЫНСКИЙ А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: понятие, содержание, состояние, меры совершенствования	74
ДМИТРИЕВА Л.А. Гендерные аспекты профессионального отчуждения сотрудников Следственного комитета Российской Федерации	80
КОЛОКОЛОВ Н.А. Следователь vs прокурор? Не противостояние — сотрудничество	83

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

БЫЧКОВА Е.И. Некоторые аспекты привлечения населения муниципального образования к участию в реализации правотворческой инициативы	93
ВОЛЧАНСКАЯ А.Н. Механизм гарантий государственно-правового обеспечения прав личности	96
СУНЦОВА Е.А., ПРАВКИН С.А. Источники права Российской Федерации: возможность соединения различных правовых традиций	99
ЮНУСОВ А.А., ЮНУСОВ Э.А. Понимание принципа справедливости в отечественной философско-правовой мысли	104

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ЕЛИНСКИЙ В.И. Работа учебных кабинетов криминалистики в Следственном комитете Российской Федерации за 2013 г.: проблемы и направления совершенствования	107
КУРНЫШПЕВА Е.А. Воспитание патриотизма в стенах Академии Следственного комитета Российской Федерации	111
ЦВЕТКОВ Ю.А. Образовательная стратегия в системе Следственного комитета Российской Федерации	114

FOUNDER:

**Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation**

*Acting rector of the Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation, candidate
of law, major general of justice*
A.M. Bagmet

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-Chief
N.D. Eriashvili
*the winner of an award
of the Government of the Russian
Federation in the field of science
and equipment, doctor
of economic sciences, candidate
of legal and historical sciences,
professor*
E-mail: professor60@mail.ru

Editor
**G.P. Tatarkina,
A.I. Antoshina**

Painter
A.P. Yakovlev

Imposition
O.A. Golovleva

The journal is registered by the Federal
Service for supervision in the sphere
of telecom, information technologies
and mass communications.

**The certificate of registration
PI № FS 77-58723**

Editorial staff adress:
125080, Moscow, st. Vrubelya, d. 12
Tel.: 8 (499) 740-60-14,
8 (499) 740-60-15
E-mail: ask_rf@mail.ru

The original-model is created
by publishing house «UNITY-DANA»

• Editorial opinion may not coincide with the
point of view of the authors of the publications.
Responsible for the content and accuracy
of the facts are the authors of the materials.

• The editorial board does not enter into
correspondence with the authors of the letters,
manuscripts will not be reviewed and returned.

• When reprinting or reproduction in any
manner all or part of the materials of the journal
«Bulletin of the Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation» link
to the journal is required.

Format 60x84 1/8. Offset printing
Circulation 500 copies
**«Buki Vedi» «Your Publishing
Partner»**
Moscow, Ilmensky pr-d, d. 1, bldg. 6
Tel. 8 (495) 926-63-96

**BULLETIN OF THE ACADEMY
OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

CONTENT № 1/2014

BASTRYKIN A.I. Criminal liability of legal entities as corruption counteraction measure	6
FEDOROV A.V. About prospects of introduction of criminal liability of legal entities in the Russian Federation taking into account foreign experience	13
BAGMET A.M. Organization of activity of Academy of Investigative committee of the Russian Federation — new institution of higher education in system of the Russian legal education	21

CRIMINOLOGY OF CRIMES

VASILYEV F.P. The legal entity as the subject of legal relationship in Russian law. Modern interpretation	24
KIM E.P. Viktimologicheskyy aspect of prevention of crimes	31

CRIMINAL TRIAL

BORULENKOV YU.P. The concept «proof limits» has to correspond to the concept of competitive legal proceedings	39
KARAGODIN V.N. Objective of a condition of realization of reasonable terms of pre-judicial production	42

INVESTIGATION OF CRIMES

BYCHKOV V.V. Optimization of review periods of messages on crimes and investigations of crimes	46
PRORVICH V.A. Features of investigation of set of economic and corruption crimes in the sphere of privatization	50
SERGEYEV A.B. Separate aspects of the criminalistic characteristic of fraud in the housing sphere taking into account current trends and their use when developing recommendations about pre-judicial production	56
KHMELEVA A.V. Procedural and tactical features of production of interrogation and other verbal investigative actions with participation of the minor victims and witnesses	61
YUZHKHANOVA E.G. The investigator as subject of prevention of crimes	65

USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN INVESTIGATION OF CRIMES

ANTONOV O.YU. Practice of use of special knowledge before initiation of legal proceedings in the light of changes of the criminal procedure legislation	67
VEKHOV V.B. Use of computer technologies in criminalistic activity and criminal trial	70

ORGANIZATION OF LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY

VOLYNSKII A.F. Organization of disclosure and investigations of crimes: concept, contents, state, improvement measures	74
DMITRIEVA L.A. Gender aspects of professional alienation of staff of Investigative committee of the Russian Federation	80
KOLOKOLOV N.A. The investigator vs prosecutor? Not opposition — cooperation	83

MODERN PROBLEMS OF THE STATE AND RIGHT

BYCHKOVA E.I. Some aspects of involvement of the population of municipality to participation in realization of a law-making initiative	93
VOLCHANSKAYA A.N. The mechanism of guarantees of state legal support of the rights of the personality	96
SUNTSOVA E.A., PRAVKIN S.A. Sources of the right of the Russian Federation: possibility of connection of various legal traditions	99
YUNUSOV A.A., YUNUSOV E.A. Understand of the principle of justice in domestic philosophical and legal thought	104

LEGAL EDUCATION

ELINSKY V.I. Work of educational offices of criminalistics in Investigative committee of the Russian Federation for 2013: problems and directions of improvement	107
KURNYSHEVA E.A. Education of patriotism in Academy of Investigative committee of the Russian Federation	111
TSVETKOV YU.A. The educational strategy in system of Investigative committee of the Russian Federation	114

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены предложения о введении разработанных в Следственном комитете Российской Федерации мер уголовно-правового воздействия для юридических лиц, в интересах которых совершаются преступления.

Ключевые слова: преступность юридических лиц, коррупция, Конвенция, институт уголовной ответственности юридических лиц, меры уголовно-правового воздействия.

Annotation. In article offers on introduction of measures of criminal and legal influence for legal entities in which interests the crimes developed in Investigative committee of the Russian Federation are committed are considered.

Keywords: crime of legal entities, corruption, Convention, institute of criminal liability of legal entities, measures of criminal and legal influence.

В настоящее время Россия взяла курс на модернизацию, которая невозможна без упорядочения существующих экономических отношений, особенно в сфере привлечения и размещения частного капитала. На фоне этого особую актуальность в последние годы приобретает преодоление стремительного роста преступлений, совершаемых в интересах или с использованием юридических лиц.

Масштаб данного явления в настоящее время позволяет говорить о том, что в России сформировался качественно новый вид преступности — преступность юридических лиц (зарубежный аналог данного термина — «преступность корпораций», или «корпоративная преступность»).

Этот вид преступности представляет реальную угрозу экономической безопасности государства, а также интересам добросовестных участников экономического оборота. В частности, он оказывает негативное влияние на инвестиционную привлекательность России (существенно повышает инвестиционные риски, связанные с незащищенностью российских финансовых инструментов от преступных посягательств), что обуславливает отток из страны капитала. Преступность юридических лиц дестабилизирует и фундаментальные факторы экономики, что опосредованно способствует спаду основных экономических показателей, в том числе росту инфляции,

снижению производства, перемещению капитала в теневой сектор экономики. Наблюдающийся в стране стремительный рост цен на основные товары потребления связан не только с конъюнктурой мировых цен и иными экономическими факторами, но и во многом обусловлен спекулятивными сделками и манипулированием ценами на рынке товаров и услуг, а также монополистическими сговорами недобросовестных компаний, которые за счет расшатывания основ экономической стабильности государства получают сверхприбыль.

Наконец, преступность юридических лиц способствует повышению степени криминогенности общества в целом, порождает или создает условия для развития таких опасных социальных явлений, как коррупция (особый ее вид — корпоративная коррупция), экологическая преступность, финансирование терроризма и организованной преступности.

Хотелось бы отметить, что процесс формирования и развития этого вида преступности в том или ином виде характерен для любой национальной рыночной экономики. Он возникает на определенном этапе ее развития и рассматривается как побочный, однако объективно неизбежный фактор.

Многими странами мира накоплен обширный опыт эффективного противодействия этому негативному явлению, сформированы стандарты и критерии, которые нашли отражение в международных

нормативных правовых актах. Одним из таких стандартов является требование ввести в национальное законодательство уголовную ответственность юридических лиц за причастность к наиболее опасным видам преступлений.

Так, ст. 10 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, а также дополняющие ее Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее обязывают ввести уголовную ответственность юридических лиц за причастность к организации преступного сообщества, к отмыванию имущества и доходов, полученных преступным путем, к коррупции, к преступлениям против правосудия, к организации незаконной миграции и к торговле людьми.

Статья 26 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции устанавливает обязанность ввести уголовную ответственность юридических лиц за причастность к преступлениям коррупционной направленности, относя к категории коррупционных преступлений в том числе подкуп должностных лиц иностранного государства и корпоративную коррупцию в коммерческих организациях.

Статья 18 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию предусматривает обязательность введения уголовной ответственности юридических лиц за преступления коррупционной направленности, также включая в эту категорию преступлений корпоративную коррупцию и устанавливая правило, согласно которому юридическое лицо должно нести уголовную ответственность, в том числе и за ненадлежащую организацию внутреннего корпоративного контроля за деятельностью лиц, занимающих должности в органах его управления, что повлекло возможность совершения преступления коррупционной направленности.

Хотелось бы отметить, что в мировой практике правового регулирования института уголовной ответственности юридических лиц сложилось три базовые модели.

Первая модель основывается на традиционной конструкции уголовной ответственности юридических лиц, при которой юридическое лицо наряду с физическим лицом рассматривается в качестве самостоятельного субъекта преступления.

Эта модель характерна как для правовых систем стран общего права (Англия, Шотландия, Ир-

ландия, США, Канада, Австралия, государства — бывшие английские колонии), так и для стран, принадлежащих к романо-германской семье права (Австрия, Бельгия, Голландия, Люксембург, Португалия, Франция, страны — бывшие французские колонии, Финляндия и др.). Институт уголовной ответственности в традиционном виде инкорпорирован и в правовые системы бывших республик СССР (Грузия, Литва, Молдова, Эстония).

Для компании в этом случае могут действовать как некоторые или все уголовно-правовые запреты, предусмотренные для физических лиц, так и специальные нормы, предусматривающие уголовную ответственность исключительно для юридических лиц.

Так, в 1978 г. в штате Индиана (США) обвинение в убийстве трех человек, сгоревших заживо в автомобилях марки «Пинта», было предъявлено корпорации «Форд», руководство которой допустило выпуск автомобиля этой марки в продажу, зная, что его бензобак расположен в опасном месте и может взорваться при столкновении.

Следует отметить, что в американской судебной практике случаи назначения корпорациям уголовного наказания не получили широкого распространения в связи с тем, что корпорации всегда стремятся заключить сделку о признании вины, как это было, например, в случае с концерном «Даймлер», заплатившим в рамках такой сделки 185 млн долл. США штрафа. Компания обвинялась в даче взяток государственным служащим в более чем в 20 странах мира за победу в конкурсе на поставку произведенных ею автомобилей для государственных нужд.

Корпорации могут нести уголовную ответственность как наряду с физическими лицами, так и самостоятельно. При этом в зависимости от роли возможны различные формы соучастия юридического лица с другими организациями и (или) физическими лицами. В Англии, например, корпорация привлекается к уголовной ответственности в качестве исполнителя преступления за деяния, совершаемые от ее имени в пределах своей компетенции должностным лицом органа управления. Однако в зависимости от обстоятельств дела она может быть привлечена к ответственности в качестве пособника и даже организатора преступления.

Недостаток рассматриваемой модели заключается в том, что признание юридического лица субъектом преступления не вполне соответствует традиционной уголовно-правовой доктрине виновной ответственности, которая заключается в целенаправ-

ленно осознанном субъективном (психическом) отношении субъекта к деянию и его последствию. Только при наличии вины содеянное приобретает общественную опасность. Объективное вменение в соответствии с законодательством большинства стран запрещено.

Организация, будучи некоей юридической фикцией, т.е. искусственной конструкцией, не обладает психикой. Этот вывод некоторым ученым даже дал основание утверждать, что юридическое лицо вообще не может нести какую-либо публично-правовую ответственность. Однако эта позиция не получила широкого распространения.

В связи с этим хотелось бы отметить следующее.

Пожалуй, трудно не согласиться с тем, что юридическое лицо, как и любое другое объединение людей на основе общности определенного интереса, имеет некую волю, стремится к достижению определенной цели. В некотором смысле единую волю можно усмотреть даже у неконтролируемой толпы. В отличие от неконтролируемой толпы деятельность людей, объединенных в организации, носит упорядоченный системный характер, потому и воля юридического лица, как правило, имеет четкую и однозначную форму выражения.

Также сложно поспорить и с тем, что, вступая в гражданский оборот и в иные общественные отношения, юридическое лицо действует не хаотично, а осознанно и упорядоченно.

Таким образом, юридическое лицо как целостное образование обладает сознанием и волей, которые представляют собой консолидированные определенным образом сознание и волю его участников.

Исходя из этого во многих отраслях права, в том числе и публичных, признается отличная от учредителей (участников) правоспособность, а из нее — и деликтоспособность юридических лиц.

В этом смысле определенный интерес представляет зародившаяся в США доктрина, называемая *alter ego* (в переводе с английского «второе «я»»), которая в буквальном смысле рассматривает корпорацию как «продолжение личности» ее участников.

Вторая модель уголовной ответственности юридических лиц в большей мере учитывает принцип виновной ответственности лица за совершения преступления, и основывается на признании физического лица единственно возможным субъектом преступления. В случае же участия юридического лица в преступлении, совершаемом физическим лицом в его интересах, юридическое лицо наряду с

физическим лицом подвергается уголовно-правовому воздействию.

В настоящее время эта модель введена в уголовное законодательство таких стран, как Австрия, Албания, Испания, Латвия, Мексика, Перу, Турция, Швейцария. Как представляется, для российской правовой системы наиболее предпочтительна именно эта модель, так как она позволяет эффективно бороться с преступностью юридических лиц без изменения действующей доктрины уголовного права России, которое в большей степени чем другие мировые уголовно-правовые системы проникнута принципом личной виновной ответственности.

С учетом того, что юридическое лицо не рассматривается в качестве субъекта преступления, как правило, неблагоприятные уголовно-правовые последствия участия в преступлении относятся не к институту уголовно-правового наказания (которое несет только физическое лицо), а к иным мерам уголовно-правового воздействия.

Третья модель предполагает административную ответственность юридических лиц за причастность к преступлению. Отнести эту модель к уголовной институту уголовной ответственности юридических лиц можно лишь с определенной долей условности. Некоторые ученые эту модель называют «квазиуголовная ответственность юридических лиц». Она характерна для стран, занимающих умеренную позицию относительно мер воздействия в отношении юридических лиц. Данная модель в настоящее время существует в Германии, Италии, Швеции. На ней основано и законодательство России. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) отсутствуют санкции за причастность юридического лица к преступлению. Вместо этого такие санкции содержатся в законодательстве об административных правонарушениях.

Однако следует отметить, что даже в указанных странах в связи со значительным ростом корпоративной преступности уже давно отмечается недостаточность административных санкций и всерьез обсуждается вопрос о переходе к первой или второй из вышеперечисленных моделей уголовной ответственности юридических лиц.

Признает это и мировое сообщество.

Несоответствие российского административного законодательства в рассматриваемой области мировым стандартам противодействия коррупции отметила Группа государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО), указав в очередном отчете на неис-

полнение Россией рекомендации по введению уголовной ответственности юридических лиц. И это было сделано уже после внесения соответствующих поправок в законодательство РФ об административных правонарушениях.

Представляется, что в России, избравшей курс модернизации экономики, уже на настоящем этапе следует отказаться от совершенствования процедуры административной ответственности юридических лиц за причастность к преступлению.

При данном правовом подходе участие физического лица в преступном событии рассматривается как общественно опасное деяние, а юридического лица — лишь как административный проступок, что не соответствует той степени общественной опасности, которая возникает при участии в преступлении юридического лица, воля которого направлена на достижение преступного результата.

Такой подход не соответствует и ст. 1 УК РФ, которая устанавливает принцип строгой кодификации уголовного законодательства России, т.е. определяет, что единственным его источником является Уголовный кодекс РФ.

Также следует отметить, что возможности установления обстоятельств причастности юридического лица к событию преступления в рамках административного производства весьма ограничены.

Из-за меньшей степени социальной опасности административных правонарушений (их антиобщественного, а не общественно опасного характера) производство по делам об административных правонарушениях проводится в режиме экономии процессуальных сил и средств, в том числе по упрощенной процедуре, в более сжатые сроки, чем предварительное расследование. При производстве по этой категории правонарушений не могут быть проведены оперативно-розыскные мероприятия. В связи с этим возникает вопрос, можно ли установить, например, факт дачи незаконного вознаграждения от имени юридического лица (ст. 91.28 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ)) без оперативного документирования самого события передачи вознаграждения посредством таких оперативно-розыскных мероприятий, как прослушивание телефонных переговоров, оперативный эксперимент и т.д.? Ответ на этот вопрос очевиден.

Даже если допустить возможность установления приговором, вынесенным физическому лицу, обстоятельств совершения юридическим лицом адми-

нистративного правонарушения, выражающегося в причастности к данному преступлению, максимальный срок давности привлечения к административной ответственности составляет один год. Однако в подавляющем большинстве случаев в силу сложности способа совершения преступления с использованием юридического лица с момента возбуждения уголовного дела данной категории и до вступления в законную силу приговора по нему проходит более одного года. Кроме того, предусмотренный законом предмет доказывания по уголовному делу не включает в себя обстоятельств причастности юридического лица к преступлению, поэтому приговор не всегда будет содержать фактические данные, достаточные для привлечения организации к административной ответственности.

Действующее законодательство об административных правонарушениях не предусматривает международного сотрудничества, без которого противодействие транснациональной преступности юридических лиц становится неэффективным. Введение этого института в КоАП РФ не вполне соответствует сути и назначению административного производства, которое, как уже было отмечено, традиционно предполагало более упрощенную и менее затратную процедуру, чем уголовное судопроизводство. Это потребует и других дополнительных необоснованных затрат, связанных, например, с формированием специализированных подразделений, осуществляющих функции международного сотрудничества по делам об административных правонарушениях, заключение международных договоров и соглашений о сотрудничестве с разными странами, с которыми уже заключены соглашения о сотрудничестве по уголовным делам.

Кроме того, законодательство об административных правонарушениях не предусматривает (и с учетом указанной специфики правового регулирования не может предусматривать) всего спектра санкций, адекватных общественной опасности рассматриваемого вида преступности, в том числе лишения лицензии, запрета на осуществление определенного вида деятельности, принудительной ликвидации юридического лица и др.

Все эти несовершенства действующего законодательства позволяют юридическим лицам абсолютно безнаказанно решать свои корпоративные задачи преступными средствами. В худшем случае компания приносит в жертву кого-либо из ее менеджеров, который и привлекается к уголовной ответственности.

Сама же недобросовестная организация после этого продолжает участвовать в преступной деятельности — давать через своих представителей взятки для победы в тендерах, причинять вред экологии, манипулировать ценами на рынке и т.д.

Из вышеизложенного объективно следует вывод, что разделение судопроизводства, направленного на избличение в преступлении физического и юридического лица, на уголовное и административное носит искусственный характер и не способствует формированию эффективного механизма противодействия преступности юридических лиц. Развитие же действующих институтов административного законодательства до уровня, адекватного текущим потребностям борьбы с этим видом преступлений, предполагает приближение административного процесса по степени сложности процессуальных процедур и жесткости санкций к уголовному судопроизводству и стирание границ между этими отраслями права.

Передовой мировой опыт противодействия преступности юридических лиц диктует необходимость введения института ответственности юридических лиц за причастность к преступлению именно в уголовное законодательство. С учетом изложенного представляется необходимым безотлагательно принять следующие меры:

1) исключить из КоАП РФ положения, предусматривающие ответственность юридических лиц за причастность к преступлениям (на начальном этапе за исключением налоговых преступлений), оставив в Кодексе только положения об ответственности юридических лиц за административные правонарушения;

2) ввести в УК РФ институт мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц.

Соответствующий проект закона о введении мер уголовно-правового воздействия разработан Следственным комитетом Российской Федерации (далее — СК РФ).

В указанном проекте причастность юридического лица к преступлению определяется как совершение преступления в интересах юридического лица либо использование юридического лица в целях совершения, сокрытия преступления или последствий преступления. При этом причастность будет иметь место лишь в случаях совершения таких преступлений специальным субъектом, в качестве которого предусмотрено физическое лицо, выполняющее в юридическом лице управленческие функции.

Эта конструкция в полной мере отвечает мировым стандартам уголовной ответственности юридических лиц, на ней основано подавляющее большинство зарубежных институтов уголовной ответственности юридических лиц. Например, в соответствии со ст. 121.2 Уголовного кодекса Франции юридические лица подлежат уголовной ответственности за преступные деяния, совершенные в их пользу органами или представителями юридического лица.

Новеллой, отражающей специфику российской преступности юридических лиц, является введение в субъектный состав преступления, причастность к которому влечет меры уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц, такого специального субъекта, как лицо, осуществляющее в юридическом лице фактическое руководство. К этой категории в соответствии с проектом закона относятся лица, которые, хотя и не занимали должность в юридическом лице и не действовали от его имени на основании доверенности, однако фактически определяли решения, принимаемые юридическим лицом. Данное положение сделает невозможным уклонение от уголовно-правового воздействия компаний, практикующих схемы номинального руководства, при которых лицо, фактически определяющее волю организации, формально не имеет отношения к его органам управления.

В качестве видов мер уголовно-правового воздействия могут быть предложены следующие:

- 1) предупреждение;
- 2) штраф;
- 3) лишение лицензии, квоты, преференций или льгот;
- 4) лишение права заниматься определенным видом деятельности;
- 5) запрет на осуществление деятельности на территории России;
- 6) принудительная ликвидация.

Этот перечень санкций также соответствует мировым стандартам.

Анализ уголовного законодательства разных стран показывает, что помимо штрафа к корпорациям могут быть применены:

- 1) специальная конфискация (Албания, Бельгия, Ирак, США, Франция);
- 2) ограничение деятельности юридического лица, в том числе запрет заниматься отдельными видами деятельности, закрытие подразделений или филиалов (Албания, Бельгия, Испания, Литва, Молдова, Перу, Франция);

3) временное прекращение деятельности юридического лица (Испания, Перу);

4) ликвидация юридического лица (Бельгия, Литва, Молдова, Перу, Франция);

5) публикация приговора (Бельгия, Франция).

Уголовный кодекс Франции кроме перечисленных наказаний предусматривает для юридических лиц такие наказания, как помещение под судебный надзор; запрещение участвовать в договорах, заключаемых от имени государства; запрещение обращаться к населению с целью получения вкладов или размещения ценных бумаг; запрещение пускать в обращение чеки и иные, нежели те, которые позволяют получение средств векселедателем в присутствии плательщика по переводному векселю, или те, которые удостоверены, или пользоваться кредитными карточками продолжительностью не более пяти лет. В исключительных случаях может быть назначена общая конфискация имущества юридического лица (за преступления против человечества и незаконное распространение наркотиков).

При определении вида меры уголовно-правового характера в соответствии с проектом закона должны учитываться категория преступления, к которому причастно юридическое лицо, тяжесть наступившего в результате совершения преступления последствия, характер и степень причастности юридического лица к преступлению, меры, принятые юридическим лицом для предупреждения и пресечения преступления, нейтрализации его негативных последствий. При назначении меры уголовно-правового характера будут приниматься во внимание также данные, характеризующие само юридическое лицо, в том числе его предыдущие судимости, благотворительная и иная общественно полезная деятельность.

При этом предусмотрены различные виды штрафа, в том числе в виде единовременной выплаты в размере, например, от 50 тыс. до 5 млн руб. (фиксированный штраф), в виде единовременной выплаты в размере, кратном полученному юридическим лицом в результате преступления дохода, или кратном предотвращенному в результате преступления убытку либо кратном стоимости приобретенного в результате преступления имущества (кратный штраф) или в виде систематических ежеквартальных платежей в размере от 5 до 25% дохода осужденного юридического лица в течение срока от одного года до двух лет (аннуитетный штраф).

Во избежание вывода ликвидных активов с момента вступления в законную силу решения суда,

устанавливающего юридическому лицу одну или несколько мер уголовно-правового характера, до полного исполнения назначенной меры воздействия юридическому лицу запрещается проводить добровольную ликвидацию или реорганизацию, а также отчуждение принадлежащих ему акций или долей зависимых хозяйственных обществ и недвижимого имущества. Предусматривается, что в случае реорганизации причастного к преступлению юридического лица до принятия судом решения о применении мер уголовно-правового воздействия применению меры уголовно-правового характера назначаются правопреемнику реорганизованного юридического лица.

Проектом закона предусматривается, что признание юридического лица причастным к преступлению на основании решения суда повлечет для него правовое последствие в виде судимости на определенный срок. Это обстоятельство будет учитываться при назначении меры воздействия в случае повторной причастности юридического лица к преступлению. Кроме того, судимость может учитываться органами государственной власти и местного самоуправления при проведении приватизации или размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд. В качестве одного из ограничений может быть предусмотрено также снятие в отношении осужденного юридического лица с непогашенной судимостью ограничений, связанных с периодичностью проведения проверок органами государственного контроля (надзора), а также органами муниципального контроля. Деятельность таких юридических лиц, осуществляемая ими в сфере, в которой было совершено преступление, будет проверяться в порядке плановой проверки раз в год, а не в три года, как это предусмотрено в настоящее время.

Посредством института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц можно также бороться с фиктивными юридическими лицами — так называемыми фирмами-однодневками.

Установление в ходе уголовного судопроизводства факта создания юридического лица исключительно в целях совершения или сокрытия преступления, т.е., по сути, его фиктивности, с применением в отношении него такого вида уголовно-правового воздействия, как ликвидация, позволит признать сделки, заключенные этим юридическим лицом в целях совершения или сокрытия преступления, недействительными.

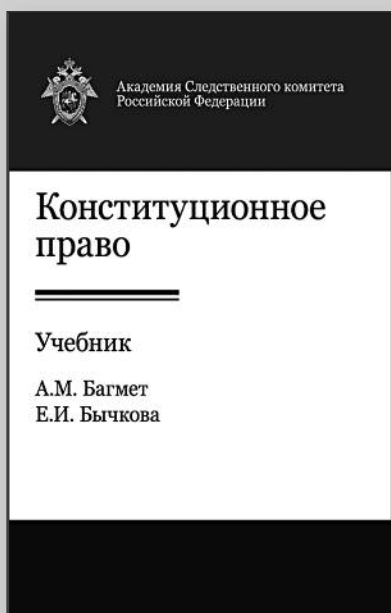
В настоящее же время фиктивные юридические лица продолжают существовать даже после вынесения физическому лицу, совершившему преступление, обвинительного приговора. Эти организации пользуются полноценной гражданско-правовой защитой наравне с организациями, обладающими надлежащей юридической личностью. Впоследствии потерпевшему, утратившему имущество в результате заключения сделок от имени фиктивного юридического лица, признать эти сделки недействительными и вернуть имущество очень сложно. Если же в ходе отмывания незаконно приобретенного имущества наряду с российскими использовались и фиктивные юридические лица, зарегистрированные в иностранных, особенно оффшорных, юрисдикциях, добиться защиты нарушенных преступлением прав на имущество практически невозможно. Судебные органы иностранных государств, основываясь на положениях международного права, инкорпорированных в свое национальное законодательство, как правило, требуют решения российских судов о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц, выступавших контрагентами в цепочке таких фиктивных сделок с имуществом потерпевшего.

Сходная правовая конструкция известна законодательству многих стран с развитым правовым регулированием экономического оборота. Например, в США суд, установив, что компания учреждена для удовлетворения личных интересов ее учредителей, в

том числе для совершения ими противоправного деяния, сокрытия от налогообложения или от взыскания имущества, может признать такую корпорацию фиктивной, отказав ей в защите как юридическому лицу. Эта процедура, называемая «снятием с компании корпоративной вуали» (to pierce the corporate veil), применяется в целях исключения лимитированной (ограниченной) ответственности учредителя за действия учрежденной им фиктивной компании и предполагает переложение бремени ответственности за совершенные от ее имени действия на учредителя. Сделки, заключенные такой компанией, считаются заключенными от имени ее учредителя.

Представляется, что введение института мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц также будет способствовать принятию юридическими лицами дополнительных мер корпоративного контроля за своими должностными лицами органов управления, решая тем самым задачу профилактики преступности юридических лиц.

Хотелось бы, чтобы институт уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц не рассматривался как очередной инструмент для «кошмаривания» бизнеса. При разработке проекта закона Следственный комитет Российской Федерации исходил из необходимости создания дополнительного правового механизма защиты общества и добросовестных участников экономического оборота от преступности юридических лиц.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Багмет А.М., Бычкова Е.И. Конституционное право: Учебник. М.: Юнити-Дана, 2014.

Раскрываются традиционные для учебной дисциплины, науки и отрасли конституционного права вопросы теории конституционного права, характеристика конституционно-правового статуса человека и гражданина, основы организации территориального устройства Российского государства, деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Для курсантов, слушателей и студентов юридических вузов и специальностей, а также для всех интересующихся проблемами конституционного права России.

О ПЕРСПЕКТИВАХ ВВЕДЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С УЧЕТОМ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Аннотация. В статье обосновывается вывод автора о том, что введение уголовной ответственности юридических лиц является прогнозной тенденцией развития российской уголовно-правовой политики. Раскрывается объективная обусловленность введения такой ответственности. При этом обращается внимание на то, что уголовная ответственность юридических лиц установлена во многих странах мира и предусматривается международными обязательствами Российской Федерации. Приводятся данные о привлечении в Российской Федерации юридических лиц к административной ответственности за незаконное вознаграждение от имени юридического лица (ст. 19.28 КоАП РФ) и формулируются доводы, указывающие на недостаточную эффективность существующего института административной ответственности юридических лиц за такого рода деяния. Обращается внимание на необходимость проведения научных исследований по определению особенностей уголовно-процессуальной деятельности по делам о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц, а также разработке оснований и условий проведения оперативно-розыскной деятельности в отношении юридических лиц.

Ключевые слова: тенденции развития уголовно-правовой антикоррупционной политики, уголовная и административная ответственность юридических лиц, оперативно-розыскная деятельность, международное сотрудничество, антикоррупционные конвенции, международные обязательства по введению уголовной ответственности юридических лиц.

Annotation. The article substantiates the author's conclusion to the effect that the introduction of criminal liability of legal entities is a forecast tendency of Russian criminal law policy development, and exposes objective grounds for introducing such a liability. It points out that criminal responsibility of bodies corporate is established in many countries and required by international obligations of the Russian Federation. The article contains data on the charging of legal entities in the Russian Federation with an administrative offence of illegal gratuity on behalf of a legal entity (Article 19.28 of the Code of Administrative Offences) and formulates reasons pointing out the insufficient effectiveness of the existing institution of legal persons' administrative liability for acts of that type. The author indicates the necessity to conduct scholarly research on the determination of specificities of criminal procedure activity with regard to making bodies corporate criminally responsible, as well as on the elaboration of grounds and conditions for carrying out special investigative techniques in respect of legal entities.

Keywords: tendencies in development of criminal law anti-corruption policy, criminal and administrative liability of legal persons, operational activity, special investigative techniques, international co-operation, anti-bribery conventions, international obligations regarding introduction of bodies corporate' criminal liability.

В настоящее время более чем в 50 странах мира предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц¹. С большой долей вероятности можно прогнозировать, что вопрос о введении уголовной ответственности юридических лиц в ближайшее время станет весьма актуальным и для Российской Федерации². Для этого есть как внутренние (социально-экономические), так и внешние (международно-правовые) предпосылки. Последние обусловлены тем, что ряд международных договоров, участницей которых является Российская Федерация, содержит положения о необходимости установления уголовной ответственности юридических лиц³, и существующие международные механизмы обзоров

выполнения странами взятых по таким договорам обязательств периодически указывают на недостаточность принимаемых РФ мер в указанной части.

¹ Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование). М., 2013; Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право: Моногр. / Под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М., 2010. С. 167—174.

² Федоров А.В. Введение уголовной ответственности юридических лиц — прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: Мат. междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1. М., 2014. С. 6—12.

³ Федоров А.В. Антикоррупционная конвенция ОЭСР как часть правовой системы Российской Федерации: уголовно-правовой и уголовно-политические аспекты // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии им. В.Б. Бобкова. 2013. № 4 (48). С. 103—105.

Имеет место ситуация, когда реализуя свою политику (в том числе уголовно-правовую), государство становится участником определенных международных договоров и организаций, а затем участие в международных договорах и членство в международных организациях начинает оказывать влияние на проведение соответствующей национальной правоустановительной и правоприменительной политики, что находит отражение и в изменении национального законодательства.

В связи с изложенным изучение зарубежного законодательства об уголовной ответственности юридических лиц весьма полезно для определения возможных путей реформирования российского законодательства в соответствующем направлении.

Кроме того, знание норм об уголовной ответственности юридических лиц других стран важно и для российских субъектов, на которые может распространяться зарубежное законодательство.

Рассматривая вопросы уголовной ответственности юридических лиц, следует иметь в виду, что существуют различные модели такой ответственности, учитывающие национальную специфику конкретных стран, но общее, что их объединяет, — это закрепление норм об ответственности юридических лиц в уголовном законе.

При этом страны, где такая ответственность установлена, на наш взгляд, можно разделить на две группы.

В *первую группу* входят страны, в которых юридические и физические лица являются самостоятельными субъектами преступления. Эта модель свойственна странам англо-саксонской правовой семьи.

Во *вторую группу* входят страны, в которых, с позиции принятой в российском праве, юридические лица не являются субъектами преступления как таковыми, а признаются субъектами ответственности (наказания), хотя такой подход не означает, что освобождение от ответственности физического лица влечет за собой освобождение от ответственности юридического лица, и наоборот. В эту группу входит ряд стран романо-германской правовой семьи, к которой относится и Российская Федерация.

В рамках второй модели юридическое лицо рассматривается, в первую очередь, как субъект ответственности, к которому применяются меры уголовно-правового воздействия. Применительно к уголовному праву Российской Федерации такие меры можно с определенной долей условности отнести к иным мерам уголовно-правового характера.

Оговорка «с определенной долей условности» сделана в связи с тем, что по законодательству РФ юридические лица на данный момент еще не являются субъектами, к которым могут быть применены меры уголовно-правового характера.

В российской уголовно-правовой науке нет единого мнения о том, каково соотношение «иных мер уголовно-правового характера» и «уголовной ответственности». Большинство авторов, на наш взгляд, справедливо считают, что закрепленные в Уголовном кодексе Российской Федерации иные меры уголовно-правового характера (принудительные меры медицинского характера и конфискация имущества) нельзя рассматривать как уголовную ответственность⁴.

В то же время, как представляется, в случае установления в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц путем включения в уголовный закон мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц, возможна дифференциация мер уголовно-правового воздействия на две группы: 1) меры, не признаваемые уголовной ответственностью (принудительные меры медицинского характера и конфискация имущества); 2) меры, являющиеся таковыми для юридических лиц (меры уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц, к которым могут быть отнесены такие меры, как штрафы, ограничения деятельности юридического лица, ликвидация физического лица и др.).

Оговорка «для юридических лиц» означает, что нельзя привлечь к ответственности юридическое лицо точно так же, как физическое лицо, и в виде такой ответственности к юридическому лицу применяются соответствующие меры уголовно-правового характера.

Исследование законодательного опыта стран романо-германской правовой семьи показывает, что для тех из них, где предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц, такая ответственность фактически понимается как уголовное наказание юридических лиц за уголовно-наказуемые деяния, совершаемые физическими лицами от их имени либо в их пользу (в их интересах).

В Российской Федерации в связи с отсутствием уголовной ответственности юридических лиц ее компенсирует административная ответственность, и, по мнению отдельных авторов, ее вполне доста-

⁴ Михайлов В.И. Конфискация имущества. Энциклопедия уголовного права. Т. 12. Иные меры уголовно-правового характера. СПб., 2008. С. 366—368.

точно для обеспечения должной корпоративной ответственности⁵.

Например, за коррупционные правонарушения возможно привлечение юридического лица к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица».

В то же время изучение имеющейся практики привлечения юридических лиц к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП указывает на недостаточную эффективность такой практики.

Согласно данным судебной статистики по этой статье в административном порядке в 2011 г. на 27 юридических лиц наложено штрафов на сумму немногим более 81 млн руб., а в 2012 г. 60 юридических лиц оштрафованы на 69 млн руб. На фоне незначительного числа фактов привлечения юридических лиц к административной ответственности за коррупционные правонарушения наблюдается снижение средней суммы штрафа в три раза, а взыскано всего менее 10% наложенных сумм штрафа⁶.

Анализ имеющихся публикаций по вопросам уголовной ответственности юридических лиц показывает, что число сторонников введения уголовной ответственности юридических лиц растет⁷, так как у административной ответственности юридических лиц имеются очевидные «минусы»⁸.

Отметим только основные из них.

Во-первых, по делам об административных правонарушениях не проводится всестороннего расследования как по уголовным делам, ибо административный процесс предназначен для обеспечения реализации ответственности за правонарушения, признаваемые намного менее опасными, чем преступления.

Во-вторых, по делам этой категории имеет место упрощенное судебное рассмотрение, и насколько может мировой судья всесторонне и объективно оценить деяние юридического лица — большой вопрос.

В-третьих, по административным правонарушениям не проводится оперативно-розыскная деятельность, что существенно снижает результативность работы по делам этой категории.

В-четвертых, сложившаяся практика показывает, что работа по привлечению юридических лиц к ответственности, как правило, начинается (да и то далеко не всегда) лишь после осуждения физических лиц. Упущенное время позволяет юридическим лицам принять меры по уклонению от ответственности.

В-пятых, учитывая, что правонарушения юридических лиц обычно выявляются в ходе расследования

уголовных дел в отношении физических лиц, совершавших противоправные деяния от имени или в интересах соответствующего юридического лица, расследование содеянного намного эффективнее проводить в рамках единого процесса. Практика свидетельствует, что когда ответственность физических и юридических лиц за взаимосвязанные деяния урегулирована разными отраслями права, имеет место ситуация, которую, исходя из известной русской половицы, можно охарактеризовать так: «у двух няnek дитя без глаза».

В-шестых, по делам об административных правонарушениях фактически отсутствует международное сотрудничество. Международные договоры ориентированы на такое сотрудничество по делам о преступлениях.

В-седьмых, на введение уголовной ответственности юридических лиц ориентирует ряд международных конвенций, участницей которых является Российская Федерация, и достаточное жесткое требование ФАТФ — Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, рекомендации которой однозначно предусматривают введение уголовной ответственности для юридических лиц.

В-восьмых, представляется нелогичной и нарушающей интересы российской стороны ситуация, когда иностранные органы будут иметь возможность привлекать российских юридических лиц к уголовной ответственности, а российская сторона сможет ставить вопрос о привлечении иностранных юридических лиц лишь к административной ответственности.

В-девятых, на постсоветском пространстве уголовная ответственность юридических лиц предусмотрена в Азербайджане, Латвии, Литве, Молдове, Украине и Эстонии. В настоящее время вопрос о введении уголовной ответственности юридических лиц прорабатывается в Казахстане, Киргизии и Уз-

⁵ Михайлов В.И. Нужна ли уголовная ответственность юридических лиц в Российской Федерации? // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: Мат. российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.) / Отв. ред.: Г.И. Богуш; науч. ред.: У. Зибер, В.С. Комиссаров. М., 2013. С. 97—102.

⁶ Деятельность прокуроров по привлечению к ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения: Пособие / Авт. кол. под рук. С.К. Илия. М., 2013. С. 16.

⁷ Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности. СПб., 2011.

⁸ Федоров А.В. О перспективах введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации: политико-правовой анализ // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии им. В.Б. Бобкова. 2014. № 2 (50). С. 135—144.

бекистане. В Казахстане уже разработан и проходит обсуждение соответствующий законопроект.

Однако вопрос не стоит так, чтобы за все правонарушения для юридических лиц наступала уголовная ответственность.

Уголовное право не должно применяться «во всех случаях жизни». В Российской Федерации исторически сложилась и показала свою эффективность дифференциация ответственности на гражданскую, административную и уголовную. В частности, сформировалась законодательная практика, когда за одинаковые по объективной стороне деяния в зависимости от определенных обстоятельств устанавливается либо уголовная, либо административная ответственность⁹.

Представляется целесообразным использовать и в дальнейшем такой же подход, например, к коррупционным правонарушениям юридических лиц, предусмотрев для них как административную ответственность за такие правонарушения, так и, в отдельных случаях, — уголовную, в частности, в случаях подкупа иностранных должностных лиц, а также в случае совершения подкупа в особо крупном размере.

При установлении уголовной ответственности юридических лиц целесообразно исходить, прежде всего, из круга преступлений, совершение которых, как признается современным международным правом, возможно юридическими лицами¹⁰.

Допустимость введения в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц (в ее понимании в странах романо-германской правовой семьи) без существенных изменений национальной правовой системы подтверждает изучение зарубежного опыта, в частности, Королевства Испания и Королевства Швеция¹¹.

Уголовная ответственность юридических лиц введена в Испании недавно¹². Соответствующие изменения внесены в Уголовный кодекс Испании¹³ (далее — УК Испании) Органическим законом от 22 июня 2010 г. 5/2010¹⁴.

Как отмечается в имеющихся исследованиях, испанский закон впервые в истории национального права вышел за рамки принципа *societas delinquere non potest* (юридические лица не могут совершать преступления), признав подобно большинству европейских стран уголовную ответственность юридических лиц¹⁵.

В преамбуле Органического закона 5/2010 указывается, что многочисленные международные правовые документы возлагают уголовную ответственность на юридических лиц, в частности, за преступления, в которых их участие является наиболее оче-

видным. Например, за коррупцию в частном секторе и международных деловых операциях, порнографию и детскую проституцию, торговлю детьми, отмывание денег, организацию незаконной миграции, атаки на компьютерные системы и другие преступления. Таким образом, как отмечается специалистами, введение уголовной ответственности юридических лиц состоялось, в том числе, под влиянием международного права — в целях выполнения Испанией обязательств по международным договорам, в соответствии с которыми должна быть установлена уголовная ответственность юридических лиц¹⁶.

Органическим законом 5/2010 Общая часть УК Испании, именуемая Книга I «Общие положения о преступлениях и проступках, лицах, подлежащих уголовной ответственности, наказаниях, мерах безопасности и других последствиях совершения уголовных правонарушений» дополнена ст. 31 bis.

Частью 1 ст. 31 bis установлено, что в случаях, предусмотренных статьями, включенными в Книгу II «Преступления и наказания» УК Испании (аналог Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации), юридические лица несут уголовную ответственность за преступления, совершенные от их имени или за их счет либо для их выгоды (в их пользу) физическими лицами (лицами, осуществляющими управленческие функции; законными представителями юридического лица; а также иными лицами, находящимися в подчинении у вышеуказанных лиц и действующими за счет или в пользу юридического лица, если оно не обеспечило достаточную степень контроля за их действиями с учетом конкретных обстоятельств).

⁹ Федоров А.В. Соотношение наркопреступлений и административных наркоправонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 262—270.

¹⁰ Сидоренко Э.Л., Князев А.Д. Международно-правовые основы уголовной ответственности юридических лиц // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 3. С. 13—16.

¹¹ Испания относится к группе стран романского права, а Швеция — к группе стран скандинавского права, входящих в романо-германскую правовую семью.

¹² Сведения об уголовной ответственности юридических лиц по законодательству этой страны приводятся по материалам, собранным автором во время командировки в Испанию в июне 2013 г.

¹³ Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова; пер. с исп. М., 1998.

¹⁴ Ley Orgánica 5/2010, de 22 de junio, por la que se modifica la Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal.

¹⁵ Голованова Н.А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Мат. VIII ежегодных науч. чтений памяти проф. С.Н. Братуся. М., 2013. С. 161.

¹⁶ Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Указ. соч. С. 151, 154.

Согласно ч. 5 ст. 31 bis УК Испании, положения, касающиеся уголовной ответственности юридических лиц, не применяются к государству, территориальным и институциональным органам власти, регулирующим органам (организациям), государственным (общественным) предпринимательским органам и организациям (агентствам и учреждениям), политическим партиям и профсоюзам, международным организациям публичного права, к организациям, осуществляющим государственные полномочия (государственную власть), к государственным компаниям (коммерческим организациям), проводящим государственную политику или оказывающим услуги, представляющие общественный экономический интерес.

Статья 33 УК Испании дополнена ч. 7, устанавливающей наказания, которые могут быть применены к юридическому лицу. Согласно внесенным дополнениям, в соответствии с УК Испании могут быть назначены в качестве наказания юридическому лицу такие меры, как:

- а) штраф, пропорциональный причиненному ущербу, или квотированный штраф;
- б) ликвидация юридического лица;
- в) приостановление деятельности юридического лица на определенный срок, но не более чем на пять лет;
- г) закрытие подразделений, представительств и учреждений юридического лица на определенный срок, но не более чем на пять лет;
- д) запрет на ведение в будущем деятельности, при проведении которой совершено преступление или созданы благоприятные условия для его совершения либо сокрытия. Данный запрет может быть окончательным или носить временный характер. Если запрет временный, то он не может превышать срок в 15 лет;
- е) лишение права на получение субсидий и помощи от государства, а также права вступать в подрядные отношения с государственным сектором (право на заключение сделок в государственном секторе) и пользоваться налоговыми льготами и стимулами или льготами и стимулами со стороны системы социального страхования на определенный срок, который не может превышать 15 лет;
- ж) судебный контроль для обеспечения прав работников (сотрудников) или кредиторов на необходимый срок, но не более чем на пять лет. При этом контроль может затрагивать всю организацию или ограничиваться одним из ее подразделений или хозяйственных единиц. Судья или суд при вынесении приговора или впоследствии своим решением опре-

деляют точное содержание контроля и назначают ответственного контролера, а также устанавливают, в какие сроки должны подаваться в судебный орган отчеты по отслеживанию деятельности юридического лица. В рамках осуществляемого контроля возможно в любой момент изменить или приостановить предшествующий доклад контролера и генеральной прокуратуры. Контролер имеет право доступа во все помещения и площади юридического лица и получать тот объем информации, который он посчитает нужным для исполнения своих функций. Согласно регламенту должны определяться все аспекты исполнения контролером своей функции, а также необходимые его вознаграждение и квалификация.

Юридические лица подлежат уголовной ответственности только в случае совершения отдельных предусмотренных в Книге II УК Испании преступлений, за совершение которых для юридических лиц установлена уголовная ответственность. К таким преступлениям, в частности, относятся: незаконный оборот человеческих органов (ст. 156 bis); торговля людьми в целях привлечения к принудительному труду, сексуальной эксплуатации или выемки органов (ст. 177 bis); преступления, связанные с занятием проституцией (ст. 187—189 bis); раскрытие и распространение тайных сведений, включая несанкционированный доступ к данным, содержащимся в информационных системах или компьютерных программах (ст. 197); мошенничество (ст. 248—251 bis); наказуемая несостоятельность, включая несостоятельное банкротство (ст. 257—261 bis); причинение ущерба чужой собственности (ст. 263—267); преступления, связанные с интеллектуальной и промышленной собственностью, с рынком и потребителями (ст. 270—288); хранение краденного и аналогичные преступления (ст. 298—302); преступления против государственной казны и социальной безопасности (ст. 305—310 bis); преступления против прав трудящихся (ст. 311—318 bis); преступления в связи с управлением территориями (ст. 319); преступления против естественных ресурсов и окружающей среды (ст. 325—328); преступления, связанные с ядерной энергетикой и ионизирующей радиацией (ст. 343, 345); иные преступления, создающие опасность (ст. 348); преступления против общественного здоровья, связанные с наркотиками и токсическими веществами (ст. 368, 369 bis)¹⁷ и ряд других преступлений.

¹⁷ Федоров А.В. Ответственность юридических лиц за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в Королевстве Испания // Наркоконтроль. 2014. № 1. С. 33—35.

При этом юридическое лицо несет ответственность независимо от того, привлекается ли к ответственности физическое лицо или нет.

Часть 1 ст. 66 bis УК Испании предусматривает, что при применении наказаний, налагаемых на юридические лица, следует придерживаться следующих норм, согласно которым по основаниям, по которым установлены положения Книги II УК Испании, для принятия решения о наложении и распространении наказания, предусмотренного в п. «b»—«g» ч. 7 ст. 33, требуется учитывать:

а) необходимость наказания для предупреждения возможности продолжения преступных деяний или их последствий;

б) экономические и социальные последствия наказания, особенно его воздействие на работников;

в) место, которое в структуре юридического лица занимает то физическое лицо или тот орган, которые не исполнили обязанность осуществления контроля.

Кроме того, новой ч. 2 ст. 130 УК Испании предусмотрено, что преобразование, слияние, поглощение или разделение юридического лица не ведет к погашению его уголовной ответственности. Последняя переходит на компанию или компании, в которые юридическое лицо преобразуется, с которыми оно сливается или которым оно поглощается. В том числе ответственность переносится на компанию или компании, возникающие в результате разделения юридического лица. Судья или суд имеют право смягчить переход наказания на юридическое лицо в зависимости от степени связи первоначально виновного юридического лица с новым юридическим лицом.

Фиктивный роспуск юридического лица не ведет к погашению уголовной ответственности. Считается в любом случае, что имеет место фиктивный роспуск юридического лица, если продолжается его хозяйственная деятельность и в основном сохраняются его клиенты, поставщики и работники или их существенная часть.

Анализ указанных норм показывает, что в результате внесенных в 2010 г. изменений в испанское законодательство создана необходимая нормативная база для привлечения юридических лиц к уголовной ответственности за преступления, позволяющая обеспечить неотвратимость такой ответственности даже в случаях попыток уклониться от нее путем преобразования юридических лиц.

Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях, совершенных юридическими лицами, осуществляется в Испании в общем порядке.

В связи с непродолжительностью действия норм, предусматривающих уголовную ответственность юридических лиц за преступления, судебная практика еще не сформировалась, в связи с чем не представляется возможным определить эффективность нового законодательства. Тем не менее в ходе обсуждений вышеизложенных изменений в УК Испании испанскими специалистами высказана уверенность, что введение уголовной ответственности юридических лиц за преступления позволит существенно повысить результативность борьбы с преступностью, и одновременно отмечена колоссальная профилактическая роль такой ответственности.

Не менее интересен опыт Королевства Швеция¹⁸. В Швеции уголовная ответственность юридических лиц впервые введена путем внесения изменений в Уголовный кодекс Швеции¹⁹ (далее — УК Швеции) в 1986 г. и предусмотрена в виде так называемого корпоративного штрафа²⁰.

При этом многими авторами корпоративный штраф не рассматривался в качестве уголовной ответственности как таковой²¹, ибо к ответственности (как субъект преступления) привлекалось физическое лицо, представляющее соответствующую корпорацию. В то же время согласно ч. 3 ст. 7 гл. 36 УК Швеции за преступление, совершенное физическим лицом при осуществлении предпринимательской деятельности, по требованию государственного обвинителя на предпринимателя (юридическое лицо) должна быть возложена обязанность оплатить корпоративный штраф, если: 1) преступление повлекло за собой тяжкое неисполнение специальных обязательств, связанных с предпринимательской деятельностью, или по иным причинам является серьезным; 2) предприниматель не предпринял того, что было разумно необходимо для предупреждения преступления.

Часть 3 ст. 8 гл. 36 УК Швеции определяла, что корпоративный штраф должен составлять не менее 10 тыс. и не более 3 млн шведских крон. При этом согласно ст. 9 при определении размера корпоративного штрафа особо должны быть учтены характер и степень преступления и его связь с предпринимательской деятельностью.

¹⁸ Сведения об уголовной ответственности юридических лиц по законодательству этой страны приводятся по материалам, собранным автором во время командировки в Швецию в декабре 2013 г.

¹⁹ Уголовный кодекс Швеции / Научн. ред. Н.Ф. Кузнецова, С.С. Беляев; пер. на рус. яз. С.С. Беляева. СПб., 2001.

²⁰ Закон 1986:1007.

²¹ Уголовный кодекс Швеции. С. 10.

Таким образом, юридическое лицо выступало не субъектом преступления, а субъектом наказания в соответствии с уголовным законом (субъектом, для которого наступают особые правовые последствия, санкции). При этом корпоративный штраф применялся наряду с индивидуальной ответственностью физического лица, а не вместо нее.

С 1 июня 2006 г. вступили в силу изменения в законодательство о корпоративном штрафе²², суть которых сводится к следующему²³:

- упразднено требование о том, что преступление должно иметь последствием грубое пренебрежение особыми обязательствами, связанными с хозяйственной деятельностью, либо иным образом носить тяжкий характер;

- ответственность хозяйствующего субъекта признана первичной по отношению к индивидуальной ответственности, если речь идет о преступлениях в рамках хозяйственной деятельности, совершенных по неосторожности, степень тяжести которых предполагает наказание в виде штрафа, исчисляемого в зависимости от размера дохода в день;

- введено правило проверки обоснованности возбуждения дела, означающее, что возбудить дело по обвинению в преступлении, состав которого может предполагать иск о наложении штрафа на хозяйствующий субъект и которое было совершено по неосторожности и предположительно не повлечет иного наказания, кроме штрафа, прокурор может только в случае, если возбуждение дела обосновано защитой интересов общества;

- введена возможность наложения штрафа на хозяйствующий субъект путем назначения наказания в суммарном порядке, если размер штрафа не превышает суммы 500 тыс. крон.

При этом под хозяйствующими субъектами, являющимися субъектами уголовной ответственности, понимаются физические или юридические лица, ведущие экономическую деятельность, имеющую характер промысла, независимо от того, направлена ли такая деятельность на извлечение прибыли или нет²⁴.

Условием наложения штрафа на хозяйствующий субъект является преступление, совершенное при осуществлении хозяйственной деятельности.

Размеры сумм штрафа, налагаемого на хозяйствующий субъект, с 1 июля 2006 г. определены в диапазоне от 5 тыс. крон до 10 млн крон.

Для применения штрафа к хозяйствующему субъекту требуется, чтобы хозяйствующий субъект не принял мер, которые обоснованно требовались

для предупреждения преступления. В случае, если им осуществлялся разумный контроль над тем, чтобы деятельность осуществлялась в соответствии с законом, штраф не применяется.

Штраф на хозяйствующий субъект может быть наложен тогда, когда преступление совершено лицом, находящимся на руководящей должности, которое может представлять хозяйствующий субъект или принимать решения от его имени.

Под такими лицами понимаются те лица, которые входят в состав руководства предприятия, а также лица, которые несут ответственность за то, чтобы деятельность осуществлялась в соответствии с законом.

Введение института штрафа на хозяйствующий субъект (корпоративного штрафа) в систему санкций, предусматриваемых Уголовным кодексом за преступления, обеспечивает основания для рассмотрения вопроса о штрафе на хозяйствующий субъект в рамках предварительного следствия.

Прокурор на ранней стадии предварительного следствия решает, будет ли ставить вопрос о наложении штрафа на хозяйствующий субъект.

В рамках предварительного следствия хозяйствующему субъекту может быть назначен защитник.

В Швеции имеется обширная практика привлечения к уголовной ответственности юридических лиц.

Изучение зарубежного законодательства позволяет не только предлагать возможные в рамках российского законодательства уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность юридических лиц, но и рассматривать уголовно-процессуальные вопросы, связанные с введением уголовной ответственности юридических лиц.

Так, в странах Европы вопросы об уголовной ответственности юридических лиц обычно рассматриваются с применением тех же процедур, что используются при привлечении к уголовной ответственности физических лиц в рамках одного (общего для физических и юридических лиц) уголовного дела, по которому выносится один (общий для них) приговор. При этом содеянное физическими и юридическими лицами рассматривается отдельно и им дается самостоятельная оценка.

²² Закон 2006:283.

²³ При обзоре изменений использованы материалы Генеральной прокуратуры Швеции.

²⁴ Понятия хозяйствующего субъекта и хозяйственной деятельности имеют в шведском праве широкий смысл. Каждый, кто осуществляет деятельность экономического характера, определяется как хозяйствующий субъект, причем целью деятельности не обязательно является извлечение прибыли.

Предусматривается в ряде стран и возможность отдельного судебного рассмотрения дел в отношении взаимосвязанных деяний физического лица и юридического лица.

Процедура привлечения к уголовной ответственности юридического лица начинается с возбуждения уголовного дела в отношении физического лица или физических лиц, совершивших противоправные деяния в интересах соответствующего юридического лица (для его выгоды) либо от его имени.

В процессе расследования уголовного дела собираются доказательства, позволяющие дать уголовно-правовую оценку действиям физических и юридических лиц. Интересы юридического лица в ходе расследования может представлять защитник.

Особенности производства по уголовным делам в отношении юридических лиц, на наш взгляд, могут быть отражены в самостоятельной главе ч. 4 УПК РФ «Особый порядок уголовного производства».

При этом предстоит установить особенности уголовно-процессуальной деятельности по делам о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц, а также основания и условия проведения ОРД в отношении юридических лиц, разработав соответствующие теоретические подходы.

Автор солидарен с высказанной профессором Н.Е. Крыловой позицией, которая писала: «Смеем предположить, что уголовное право России будет развиваться именно в этом направлении, т.е. создания уголовно-правовых мер, применяемых к юридическим лицам. Назначение этих мер будет возможно по аналогии с вынесением частного определения судом в отношении организации, где работает подсудимый. Физическое лицо, совершившее преступление, будет осуждаться в соответствии с правилами, установленными уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, а следующим вопросом будет поставлен вопрос об ответственности юридического лица. Если «участие» организации в совершении преступления существенно либо если виновный преступает уголовный закон для обогащения, получения иной выгоды юридическим лицом, последнее, в зависимости от случая, будет подвергаться мерам уголовно-правового характера вплоть до ликвидации такого лица»²⁵.

Ближайшее время покажет, пойдет ли российский законодатель по этому пути, ограничится ли только административной ответственностью юридических лиц либо будет «дрейфовать» в сторону англо-саксонской модели привлечения юридических лиц к уголовной ответственности.

Литература

1. Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности. СПб., 2011.
2. Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: Учеб. пособие / Науч. ред. Н.Ф. Кузнецова; отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2009.
3. Голованова Н.А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Мат. VIII Ежегодных науч. чтений памяти проф. С.Н. Братуся. М., 2013.
4. Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / Отв. ред. В.И. Лафитский. М., 2013.
5. Деятельность прокуроров по привлечению к ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения: Пособие / Авт. кол. под рук. С.К. Илия. М., 2013.
6. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: Моногр. / Под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М., 2010.
7. Михайлов В.И. Конфискация имущества / Энциклопедия уголовного права. Т. 12. Иные меры уголовно-правового характера. СПб., 2008.
8. Михайлов В.И. Нужна ли уголовная ответственность юридических лиц в Российской Федерации? // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: Мат. российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.) / Отв. ред. Г.И. Богуш; науч. ред. У. Зибер, В.С. Комиссаров. М., 2013.
9. Сидоренко Э.Л., Князев А.Д. Международно-правовые основы уголовной ответственности юридических лиц // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 3.
10. Федоров А.В. Антикоррупционная конвенция ОЭСР как часть правовой системы Российской Федерации: уголовно-правовой и уголовно-политические аспекты // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии им. В.Б. Бобкова. 2013. № 4 (48).
11. Федоров А.В. Введение уголовной ответственности юридических лиц — прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: Мат. Междунар. науч.-практ. конф. (21 марта 2014 г.). В 2 ч. Ч. I. М., 2014.
12. Федоров А.В. О перспективах введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации: политико-правовой анализ // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии им. В.Б. Бобкова. 2014. № 2 (50).
13. Федоров А.В. Ответственность юридических лиц за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в Королевстве Испания // Наркоконтроль. 2014. № 1.
14. Федоров А.В. Соотношение наркопреступлений и административных наркоправонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7).
15. Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. М., 1998.
16. Уголовный кодекс Швеции / Науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, С.С. Беляев. СПб., 2001.

²⁵ Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: Учеб. пособие / Науч. ред. Н.Ф. Кузнецова; отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2009. С. 108.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ — НОВОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассказывается об образовательном учреждении высшего образования — Академии Следственного комитета Российской Федерации и организации ее деятельности.

Ключевые слова: Академия, Следственный комитет Российской Федерации.

Annotation. The article focuses on the educational institution of higher education, the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation and the Organization's activities.

Keywords: Academy, the Investigative Committee of the Russian Federation.

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации» было создано распоряжением Правительства РФ от 27 января 2014 г. № 77-р (далее — Академия).

Академия создана на базе федерального государственного казенного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации» (далее — Институт), осуществлявшем повышение квалификации и профессиональную переподготовку сотрудников системы Следственного комитета Российской Федерации в интересах получения ими профессиональных знаний и навыков в сфере передовой отечественной и зарубежной следственной практики.

За время существования Института (с 2010 г.) профессорско-преподавательским составом была повышена квалификация более чем 7500 сотрудников Следственного комитета Российской Федерации различных категорий (руководителей следственных органов и подразделений, следователей, следователей-криминалистов, сотрудников процессуального контроля, помощников следователей) по 20 образовательным программам дополнительного образования.

Сегодня структура Академии представлена двумя институтами — Юридический институт и Институт повышения квалификации.

Кроме того, в структуре Академии имеется один филиал в Санкт-Петербурге, где будут реализовываться программы высшего образования, и шесть факультетов — в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Хабаровске, где реализуются программы дополнительного профессионального образования.

Приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации от 14 апреля 2014 г. Академии Следственного комитета Российской Федерации была выдана лицензия на право ведения образовательной деятельности по программам высшего образования по направлениям подготовки специалитета — «Правовое обеспечение национальной безопасности» и магистратуры — «Юриспруденция».

Кроме того, приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации от 21 февраля 2014 г. Академии Следственного комитета Российской Федерации была выдана лицензия на право ведения образовательной деятельности по программе высшего образования — подготовка кадров высшей квалификации.

Необходимо отметить, что юридические специальности у абитуриентов в настоящее время пользуются достаточно большим спросом и входят в число самых популярных. Однако, несмотря на огромное количество выпускников-юристов в стране, Следственный комитет Российской Федерации ис-

пытывает нехватку профессионально подготовленных и ориентированных на следственную работу сотрудников.

В своем выступлении на интернет-конференции еще в 2009 г. С.М. Шахрай справедливо заметил: «По данным Росстата и Министерства образования и науки России, 50% из примерно 750 тыс. дипломированных юристов по специальности не работают. Иными словами, некачественных юристов много, как минимум вдвое больше общей потребности в юридических кадрах. А вот высокопрофессиональных юристов, чья квалификация устраивала бы конкретную компанию, конкретный государственный орган, найти всегда непросто»¹. На сегодняшний день ситуация мало изменилась.

Представляется, что ядро юридического образования состоит не в передаче знаний, а в привитии этических и ценностных ориентиров, которые составляют понятие «профессионализм».

Юридическое образование — это целостное воспитание человека, его потребностей, нравственности, интеллекта, воли².

Процесс формирования современного следователя представляет собой не просто передачу тех или иных знаний, но и целостный процесс окультуривания, «возделывания» личности обучающегося.

В связи с этим главной задачей Академии сегодня является подготовка юристов (следователей) — идейных, практически ориентированных, желающих работать и осознающих важность профессии следователя для общества и государства, что также будет способствовать и укреплению, и стабилизации кадрового состава в целом в системе Следственного комитета Российской Федерации, повышению уровня профессионализма следователей, обеспечению преемственности кадров.

В 2014 г. Академия осуществляет свой первый набор обучающихся, в которых будет воспитываться осознание и приятие основных правовых принципов демократического общества, ценности права — необходимого элемента урегулирования интересов людей и поддержания стабильности и законности в обществе, а также особой социальной значимости и ответственности профессии следователя.

В текущем учебном году на обучение в Академию набрано 75 человек.

В целях обеспечения отбора среди абитуриентов лиц, наиболее склонных к работе в Следственном комитете Российской Федерации, устанавливается четкий и строгий порядок приема граждан на обучение

в Академию. Так, гражданам, желающим поступить в Академию, необходимо обратиться в кадровое подразделение следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по месту жительства, где с претендентом на обучение проводится собеседование, выдается перечень документов, которые абитуриент должен оформить, после чего из предоставленных документов формируется личное дело, которое с заключением руководителя кадрового подразделения направляется в Приемную комиссию Академии Следственного комитета Российской Федерации для проведения отбора.

Отличительной чертой юридического образования в Академии Следственного комитета Российской Федерации является необходимость овладения будущими следователями как теоретических (базовых) дисциплин, изучаемых юристами, так и приобретение практических навыков в расследовании преступлений. В Академии выделяется большое количество учебных часов на изучение специальных учебных дисциплин, таких как криминалистика, уголовный процесс, уголовное право, методика расследования отдельных видов преступлений, актуальные проблемы уголовного судопроизводства, технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений, теория и практика квалификации преступлений, правовые основы противодействия коррупции и формирования антикоррупционного поведения сотрудников Следственного комитета Российской Федерации и др.

Обучающиеся Академии по программам высшего образования будут проходить производственную практику в следственных органах Следственного комитета Российской Федерации, участвовать в производстве следственных действий и по завершению обучения придут работать в подразделения Следственного комитета Российской Федерации как высококвалифицированные специалисты, готовые к следственной работе.

В структуре Академии имеется лаборатория по управлению профессиональными знаниями следствия, где постоянно ведется работа по обобщению следственной и судебной практики, подготовке разного рода аналитического материала, разрабатываются методики расследования отдельных видов

¹ Шахрай С.М. Проблемы качественного юридического образования. URL://<http://www.garant.ru>

² Моисеева Л.В. Актуализация правового образования будущих педагогов дошкольного образования // Вестник ЧГПУ. 2009. № 5. С. 105—112.

преступлений. Все материалы доступны для изучения обучающихся как по программам дополнительного профессионального образования, так и по программам высшего образования. Изучение материалов, издаваемых лабораторией, будет способствовать формированию у будущих следователей четкого представления о тактике и методике расследования тех или иных видов преступлений, развитию аналитических способностей, выработке собственного алгоритма действий при планировании расследования каждого конкретного преступления.

Подготовка квалифицированного следователя невозможна без обеспечения его необходимой учебной литературой.

Академией проделана большая работа по закупке литературы для формирования библиотечного фонда. Произведена закупка в полном объеме необходимой литературы для обеспечения учебного процесса по программам высшего образования по всем учебным предметам.

На постоянной основе проводится анализ новой литературы в целях пополнения фонда библиотеки специализированной научной и учебной литературой. Литература приобретена у издательств «Юрлитинформ», «Юрайт», «Инфра-М», «Юридический центр Пресс», «Перспектива», «Норма». Академия и факультеты имеют библиотеки, расположенные в отдельных помещениях, а также помещения читальных залов. Фонд библиотеки укомплектован учебной, методической, научной, справочной, отраслевой литературой, периодическими изданиями и стабильно пополняется. Кроме того, состав библиотечного фонда регулярно обновляется с учетом изменений действующего законодательства.

Практическая направленность обучения в Академии подтверждается и тем, что для эффективного осуществления учебной деятельности, отвечающей современным требованиям следственной практики, а также моделирования следственных ситуаций в Академии создан криминалистический полигон, где успешно проводятся практические занятия по криминалистике, в ходе которых используются специально приобретенные Академией различные виды современных технико-криминалистических средств.

Важнейшим показателем качества образования в Академии Следственного комитета Российской Федерации является ее профессиональный профессорско-преподавательский состав, представленный преимущественно сотрудниками, чья деятельность ранее была связана непосредственно и продолжительное время с работой по реализации уголовно-процессуального законодательства, защитой прав и свобод человека и гражданина. Это работники Следственного комитета Российской Федерации, органов прокуратуры, полиции, судебных органов власти. Сильным является и научный потенциал преподавательского состава, 80% которого имеют ученые степени и ученые звания. На первом курсе занятия с обучающимися будут проводить доктора и кандидаты наук. Преподаватели Академии активно занимаются научной деятельностью, что выражается в значительном количестве их публикаций в периодических изданиях, подготовке монографических трудов, учебной литературы. Труды сотрудников Академии вызывают неподдельный интерес научного сообщества и находятся на хорошем счету.

Вся деятельность Академии с начала 2014 г. направлена на создание полноценной материально-технической базы для обеспечения качественного учебного процесса по программам высшего образования, продолжение подбора наиболее опытных и высококлассных преподавателей, формирование четкой и качественной системы отбора абитуриентов, поступающих в Академию.

Представляется, что у Академии есть все возможности и ресурсы для воспитания и обучения следователей для работы в системе Следственного комитета Российской Федерации, чтобы стать престижным учебным заведением в системе вузов, осуществляющих подготовку юристов.

Литература

1. *Шахрай С.М.* Проблемы качественного юридического образования. URL://<http://www.garant.ru>
2. *Монсеева Л.В.* Актуализация правового образования будущих педагогов дошкольного образования // Вестник ЧГПУ. 2009. № 5.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ. СОВРЕМЕННОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Аннотация. В правовом государстве всегда должна проводиться нормотворческо-правовая политика. В современной России пересмотрены механизмы управления, определены или дополнены новые правила и полномочия тех или иных субъектов управления. Правовые реформы, проведенные за последние годы в стране, коснулись не только субъектов управления, но и нашли отражение в федеральных законах.

Ключевые слова: акт, гражданско-правовой, ГК РФ, закон, право, норма, нормативный правовой акт, реестр, регистрация, Российская Федерация, лицо, субъект, участник, федерация, юридическое лицо.

Annotation. In the constitutional state the rule-making and legal policy always has to be pursued. In modern Russia mechanisms of management are reconsidered, new rules and powers of these or those subjects of management are defined or added. The legal reforms which are carried out in recent years in the country concerned not only subjects of management, but also found reflection in federal laws.

Keywords: act, civil, Civil code of the Russian Federation, law, right, norm, regulatory legal act, register, registration, Russian Federation, person, subject, participant, federation, legal entity.

Проведенные правовые реформы, процессы развития рыночных отношений, пересмотр правового положения участников различных правоотношений и государственных органов (субъектов управления) в тех или иных нормативных правовых актах (далее — НПА) по существу закономерно требуют их толкования в новом контексте — с правовой точки зрения. Определенное толкование (юридическое закрепление) понятия «участники правоотношения», например, содержит ч. 1 Гражданского кодекса РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ¹. Следует отметить, что правовые подходы к участникам правоотношения в разных странах различны, чего нельзя сказать о российской праве. Так, в современной зарубежной правовой литературе теориям юридического лица обычно не уделяется большого внимания. Например, немецкие теоретики пишут, что юридическое лицо следует рассматривать в качестве обобщающего юридико-технического понятия, служащего для признания «лиц или вещей» (предметов) правоспособными организациями, а сущность этого понятия объясняется многочисленными теориями, которые «не имеют практического значения и не обладают большой познавательной ценностью»².

Современный дифференцированный характер в толковании данного вопроса не наблюдается и с точки зрения глобализации³.

В современной юридической литературе с научно-практической точки зрения ставятся вопросы, связанные с определением гражданской правосубъектности юридических лиц. Несомненно, цивилистическая (юридическая) мысль и административно-правовые вопросы (проблемные аспекты) в России постоянно развиваются в поисках единого толкования юридического лица, что можно заметить в трудах ряда ученых, среди них Е.Н. Трубецкой, Н.Л. Дювернуа, Л.Л. Герваген, Ю.С. Гамбаров, Н.М. Коркунов, С.Н. Братусь, М.М. Агарков, А.В. Венедиктов, В.П. Грибанов, О.А. Красавчиков, В.А. Рахмилович, О.С. Иоффе, Е.А. Суханов, О.Н. Садилов, Ю.К. Толстой, М.И. Кулагин, Д.М. Генкин, Б.Б. Черепяхин, В.А. Тархов и др.

¹ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 (ред. от 5 мая 2014 г., с изм. от 23 июня 2014 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2014 г.).

² Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000; Гражданское право. Т. 1 / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Е.А. Суханова. М., 2004.

³ Глобалистика: Международный энциклопедический словарь. М.—СПб., 2006.

В России в XX и XXI вв. произошли глубокие и глобальные преобразования. Совершены решительные повороты в регулировании гражданско-правовых и других правовых отношений. По нашему мнению, они выражаются в кардинальном изменении государственного строя, пересмотре социально-экономических вопросов, изменении конституционного строя, правовых мер и их применения. Тем самым претерпела изменения российская правовая система административных и гражданско-правовых отношений. Современной отличительной особенностью стало утверждение и развитие частного права, которое закономерно взаимосвязано с другими юридическими отраслевыми науками. В соответствии с Конституцией РФ государством поставлена цель по созданию гражданского общества, где будет существовать независимость частных имущественных интересов и связей от властных административных структур, где общая правовая атмосфера совершения всевозможных гражданско-правовых сделок или административно-правовых действий всецело будет зависеть от свободной воли участников правоотношений.

В свое время В.П. Грибанов отметил, что выяснить сущность юридического лица — значит также уяснить взаимосвязь между характером общественных производственных отношений и их выражением в деятельности различного рода образований и в правовом оформлении их деятельности⁴. Критически анализируя признаки юридического лица как общеправовой категории, выделяемые в отечественной науке (Н.И. Косякова, В.Е. Чиркин и др.), О.А. Ястребов в своем фундаментальном диссертационном исследовании формулирует собственный подход в толковании о юридическом лице, выделяя конкретные признаки, в частности: организационное единство, выраженное через понятие «организация»; отличие правосубъектности персонафицируемой организации от правосубъектности составляющих ее физических лиц, т.е. разделение ее прав, обязанностей и ответственности и прав, обязанностей и ответственности составляющих ее лиц; собственное наименование и персонафицированная организационно-правовая форма; легальность возникновения, т.е. создание в установленном законом порядке, включающее в определенных законом случаях регистрацию.

На основе этих и других признаков, учитывая позитивные и спорные моменты определений общеправового понятия юридического лица, данных отечественными учеными, он формулирует авторскую дефиницию юридического лица, под которым предлагает понимать *организацию, созданную в установленном*

*законом порядке, действующую на основании учредительных документов, имеющую собственное наименование и организационно-правовую форму, обладающую собственной правосубъектностью и дееспособностью и отвечающую в соответствии с действующим законодательством за свои деяния и акты*⁵.

Подобного характера суждения за последние десять лет мы можем заметить и в других научных трудах⁶. Вместе с тем надо учитывать и закономерности разностороннего характера закрепления об участниках правоотношений по приданию им соответствующего статуса участника правоотношения, например, таких государственных основных стадий, как регистрация, внесение в единый реестр, проведение предоставленных для регистрации документов правовой экспертизы на предмет отсутствия в них коррупциогенных факторов (ФЗ от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (ред. от 21 октября 2013 г.)⁷ и др. Законодателями в мае 2014 г. внесены существенные изменения в ряде федеральных законов в части толкования понятия «юридического лица», в частности, в ст. 48 ГК РФ («Понятие юридического лица»). Так, юридическим

⁴ Грибанов В.П. Юридические лица. М., 1961. С. 9.

⁵ Ястребов О.А. Юридическое лицо публичного права: сравнительно-правовое исследование: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2010.

⁶ Чапурных Я.Н. Административная ответственность юридических лиц в сфере предпринимательской деятельности: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

⁷ В данном случае установлены правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы НПА и их проектов. К коррупциогенным факторам относятся положения актов (проектов), устанавливающие необоснованно широкие пределы усмотрения для правоприменителя или возможность необоснованного применения исключений из общих правил. Таковыми являются и положения с неопределенными, трудновполнимыми и (или) обременительными требованиями к гражданам и организациям, создающие условия для проявления коррупции. Антикоррупционная экспертиза носит обязательный характер. Она проводится Минюстом России, прокуратурой, а также иными органами, организациями и их должностными лицами. Минюст России проверяет проекты ФЗ, указов Президента и постановлений Правительства РФ; нормативно-правовые акты, подлежащие госрегистрации; НПА субъектов РФ (при мониторинге их применения). К сфере прокурорской антикоррупционной проверки отнесены вопросы, касающиеся прав и свобод граждан; государственной и муниципальной службы; бюджетного, налогового, таможенного, лесного и некоторых иных отраслей законодательства. При выявлении коррупциогенных факторов прокурор вправе потребовать внести изменения в акт или обратиться непосредственно в суд. В требованиях прокурора должны быть указаны коррупциогенные факторы и предложены способы их устранения. Оно подлежит обязательному рассмотрению и может быть обжаловано. Иные органы, организации и их должностные лица проводят экспертизу принятых ими актов. Общественные организации и граждане также могут проводить независимую экспертизу за свой счет. Заключение, составленное по результатам такой экспертизы, носит рекомендательный характер. Однако оно подлежит обязательному рассмотрению // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

лицом в России в настоящее время (толкование статьи действует с 1 сентября 2014 г.) признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Оно должно быть зарегистрировано в едином государственном реестре юридических лиц как одна из организационно-правовых форм, предусмотренных ГК РФ. К юридическим лицам, на имущество которых их учредители имеют вещные права, относятся государственные и муниципальные унитарные предприятия, а также учреждения. К юридическим лицам, в отношении которых их участники имеют корпоративные права, относятся корпоративные организации (ст. 65.1). Расширены полномочия и пересмотрено правовое положение Центрального банка РФ, которое определяется Конституцией РФ и законом о ЦБ РФ.

Законодателями в ст. 49 ГК РФ также конкретизированы вопросы правоспособности юридического лица, в частности, оно может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительном документе (ст. 52 ГК), и нести связанные с этой деятельностью обязанности. При этом коммерческие организации, за исключением унитарных предприятий и иных видов организаций, предусмотренных законом, могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом. В случаях, предусмотренных законом, как участник правоотношения может заниматься отдельными видами деятельности только на основании специального разрешения (лицензии), членства в саморегулируемой организации или выданного саморегулируемой организацией свидетельства о допуске к определенному виду работ.

Юридическое лицо может быть ограничено в правах лишь в случаях и в порядке, предусмотренных законом. Решение об ограничении прав может быть оспорено им в суде. Его правоспособность возникает с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании и прекращается в момент внесения в указанный реестр сведений о его прекращении. Тем самым право юридического лица осуществлять деятельность, для занятия которой необходимо получение специального разрешения (лицензии), членство в саморегулируемой организации или получение свидетельства саморегулируемой организации о допуске к определенному виду работ, возникает с момента получения такого

разрешения (лицензии) или в указанный в нем срок либо с момента вступления им в саморегулируемую организацию или выдачи саморегулируемой организацией свидетельства о допуске к определенному виду работ и прекращается при прекращении действия разрешения (лицензии), членства в саморегулируемой организации или выданного саморегулируемой организацией свидетельства о допуске к определенному виду работ.

Гражданско-правовое положение юридических лиц и порядок их участия в гражданском обороте (ст. 2) регулируются нормами ГК РФ, а в административном правоотношении в случае допущения им и противоправных деяний регулируются нормами КоАП РФ⁸, и они закреплены в ст. 2.10 КоАП РФ. При этом законодатель в данной статье к сожалению, не дает определения юридического лица. Что нельзя сказать, скажем, в отношении термина «должностное лицо», которое отдельно даны в примечании ст. 2.4. КоАП РФ. Как видим, особенности гражданско-правового положения юридических лиц отдельных организационно-правовых форм, видов и типов, а также юридических лиц, созданных для осуществления деятельности в определенных сферах, определяются в соответствии с ГК РФ, другими законами и иными правовыми актами.

Актуализация толкования о юридических лицах заключается также в том, что законодатели подошли к рассматриваемому вопросу с точки зрения дифференциации. В частности, об этом свидетельствует наличие отдельной статьи в ГК РФ (ст. 50) («Коммерческие и некоммерческие организации»⁹), согласно которой юридическими лицами могут быть организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (коммерческие организации) либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие организации). Или же юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться в организационно-правовых формах хозяйственных товариществ и обществ, крестьянских (фермерских) хозяйств, хозяйственных партнерств, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий.

⁸ КоАП РФ от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 28 июня 2014 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 5 июля 2014 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁹ ФЗ РФ от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (ред. от 4 июня 2014 г.) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

Юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями, могут создаваться в таких организационно-правовых формах, как:

- потребительские кооперативы: жилищные, жилищно-строительные и гаражные кооперативы, садоводческие, огороднические и дачные потребительские кооперативы, общества взаимного страхования, кредитные кооперативы, фонды проката, сельскохозяйственные потребительские кооперативы;
- общественные организации: политические партии и созданные в качестве юридических лиц профессиональные союзы (профсоюзные организации), общественные движения, органы общественной самодеятельности, территориальные общественные самоуправления;
- ассоциации (союзы): некоммерческие партнерства, саморегулируемые организации, объединения работодателей, объединения профессиональных союзов, кооперативов и общественных организаций, торгово-промышленные, нотариальные и адвокатские палаты;
- товарищества собственников недвижимости: товарищества собственников жилья, казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в России, общин коренных малочисленных народов России;
- фонды: общественные и благотворительные фонды;
- учреждения: государственные учреждения (государственные академии наук), муниципальные учреждения и частные (общественные) учреждения, автономных некоммерческих организаций, религиозных организаций, и публично-правовых компаний.

Как мы видим, в условиях развития рыночной экономики присутствует разносторонние субъекты (участники) правоотношения, и некоммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, если это соответствует таким целям.

Некоммерческая организация¹⁰, уставом которой предусмотрено осуществление приносящей доход деятельности, за исключением казенного и частного учреждений, должна иметь достаточное для осуществления указанной деятельности имущество рыночной стоимостью не менее минимального размера уставного капитала, предусмотренного для обществ с ограниченной ответственностью (п. 1 ст. 66.2 ГК), а к отношениям по осуществлению некоммерческими органи-

зациями своей основной деятельности, а также к другим отношениям с их участием, не относящимся к предмету гражданского законодательства (ст. 2), правила ГК РФ не применяются, если законом или уставом некоммерческой организации не предусмотрено иное.

Вышеназванный НПА (ГК РФ) также поставил точку — определил решение об учреждении юридического лица (ст. 50.1), что оно может быть создано на основании решения учредителя (учредителей) об учреждении юридического лица, а в случае учреждения его одним лицом решение о его учреждении принимается учредителем единолично. В случае учреждения юридического лица двумя и более учредителями указанное решение принимается всеми учредителями единогласно. А в решении об его учреждении указываются сведения об учреждении юридического лица, утверждении его устава, о порядке, размере, способах и сроках образования его имущества, об избрании (назначении) органов юридического лица. В решении же об учреждении корпоративного юридического лица (ст. 65.1) указываются сведения о результатах голосования учредителей по вопросам его учреждения, о порядке совместной деятельности учредителей по его созданию; в решении об учреждении юридического лица указываются также иные сведения, предусмотренные законом.

Уместно будет в данном случае обратить внимание и на существенный вопрос о государственной регистрации юридических лиц¹¹. Оно подлежит госрегистрации в уполномоченном государственном органе в порядке, предусмотренном законом о госрегистрации юридических лиц (нормы НК РФ, Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации») (ред.

¹⁰ В данном случае правило п. 5 ст. 50 ГК РФ подлежит применению к некоммерческим организациям, создаваемым со дня официального опубликования ФЗ от 5 мая 2014 г. № 99. В отношении некоммерческих организаций, созданных до дня его официального опубликования, указанное правило применяется с 1 января 2015 г.

¹¹ Правила закреплены в ФЗ от 8 августа 2001 г. № 129 «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Данным законом предусмотрен единый порядок регистрации юридических лиц независимо от их организационно-правовой формы и сферы экономической активности. Регистрация осуществляется уполномоченным ФОИВ. Информация обо всех юридических лицах отражается в Едином государственном реестре юридических лиц, устанавливается порядок ведения реестра, порядок и сроки госрегистрации, приводятся перечни документов, необходимых для регистрации. Сведения, содержащиеся в государственном реестре, являются открытыми и общедоступными, за исключением паспортных данных физических лиц и их идентификационных номеров налогоплательщиков. Устанавливается порядок предоставления сведений из реестра // СЗ РФ. 2001 № 33 (ч. 1). Ст. 3431 (в ред. от 5 мая 2014 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 30 сентября 2014 г.).

от 23 июня 2014 г.)¹². Данные госрегистрации включаются в Единый государственный реестр юридических лиц, открытый для всеобщего ознакомления, а лицо, добросовестно полагающееся на данные Единого госреестра юридических лиц¹³, вправе исходить из того, что они соответствуют действительным обстоятельствам. Юридическое лицо не вправе в отношениях с лицом, полагавшимся на данные Единого госреестра юридических лиц, ссылаться на данные, не включенные в указанный Реестр, а также на недостоверность данных, содержащихся в нем, за исключением случаев, если соответствующие данные включены в Реестр в результате неправомерных действий третьих лиц или иным путем помимо воли юридического лица.

Юридическое лицо обязано возместить убытки, причиненные другим участникам гражданского оборота вследствие непредставления, несвоевременного представления или представления недостоверных данных о нем в Единый государственный реестр юридических лиц. При этом до госрегистрации юридического лица, изменений его устава или до включения иных данных, не связанных с изменениями устава, в Единый государственный реестр юридических лиц уполномоченный государственный орган обязан провести в порядке и в срок, которые предусмотрены законом, проверку достоверности данных, включаемых в указанный Реестр. В случаях и в порядке, которые предусмотрены законом о госрегистрации юридических лиц, уполномоченный государственный орган (ФНС России¹⁴) обязан заблаговременно сообщить заинтересованным лицам о предстоящей госрегистрации изменений устава юридического лица и о предстоящем включении данных в Единый государственный реестр юридических лиц. При этом заинтересованные лица вправе направить в уполномоченный государственный орган возражения относительно предстоящей госрегистрации изменений его устава или предстоящего включения данных в единый госреестр юридических лиц в порядке, предусмотренном ФЗ о госрегистрации юридических лиц и уполномоченный госорган обязан рассмотреть эти возражения и принять соответствующее решение в порядке и в срок, которые предусмотрены ФЗ о госрегистрации юридических лиц. Но отказ его в госрегистрации, а также во включении данных о нем в Единый государственный реестр юридических лиц допускается только в случаях, предусмотренных законом о госрегистрации юридических лиц. Отказ его в госрегистрации и уклонение от такой регистрации могут быть

оспорены в суде. При этом его госрегистрация может быть признана судом недействительной в связи с допущенными при его создании грубыми нарушениями

¹² Минюст России является федеральным органом исполнительной власти (ФОИВ), осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в своей сфере деятельности, а также в сфере исполнения уголовных наказаний, адвокатуры и нотариата, обеспечения установленного порядка деятельности судов и исполнения судебных актов и актов других органов, регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, регистрации общественных объединений, религиозных организаций и политических партий. Руководство деятельностью Минюста России осуществляет Президент РФ. Минюст России осуществляет координацию и контроль деятельности подведомственных ему ФСИН России, Росрегистрации и ФССП России // СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4108.

¹³ Они определены Приказом Минфина России от 23 ноября 2011 г. № 158н «Об утверждении Порядка ведения Единого государственного реестра юридических лиц и предоставления содержащихся в нем сведений и документов» (Зарегистрировано в Минюсте России 5 апреля 2012 г. № 23734). В настоящее время утвержден новый порядок ведения ЕГРИП и выдачи сведений из него. Реестр ведется ФНС России на бумажных и (или) электронных носителях. В нем содержатся данные об ИП и главах КФХ, а также документы, на основании которых они вносятся. Относительно каждой записи указываются дата внесения в реестр, наименование налогового органа, сделавшего ее, и реквизиты документа, подтверждающего факт такой записи в ЕГРИП (если он оформлен на бумаге). Записи о регистрации ИП или КФХ, а также первоначальной записи об ИП, зарегистрированном до 1 января 2004 г., присваивается ОГРНИП. Остальным записям — ГРН (состоит из 15 знаков). Установлено, как вносятся сведения в электронные базы данных ЕГРИП. Информация из реестра предоставляется по запросу, в котором указываются ФИО ИП (главы КФХ), его ОГРНИП или ИНН. Он направляется в бумажной или электронной форме. Адреса территориальных органов ФНС России, уполномоченных предоставлять данные из ЕГРИП, публикуются на официальном сайте управления Службы по соответствующему субъекту РФ. Если информация предоставляется платно, одновременно с запросом направляется документ об оплате услуги. Если запрашиваются документы из реестра, высылаются их копии. Утверждены формы документов, выдаваемых налоговыми органами. Это, в частности, выписки из ЕГРИП, в том числе о месте жительства ИП/главы КФХ.

¹⁴ ФНС России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства РФ о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет налогов и сборов, иных обязательных платежей. ФНС России осуществляет госрегистрацию юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств, обеспечивает представления в делах о банкротстве и в процедурах банкротства требований об уплате обязательных платежей и требований РФ по денежным обязательствам. ФНС России регистрирует контрольно-кассовую технику, используемую организациями и индивидуальными предпринимателями, выдает лицензии (разрешения) на производство, хранение и оборот этилового спирта, спиртосодержащей и алкогольной продукции; производство табачных изделий; учреждение акцизных складов; на осуществление деятельности по изготовлению защищенной от подделок полиграфической продукции, в том числе бланков ценных бумаг, а также торговли указанной продукцией; проведение всероссийских лотерей. В Положении приводится перечень форм документов, установление (утверждение) которых входит в компетенцию ФНС России. Формы налоговых деклараций и порядок их заполнения, разработанные ФНС России, утверждаются Минфином, в ведении которого находится ФНС. (Постановление Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» (ред. от 30 июня 2014 г.).

закона, если эти нарушения носят неустранимый характер. Включение же их в Единый госреестр данных о юридическом лице может быть оспорено в суде, если они недостоверны или включены в указанный Реестр с нарушением закона. Все убытки, причиненные незаконным отказом в его госрегистрации, уклонением от госрегистрации, включением их в Единый госреестр недостоверных данных о юридическом лице либо нарушением порядка госрегистрации, предусмотренного ФЗ о госрегистрации их, по вине уполномоченного госоргана, подлежат возмещению за счет федеральной казны.

Юридическое лицо считается созданным, а данные о юридическом лице считаются включенными в Единый государственный реестр юридических лиц со дня внесения соответствующей записи в этот Реестр. То есть на основе изложенного мы можем дать современное определение следующего характера: **юридическое лицо — это участник правоотношения, обладающий юридическими правами и обязанностями, зарегистрированное на территории России и имеющий собственные сведения (данные) в Едином государственном реестре.**

Немаловажным фактором в толковании о юридическом лице занимают и его учредительные документы, в частности юридические лица, за исключением хозяйственных товариществ, действуют на основании уставов, которые утверждаются их учредителями (участниками). При этом хозяйственное товарищество действует на основании учредительного договора, который заключается его учредителями (участниками) и к которому применяются правила ГК РФ об уставе юридического лица. Для их госрегистрации могут использоваться типовые уставы, формы которых утверждаются уполномоченным госорганом в порядке, установленном ФЗ о госрегистрации юридических лиц. В этих случаях сведения, предусмотренные ГК РФ (п. 4 ст. 52 и п. 5 ст. 54 ГК РФ), не включаются в его устав и указываются в Едином госреестре юридических лиц. В случаях, предусмотренных законом, учреждение может действовать на основании единого типового устава, утвержденного его учредителем или уполномоченным им органом для учреждений, созданных для осуществления деятельности в определенных сферах. При этом устав должен содержать сведения о его наименовании, месте его нахождения, порядке управления его деятельностью, а также другие сведения, предусмотренные законом для юридических лиц соответствующих организационно-правовой формы и вида. В уставах же некоммерческих

организаций, уставах унитарных предприятий и в предусмотренных законом случаях в уставах других коммерческих организаций должны быть определены предмет и цели деятельности юридических лиц. Предмет и определенные цели деятельности коммерческой организации¹⁵ могут быть предусмотрены уставом также в случаях, если по закону это не является обязательным. Все учредители (участники) юридического лица вправе утвердить регулирующие корпоративные отношения (п. 1 ст. 2 ГК) и не являющиеся учредительными документами внутренний регламент и иные внутренние его документы. Так, во внутреннем регламенте¹⁶ и в иных его внутренних документах могут содержаться положения, не противоречащие учредительному документу юридического лица. Изменения, внесенные в его учредительные документы, приобретают силу для третьих лиц с момента госрегистрации учредительных документов, а в случаях, установленных законом, с момента уведомления органа, осуществляющего госрегистрацию, о таких изменениях. Однако они и их учредители (участники) не вправе ссылаться на отсутствие регистрации таких изменений в отношениях с третьими лицами, действовавшими с учетом таких изменений. Вместе с тем законодатели в целях предоставления возможности разностороннего характера деятельности закрепляют также положение об органах юридического лица. Так, если юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие от его имени (п. 1 ст. 182 ГК) в соответствии с законом, иными НПА и учредительным документом. Порядок образования и их компетенция определяются также законом и учредительным документом. Например, учредительным документом может быть предусмотрено, что полномочия выступать от имени юридического лица предоставлены нескольким лицам, действующим совместно или независимо друг от друга. Сведения об этом подлежат включению в Единый госреестр юридических лиц. Или же в предусмотренных названным выше Гражданским кодексом РФ случаях юридическое лицо может приобретать гражданские права и принимать на себя гражданские обязанности через своих участников¹⁷. Лицо же, которое в силу закона, иного правового акта или его учредительного документа уполномочено высту-

¹⁵ Приказ Минюста России от 7 мая 2013 г. № 68.

¹⁶ Васильев Ф.П. Административное регламентирование деятельности МВД России: Учеб. пособие. В 7 ч. Ч. 2. Внутренние регламенты. М., 2012.

¹⁷ Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62.

пать от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Таковую же обязанность несут члены коллегиальных органов юридического лица (наблюдательного или иного совета, правления и т.п.). Отношения между юридическим лицом и лицами, входящими в состав его органов, регулируются ГК РФ и принятыми в соответствии с ним законами о юридических лицах.

Одновременно в ст. 53.1. ГК РФ закреплены вопросы ответственности лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих его действия. Так, лицо, которое в силу закона, иного НПА или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени (п. 3 ст. 53 ГК), обязано возместить по требованию юридического лица, его учредителей (участников), выступающих в интересах юридического лица, убытки, причиненные по его вине юридическому лицу. Лицо, которое в силу закона, иного НПА или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, несет ответственность, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно, в том числе, если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску. Ответственность, предусмотренную ГК РФ (п. 1 ст. 53.1), несут также члены коллегиальных органов юридического лица, за исключением тех из них, кто голосовал против решения, которое повлекло причинение юридическому лицу убытков, или, действуя добросовестно, не принимал участия в голосовании. Лицо же, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания лицам, названным в ГК РФ (п. 1 и 2 ст. 53.1), обязано действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно и несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу. В случае совместного причинения ему убытков лица, указанные в ГК РФ (п. 1—3 ст. 51.1), обязаны возместить убытки солидарно. Соглашение же об устранении или ограничении ответственности лиц, указанных в ГК РФ (п. 1 и 2 ст. 3.1), за совершение недобросовестных действий, а в публичном обществе за совершение недобросовестных и неразумных действий (п. 3 ст. 53 ГК) ничтожно. Соглашение об устранении или ограничении ответ-

ственности лица, указанного в ГК РФ (п. 3 ст. 53.1), также ничтожно.

Надо отметить, что определенное юридическое значение имеют представительства и филиалы юридического лица. Их толкования закреплены в ст. 55 ГК РФ. Так, представительство юридического лица — это обособленное подразделение юридического лица, расположенное вне места его нахождения, которое представляет его интересы и осуществляет их защиту. Филиалом же является обособленное подразделение юридического лица, расположенное вне места его нахождения и осуществляющее все его функции или их часть, в том числе функции представительства. При этом представительства и филиалы не являются юридическими лицами. Они наделяются имуществом, созданным их юридическим лицом, и действуют на основании утвержденных им положений. Руководители этих субъектов назначаются юридическим лицом и действуют на основании его доверенности¹⁸, т.е. представительства и филиалы должны быть указаны в Едином государственном реестре юридических лиц.

В заключение следует отметить, что ответственность юридического лица закреплена и в ГК РФ, в частности юридическое лицо отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом и особенности ответственности казенного предприятия и учреждения по своим обязательствам определяются правилами абз. 3 п. 6 ст. 113, п. 3 ст. 123.21, п. 3—6 ст. 123.22 и п. 2 ст. 123.23 ГК РФ. Особенности же ответственности религиозной организации определяются правилами п. 2 ст. 123.28 ГК РФ. При этом учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ или другим законом.

Правоприменителям в целях полного толкования о юридических лицах также следует учитывать (знать) и другие статьи названного ГК РФ, среди них: ст. 58 («Правопреемство при реорганизации юридических лиц»), ст. 59 («Передаточный акт»), ст. 64.2 («Прекращение недействующего юридического лица»), ст. 65 («Несостоятельность (банкротство) юридического лица») ст. 65.1 («Корпоративные и унитарные юридические лица»).

¹⁸ Положения абз. 3 п. 3 ст. 55 ГК не распространяются на Федеральный фонд содействия развитию жилищного строительства // ФЗ РФ от 24 июля 2008 г. № 161-ФЗ.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье раскрываются вопросы виктимологического подхода к проблеме профилактики преступлений. Исходя из научного анализа, оцениваются практическая значимость виктимологических идей в борьбе с преступностью, некоторые теоретические вопросы виктимологического направления профилактики, использование виктимологических данных при расследовании преступлений. Ряд положений иллюстрируется примерами, связанными с преступностью в сфере бытовых отношений.

Ключевые слова: жертва преступления, виктимология, виктимизация, виктимологическое направление, классификация жертв преступлений, профилактика преступлений, уголовно-правовое значение виктимологических данных.

Annotation. In article questions of viktimologicheskyy approach to a problem of prevention of crimes reveal. Proceeding from the scientific analysis, the practical importance the viktimologicheskikh of ideas in fight against crime is estimated. Some theoretical questions of the viktimologicheskyy direction of prevention. Use the viktimologicheskikh of the crimes given at investigation. A number of provisions are illustrated by the examples connected with crime in the sphere of the household relations.

Keywords: victim of a crime, viktimologiya, victimization, viktimologicheskyy direction, classification of the victims of crimes, prevention of crimes, criminal and legal value viktimologicheskikh of data.

В целях повышения эффективности борьбы с преступностью наряду с изучением личности преступника, причин и условий, способствующих совершению преступления, необходимо также детально изучить личность самой жертвы преступления и все те обстоятельства, в силу которых она стала таковой¹. Ведь в основу предупреждения преступности положена мысль, что возможность преступления зависит от многих переменных, которые могут быть установлены, а затем нейтрализованы. Одной из таких переменных является жертва.

Включение в число криминологических акцентов жертвы преступления повлекло за собой качественный подход к определению как направлений профилактической работы в целом, так и организации предупреждения конкретных преступлений. Более того, многие известные, проверенные (а иногда и забракованные) меры профилактики предстали в совершенно новом свете, так как стали исходить не «от преступника», а «от потерпевшего». Такой подход позволил выработать и дополнительные меры активного воздействия на лиц, которые с наибольшей вероятностью могли оказаться потерпевшими от преступлений. Надо полагать, что со временем углублен-

ная, систематическая, разноплановая разработка проблем потерпевшего, изучение психологии жертв преступлений позволила обогатить профилактические возможности, еще больше раскрыть резервы пока малоизвестные и малоиспользуемые.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что изучение роли жертвы в совершенном преступлении, а также целенаправленное воздействие на нее являются целесообразным и даже необходимым условием для расширения форм и методов профилактической деятельности.

Именно с этой целью в 1960—1970-е гг. в советской криминологии возникло и успешно развивается научное направление — виктимология, что в буквальном переводе означает «учение о жертве».

Относительная самостоятельность того или иного направления в рамках определенной науки характеризуется наличием своего предмета изучения. Для виктимологии предметом являются личность и пове-

¹ Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. С. 7; Криминология: Учебник / Под ред. Г.А. Аванесова; 4-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 324—331.

дение потерпевших от преступных посягательств, криминологически и криминалистически значимые отношения и связи между жертвой и преступником. В основу виктимологии положена мысль о том, что наряду с изучением преступника и преступности должны быть изучены «на таком же уровне» жертвы, взятые вне зависимости от их роли, в результате совершения преступления.

Изучение указанных вопросов в борьбе с преступностью, во-первых, играет роль в деле профилактики преступлений, их раскрытия, отталкиваясь от потерпевшего, а также в индивидуализации наказания обвиняемого. Во-вторых, имеет большое значение для раскрытия некоторых закономерностей преступности, установления групп населения и территории, в которых коэффициент потерпевших выше, или наоборот, ниже среднего уровня. Это, в свою очередь, позволяет определить соответствующие «скопления» жертв и, следовательно, целенаправленнее организовывать профилактику и правовое воспитание в широких масштабах, ориентированное на рецидивных и потенциальных потерпевших, а также на возможных посягателей.

Виктимология, как и любая другая наука или научное направление, выработала понятийный аппарат. Наиболее специфичными для виктимологии терминами являются «виктимность» и «виктимизация».

Виктимность понимается как повышенная способность человека в силу социальной роли или ряда духовных и физических качеств при определенных объективных обстоятельствах становиться потерпевшим; *виктимизация* — это процесс превращения лица в реальную жертву и конечный результат такого процесса.

Виктимность — это не фатальное свойство отдельных людей, даже «невиктимный» человек может стать потерпевшим от преступления, так как виктимизация зависит, конечно, не только от личных, но и от внешних по отношению к потерпевшему факторов. В принципе, степень виктимности любого человека может быть сведена к нулю, и тогда почти в любой опасной ситуации он будет способен выбрать наиболее правильный, оптимальный или близкий к нему вариант безопасного поведения. Виктимность у одного и того же лица при различных обстоятельствах, а у различных лиц при сходных обстоятельствах проявляется не всегда одинаково.

Таким образом, виктимизация в целом включает всех потерпевших от преступления, независимо от степени виктимности, способствования или даже пря-

мой вины самих потерпевших, а объектами виктимологического исследования являются все потерпевшие. Но специальным предметом изучения является виктимность. Она изучается с целью выяснения основного вопроса виктимологии: в силу каких причин и условий одни лица становятся жертвами преступления там, где другие этой опасности избегают.

Основные термины «виктимность» и «виктимизация» породили производный — «*виктимогенные факторы*», которые понимаются как совокупность обстоятельств, порождающих жертву преступления, способствующих ее виктимизации.

Основополагающим, наиболее разработанным на теоретическом и эмпирическом уровнях понятием в виктимологии является отношение «преступник — жертва».

Связь «*преступник — жертва*» в виктимологическом плане рассматривается не только как отношение, но и как воспринимаемое некое событие в определенном пространстве и времени, главное содержание которого составляют поведение потерпевшего, его взаимодействие с посягателем до преступления, а иногда и после его совершения. При этом жертва нередко сама виктимна и криминогенна одновременно. Поэтому виктимологические данные имеют важное уголовно-процессуальное и уголовно-правовое значение. Например, уголовно-правовое значение обстоятельств, характеризующих личность и поведение несовершеннолетнего потерпевшего, состоит в том, что их всесторонний анализ помогает: определению степени общественной опасности преступника и совершенного им преступления; выяснению содержания умысла, мотива, целей преступления и т.д.; оснований для привлечения к уголовной ответственности; правильной квалификации содеянного (не имея данных о жертве преступления, трудно решить вопрос о том, имело место причинение смерти по неосторожности или убийство, совершено оно в состоянии необходимой обороны или физиологического аффекта); установлению степени вины преступника в совершенном деянии; индивидуализации наказания с учетом личности и характера действий жертвы преступления, так как указанные в законе характеризующие ее признаки не только оказывают влияние на квалификацию содеянного, но и могут учитываться в качестве смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств.

При этом необходимо обратить внимание на то, что данные, характеризующие личность и поведение несовершеннолетней жертвы преступления, а также характер и размер причиненного вреда предусмот-

рены законодательством в числе признаков некоторых составов преступлений. Виктимологические данные могут свидетельствовать об обстоятельствах, отягчающих наказание, — совершение преступления в отношении малолетнего, беззащитного или беспомощного лица и др., или смягчающих наказание, например, противоправность или аморальность поведения несовершеннолетнего потерпевшего, явившегося поводом для преступления (ст. 61, 62 УК РФ). В некоторых случаях поведение несовершеннолетнего исключает уголовную ответственность, в частности, при необходимой обороне (ст. 37 УК РФ), когда причинение вреда посягающему при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства не является преступлением или отягчающих наказание обстоятельств².

Надо отметить, что в специальных работах по виктимологии широко применяется понятие «ситуация». Но в каких аспектах и для чего рассматриваемое понятие должно разрабатываться в качестве элемента понятийного строя учения о жертве? Как утверждают ученые-криминологи, нужно специально изучать типы ситуаций, возникновение и развитие которых обусловлены поведением жертвы, ее личностью. Именно в результате такого взаимодействия возникают и конфликтные ситуации сотрудничества (например, при производстве криминального абортa), простые и сложные ситуации (например, при истязании) длительные и кратковременные, замедленные и быстротечные и др. Во всех разновидностях особую роль играет именно ситуация.

Анализ психологической ситуации каждого участника преступления открывает возможности для более глубокого изучения механизмов взаимодействия и линии поведения жертвы в конкретных ситуациях, возникающих по тем или иным видам и категориям преступлений. Попытки описания конкретных виктимогенных ситуаций, приводящих к конфликтам, предприняты в отечественной специальной литературе³. В.С. Минская подробно исследовала так называемую рискованную ситуацию при совершении изнасилования и описала ее признаки⁴. В.Я. Рыбальская, изучая личность потерпевших по делам о преступлениях несовершеннолетних, выделила следующие разновидности ситуаций:

- ситуация «толчкового» характера, или провоцирующая;
- ситуация, в которой поведение потерпевших, не будучи провоцирующим, тем не менее объективно

способствует возникновению и реализации преступного умысла;

- нейтральная, либо обусловленная специфической профессиональной или возрастной виктимностью потерпевших⁵.

Типичные и специфичные виктимогенные ситуации могут быть выявлены и описаны на основе глубокого анализа конкретных преступлений. Это будет использовано для профилактики, в правовой пропаганде и правовом воспитании. В связи с этим представляется важным обобщить и выработать возможные варианты стратегии и тактики для лиц, которые в силу различных объективных и субъективных причин и обстоятельств могут попасть в ту или иную виктимогенную ситуацию.

Существенную практическую помощь в виктимологическом подходе профилактики преступлений окажет классификация потерпевших. Первая попытка в данном направлении была предпринята Л.В. Франком⁶. Впоследствии классификация потерпевших претерпела изменения в зависимости от целей и задач предупреждения преступлений, и поставленными перед виктимологическими исследованиями.

Важнейшее значение для успешной профилактики имеет классификация потерпевших в зависимости от характера преступлений, причиненного вреда. В основу ее положены преступления, объединенные общим объектом (например, потерпевшие от преступлений в области половых отношений, против собственности и т.д.). Проводились также исследования потерпевших от отдельных видов бытовых преступлений — умышленного убийства, причинения тяжких телесных повреждений и др. В целях предупреждения отдельных видов преступлений сфере бытовых отношений имеет значение классификация потерпевших в зависимости от ряда демографических признаков — про-

² Ким Е.П., Быков А.В. Использование виктимологических данных при расследовании насильственных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних // Предварительное следствие. Вып. 4 (14). М., 2011. С. 77—90.

³ Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975. С. 23—29.

⁴ Минская В.С. Преступление и социальные связи до его совершения между преступником и потерпевшим. В кн.: Проблемы борьбы с преступностью. М., 1971. С. 12.

⁵ Рыбальская В.Я. Методика изучения личности потерпевшего по делам о преступлениях несовершеннолетних. Иркутск, 1975. С. 31.

⁶ Франк Л.В. О классификации потерпевших в целях виктимологических исследований // Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии. Душанбе, 1968. С. 19—24; Он же: Виктимология и виктимность (об одном направлении в теории и практике борьбы с преступностью). Душанбе, 1972. С. 41—50.

фессии, специальности, должности, возраста, пола и др. Изучение деятельности такой категории лиц в виктимологическом аспекте может способствовать разработке научно обоснованных тактических, технических и психологических мер повышения их безопасности, в том числе применительно к сфере быта. Практическое значение для профилактики преступлений имеет группировка жертв в зависимости от тяжести преступления (например, потерпевшие от преступлений небольшой тяжести или преступлений средней тяжести). Наряду с этим следует различать потерпевших, исходя из тяжести нанесения вреда здоровью (например, ст. 111 УК РФ или 115 УК РФ).

В литературе были высказаны и другие предложения относительно оснований для классификации потерпевших. В частности, по признаку поведения потерпевшего — агрессивный, активный, инициативный, пассивный, не критичный и нейтральный потерпевший⁷. В соответствии с данной классификацией на первый план выходят такие потерпевшие, которые уже в силу своей профессии становятся преградой для совершения другими лицами какого-либо преступления. Изучение поведения лиц в виктимологическом плане значительно облегчит работу органов следствия, других сотрудников правоохранительных органов, для оперативного и объективного расследования преступления. Все это имеет отношение к соответствующему профилактическому воздействию.

Однако классификация потерпевших — лишь часть аналитической работы, которая дает возможность подняться на следующую ступень — создать типологию потерпевших. В настоящее время имеющиеся материалы в научной литературе дали основание для определения некоторых типичных черт потерпевших от истязания, мошенничества, изнасилования. Классификационные системы, разработанные разными авторами, содержат много общих элементов. Однако общим недостатком всех классификаций является то, что основные их признаки заранее заданы самими исследователями и в большей своей части статичны. Поэтому ни одна из классификаций полностью не удовлетворяет современным практическим потребностям виктимологических исследований.

Некоторые теоретические вопросы виктимологического направления профилактики. В современной российской криминологии общие вопросы и многие специальные проблемы профилактики преступности и правонарушений подвергнуты в последние годы многосторонним и глубоким исследованиям. Следует отметить, что еще в 1970-х гг., рас-

сматривая уровни, формы и виды социальной профилактики, Г.А. Аванесов выделял виктимологический аспект профилактики⁸.

Теоретические основы, специфическое содержание и характерные особенности виктимологического направления как одного из аспектов профилактики преступлений продолжают разрабатывать и в данное время. Имеющийся у автора материал по данному вопросу позволяет определить ряд общих исходных положений.

Если профилактику преступности в стране рассматривать как сложную многоуровневую систему экономического, социального, идеологического и правового обеспечения всестороннего развития среди всех слоев и групп населения здорового образа жизни, то традиционное криминологическое направление профилактики фокусируется на предупреждении определенного контингента лиц, склонных к совершению преступлений, а виктимологическое — на предупреждение виктимизации потенциальных жертв преступлений и на девиктимизацию общества и фактически пострадавших от преступлений. Причем оба направления сводятся в конечном итоге к устранению причин и условий, способствующих существованию преступности и совершению конкретных преступлений.

Поэтому виктимологическое направление профилактики преступности должно органически входить в общую систему предупреждения преступлений и базироваться на ее основных принципах. Только в этом случае оно, не отрицая, не подменяя и не ослабляя традиционных форм и методов профилактики, а дополняя и расширяя их, в тесном сочетании и взаимосвязи с последним обеспечит повышение эффективности профилактической деятельности государственных органов и общественных организаций⁹.

Виктимологический аспект необходимо учитывать всем работникам их правоохранительных орга-

⁷ Ривман Д.В. Указ. соч. С. 99—105.

⁸ Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 466—468.

⁹ Виктимологическая характеристика региональной преступности и ее предупреждение / Под ред. проф. А.Л. Репецкой. М., 2009; Репецкая А.Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. Иркутск, 1994; Виктимологическое направление в борьбе с преступностью / Сост. Е.П. Ким. Душанбе, 1993; Ситковский А.Л., Бицадзе Э.У., Фортуньч М.В. Россия: виктимологический диагноз. Преступность и общество: Сб. науч. тр. М., 2001. С. 39—51; Иванова Л.М. Виктимологическая профилактика в системе предупреждения преступлений совершаемых в отношении несовершеннолетних // Российский следователь. 2013. № 22. С. 25—29.

нов, в том числе органов следствия, как при планировании и проведении мероприятий ранней профилактики, а также при расследовании и судебном рассмотрении конкретных уголовных дел. К проведению профилактических мероприятий виктимологического характера целесообразно как можно шире привлекать общественные объединения, негосударственные организации, актив населения.

Специфическое содержание виктимологического аспекта индивидуальной профилактики составляет его направленность на снижение и нейтрализацию виктимности как негативного качества, присущего части потенциальных и фактических жертв преступлений.

Следовательно, если основным содержанием виктимологического аспекта профилактики преступлений считать снижение уровня виктимности среди всего населения и у отдельных конкретных граждан, то к основным направлениям его реализации следует отнести:

- снижение уровня виктимности среди населения путем проведения для определенных категорий и групп граждан специальных общепрофилактических мероприятий виктимологического характера;

- снижение потенциальной виктимности конкретных граждан или их групп, коллективов путем проведения с ними общепрофилактических мероприятий индивидуального характера.

- предупреждение повторной виктимизации путем проведения индивидуальной профилактической работы с виктимными пострадавшими, включающей меры по выявлению и устранению в их поведении таких особенностей, которые и в дальнейшем могут способствовать возникновению или неблагоприятному для них развитию криминальных ситуаций.

Вместе с тем профилактика преступлений может быть обеспечена и за счет активизации самого потерпевшего, повышения его защитительных возможностей, укрепления воли к самозащите. Сюда примыкает и необходимость информирования данного лица о возможном совершении против него преступления.

В практической деятельности правоохранительных органов использование в работе указанных направлений невозможно без предварительного решения проблемы методов обнаружения, нейтрализации и устранения потенциальной виктимности любого типа у актива населения, конкретных граждан и других возможных субъектов виктимизации. Решение данной проблемы затрудняется нежеланием части

потерпевших обращаться в правоохранительные органы. Поэтому правоохранительные органы должны эффективно использовать имеющиеся данные, содержащие информацию виктимологического характера и применять все информационные каналы, питающие их сведениями виктимологического содержания. Выявление лиц, обладающих повышенной виктимностью, при всей сложности существенно различается в зависимости от того, индивидуальная это или групповая предрасположенность. Сравнительно простым представляется выявление лиц, повышенная виктимность которых связана с их профессией.

По-иному обстоит дело при выявлении лиц, индивидуальная повышенная виктимность которых связана с их поведением или жизненными условиями. Выявление таких потерпевших может строиться в двух направлениях:

а) от ситуации, когда, выявляя и анализируя обстановку, мы приходим к конкретным потенциально уязвимым в этой обстановке лицам;

б) от преступника, когда путем изучения его связей или типичного поведения мы определяем круг возможных потенциальных потерпевших от него.

Для выявления тех из потерпевших, которые проявили себя в факторах негативного поведения, могут быть использованы возможности имеющихся в органах внутренних дел учетов, так как многие из них представляют определенный интерес не только как возможные жертвы.

Возникает и еще одна проблема — разработка методики индивидуального воспитательного профилактического воздействия на потенциальных потерпевших, а также на субъектов с реализованной личностной виктимностью.

Проводимые автором исследования показали, что контингент потерпевших от некоторых видов преступлений против личности в сфере бытовых отношений среди «содействовавших и не содействовавших собственной виктимизации», значительно различается по совокупности ряда психологических характеристик. Такие характеристики в контингенте содействовавших потерпевших существенно отличаются и от аналогичных показателей в контрольной группе, сформированных из семейных лиц, спешно избегающих бытовые конфликты. Конечно, окончательный вывод пока делать явно преждевременно, так как не выявлена степень устойчивости и статистической значимости указанных различий на достаточно представительных выборках. Но целесообразность дальнейшей проверки возможности

использования психологических методов для определения наличия потенциальной виктимности не вызывает сомнений.

Наряду с рассмотренной проблемой методов обнаружения потенциальной виктимности для практического использования виктимологического аспекта профилактики необходимо решить еще ряд проблем, таких как:

1) методы выявления и устранения реализованной виктимности при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел по отдельным категориям и видам преступлений фактических субъектов виктимизации;

2) правовая регламентация виктимологического аспекта профилактики;

3) методы информационного обеспечения правоохранительных органов необходимыми данными об уровне потенциальной и реализованной виктимности всех типов к различным видам преступлений среди основных категорий и групп населения.

Нужно отметить, что ни одна из них решения, соответствующего практическим потребностям правоохранительных органов, пока еще не получила в полной мере. В настоящее время намечаются лишь пути изучения этих проблем или делаются первые шаги по их поэтапному решению.

Так, для выявления у непосредственных жертв преступлений реализованной виктимности в качестве определителя ее наличия предлагается использовать понятие содействия потерпевших собственной виктимизации, проявляющегося в различных формах — от явной элементарной неосторожности до прямой провокации.

Теоретической разработкой правовой регламентации виктимологического аспекта профилактики преступлений, насколько нам известно, пока вообще никто не занимается или в лучшем случае этот вопрос еще находится в «зачаточном состоянии». Первый опыт регламентации и регулирования виктимологического аспекта правовой пропаганды имелся в Советском Таджикистане. На основании предложений, подготовленных Таджикским госуниверситетом, республиканским координационно-методическим советом по правовой пропаганде, принято специальное постановление от 23 марта 1976 г. «О виктимологическом аспекте правовой пропаганды в правовоспитательной работе по профилактике преступности».

Как показал имеющийся опыт 1970-х гг. в Таджикской ССР, для получения информации о субъек-

тах и характерных особенностях виктимизации от преступлений в условиях конкретного места и времени В.П. Коноваловым разработана и судебными органами республики апробирована «Карточка первичного статистического учета виктимизации от преступления»¹⁰. Решение проблемы введения показателей виктимизации в судебную статистику обеспечило правоохранительные органы Таджикской ССР необходимой информационной базой для планирования и методического обеспечения виктимологического направления профилактики преступности, для оценки его эффективности и определения виктимологического аспекта социальной «цены» преступности.

Использование виктимологических данных при расследовании преступлений. Общеизвестно, что анализ теоретических основ, специфического содержания и характерных особенностей виктимологического направления как одного из аспектов профилактики преступлений еще с 1972 г. осуществлялся в Таджикистане¹¹. Выборочные виктимологические исследования, проведенные в Таджикской ССР, стали информационной базой для организации виктимологического направления профилактики преступности в республике. На их основе еще в 1970—1979 гг. кафедрой судебного права и прокурорского надзора юрфака Таджикского госуниверситета совместно с отделом криминологии НИЛСЭ Минюста Таджикской ССР для МВД республики разрабатывались «Предложения об организации виктимологического направления профилактики преступности в Таджикской ССР»¹². В этом документе были показаны основные виктимологические характеристики преступности, свидетельствующие о целесообразности и необходимости обеспечения виктимологического аспекта профилактики, а также использования виктимологических данных при расследовании преступления.

На основе материалов проведенных исследований по использованию виктимологических данных в уголовном судопроизводстве¹³, а также по разра-

¹⁰ Коновалов В.П. Виктимология и ее статистическое выражение. Душанбе, 1978. С. 11—17.

¹¹ Брунон Хольст. Криминология. Основные проблемы / Пер. с польск. М., 1980. С. 136.

¹² Коновалов В.П., Франк Л.В. Об организации виктимологического направления профилактики преступности в Таджикской ССР. Душанбе, 1975. С. 17—41.

¹³ Ким Е.П., Рябов В.Н. Использование виктимологических данных защитником в уголовном судопроизводстве: Учеб. пособие. Хабаровск, 2000.

ботанной методике автор длительное время изучал роль потерпевшего в преступлениях, совершаемых в сфере бытовых отношений.

Так, бытовое преступление, занимает значительное место как в общей преступности по республике, так и по отдельным категориям и видам преступлений¹⁴.

Для преступности в сфере бытовых отношений характерно, что преступные мотивы созревают, как правило, постепенно, на почве повторяющихся конфликтных ситуаций бытового характера, в которых потенциальные потерпевшие зачастую ведут себя неосмотрительно, рискованно, а иногда и провокационно.

Проведенные нами исследования показали, что если лицо ведет себя так, что провоцирует опасные для себя действия других людей или демонстрирует элементарное непонимание опасных для себя ситуаций, наконец, понимая опасное для себя развитие событий, не противодействует преступнику, то совершение преступлений при прочих равных условиях неизбежно. Ясно поэтому, что ограничивать тактические приемы профилактики лишь воздействием на преступника нельзя. Это обстоятельство не дает, конечно, основания для того, чтобы переложить вину с преступника на потерпевшего, но имеет значение для разработки особых, нетрадиционных мер предупреждения преступности, направленных в том числе на предотвращение неосмотрительного, распущенного, противоправного, провокационного поведения человека. Именно такое поведение может оказаться опасным для него самого — потерпевшего от преступления. По данным нашего обследования, проведенного в регионах Дальневосточного федерального округа, доля таких потерпевших от бытовой преступности составляет 53—60%. Здесь виктимность поведения потерпевшего весьма актуальна и данный факт следует учитывать при расследовании преступлений.

Значительная распространенность преступности в сфере бытовых преступлений позволяет осуществлять предупреждение преступлений этого типа не только путем выявления лиц, которые могут совершить преступление, и соответствующего профилактического воздействия на них. Активное использование виктимологических данных позволит эффективно проводить специальные профилактические работы по снижению виктимности таких граждан. Здесь важно особое внимание уделять проблемам ранней профилактики. Одновременно должны ре-

шаться и вопросы налаживания быта, социальные вопросы.

Криминологический анализ контингента лиц, совершивших бытовые преступления, не дает в полной мере данных для профилактического выявления лиц, от которых с достаточно высокой степенью вероятности можно ожидать совершения этого типа преступлений. Существенным дополнением для выявления субъектов ранней профилактики бытовой преступности оказались характеристики, полученные в ходе виктимологических исследований. Так, достаточно простым и наиболее эффективным для практического определения «предкриминальной дефективности» семейных связей субъектов является критерий «качества» их взаимоотношений. Даже простейшая дифференциация взаимоотношений на «хорошие и нейтральные» и «натянутые, неприязненные или враждебные» пригодны для практического использования.

Однако для выявления «предкриминальной дефективности» родственных связей и особенно бытовых связей между близкими и знакомыми этот критерий уже не пригоден. Поэтому его необходимо усложнить, видимо, за счет возрастной, мотивационной и ряда других характеристик.

Виктимологические характеристики не только дают возможность определить «предкриминальную дефективность» бытовых связей и отношений, но и позволяют конкретизировать специфическое содержание криминологического направления в профилактике «бытовой» преступности, а также при расследовании конкретного преступления. Во многих случаях поводом или хотя бы одним из условий возникновения предкриминальной ситуации, вылившейся затем в преступление против личности, являлось неправомерное или недостойное в морально-этическом плане поведение потерпевших. Так, содействие собственной виктимизации имеет место у несовершеннолетних потерпевших от преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст. 131—135 УК РФ). В частности, две трети жертв изнасилования в момент совершения преступления находились в состоянии опьянения, каждая девятая — десятая имела репутацию легкого поведения. Каждая пятая провоцировала своим поведением насильника, около 60% несовершеннолет-

¹⁴ Ким Е.П. Преступность в сфере бытовых отношений и ее предупреждения: проблемы теории и практики: Моногр. Смоленск, 2002.

них потерпевших не оказывали насильникам активного сопротивления¹⁵.

Другим специфическим понятием для определения содержания виктимологического направления профилактики преступности в отдельных видах преступлений является «сопротивляемость» преступным посягательствам. О необходимости включения в виктимологическую практику мероприятий по повышению уровня правомерной сопротивляемости населения преступным посягательствам свидетельствует тот факт, что достаточно высоким и стабильным уровнем сопротивляемости обладают лишь сожители в случаях любых преступных посягательств на них со стороны их сожителей. По остальным группам социально-бытовой связи с преступниками среди потерпевших уровень сопротивляемости или низкий, или нестабильный, резко меняющийся в зависимости от вида преступления. Этот показатель также следует использовать следователю при расследовании преступлений.

Характерно, что в регионах Дальневосточного федерального округа РФ наблюдается и «рецидив виктимизации», т.е. одни и те же граждане неоднократно становятся потерпевшими от преступления в сфере бытовых отношений. Так, среди несовершеннолетних потерпевших от изнасилования 16,8% ранее уже подвергались изнасилованию, но для правоохранительных органов эти факты чаще всего оставались скрытыми. Высокий уровень повторной виктимизации прослеживается почти по всем видам преступлений, совершаемым в сфере бытовых отношений. Одной из основных причин этого является виктимность неоднократно потерпевших, что еще раз свидетельствует о необходимости осуществления виктимологической профилактики преступности в регионе.

Как свидетельствует проведенный в Дальневосточном федеральном округе анализ уголовных дел за 2009—2010 гг., там, где следователи СК РФ уделяли должное внимание виктимологической информации, удавалось лучше разработать следственные версии и определить основные направления расследования насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних. Необходимость использования виктимологических данных связана также с тем, что 25% жертв убийств имели с преступником неприязненные или враждебные отношения, каждый третий в момент совершения преступления находился в состоянии алкогольного опьянения. Сопротивление оказывали лишь 40% жертв. Более 70%

жертв в той или иной степени содействовали виктимизации, т.е. входили в число потерпевших с реализованной личной виктимностью, к тому же 55% из них допустили социально не одобряемое поведение. Среди несовершеннолетних потерпевших, которым умышленно нанесен вред здоровью, 60% в момент совершения преступления находились в состоянии опьянения, 40% допустили социально порицаемое поведение и лишь 35% оказали сопротивление¹⁶.

Таким образом, важнейшим вопросом в плане использования виктимологических данных при расследовании преступлений все актуальнее становится методическое обеспечение виктимологического аспекта индивидуальной профилактики. Но пока таких методик, доведенных до исполнительского уровня, не имеется, а без них широкое внедрение виктимологического аспекта в индивидуальную профилактику затруднено.

В заключение предлагаем рекомендации, направленные на дальнейшее совершенствование виктимологической профилактики.

1. Для устранения определенной разобщенности в профилактической работе правоохранительных органов в комплексные планы профилактики правонарушений, разрабатываемые в субъектах Российской Федерации, необходимо включить виктимологические мероприятия.

2. В органах внутренних дел совместно с заинтересованными государственными организациями следует организовать учет лиц с реализованной личной виктимностью, особенно молодежи, тем более, что такие лица могут представлять не только виктимологический интерес.

3. Расширить взаимодействие правоохранительных органов, ведущих профилактику, с общественными организациями, гражданами, активизировать роль общественности в реализации виктимологического аспекта предупреждения конкретных преступлений, например, «бытовых», сексуальных, насильственных действий в отношении несовершеннолетних и др.

4. Необходимо разработать, а главное внедрить в практическую деятельность научную методiku индивидуального профилактического воздействия на потенциальных потерпевших.

¹⁵ Ким Е.П., Быков А.В. Указ. соч. С. 77—90.

¹⁶ В 2010—2011 гг. автором по заранее разработанной анкете изучено 175 уголовных дел, в том числе 35 об изнасилованиях, расследовавшихся следователями Дальневосточного федерального округа.

ПОНЯТИЕ «ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ» ДОЛЖНО СООТВЕТСТВОВАТЬ КОНЦЕПЦИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Рассматривается понятие «пределы доказывания» как один из дискуссионных вопросов судопроизводства. Отмечаются различные подходы к определению содержания понятия. Обосновывается необходимость его рассмотрения в контексте состязательного судопроизводства.

Ключевые слова: юридическое познание, процессуальное познание, состязательное судопроизводство, предмет доказывания, пределы доказывания, доказательства.

Annotation. The concept «proof limits» as one of debatable questions of legal proceedings is considered. Various approaches to definition of the content of concept are noted. Need of its consideration in the context of competitive legal proceedings locates.

Keywords: legal knowledge, procedural knowledge, competitive legal proceedings, proof subject, proof limits, proofs.

В теории процессуального познания сложным и спорным продолжает оставаться вопрос о пределах доказывания. Справедливо отмечается, что это наименее устоявшееся понятие теории доказательств. Понимание вопроса о пределах доказывания затрудняется отсутствием законодательного определения понятия в силу его оценочного характера. Понятно, что пределы доказывания не могут быть ограничены нормами права заранее раз и навсегда, по стандартному образцу для всех дел. Определение пределов доказывания — вопрос факта, задач рассмотрения конкретного юридического дела.

Долгое время в процессуальной литературе предмет¹ и пределы доказывания отождествлялись², несмотря на то, что пределы доказывания производны от предмета доказывания, но не сливаются с ним.

Авторы «Теории доказательств в советском уголовном процессе» определяли связь предмета и пределов доказывания как связь цели и средств ее достижения³. Это мнение получило широкое распространение. Так, А.С. Александров и С.А. Фролов пишут: «Если предмет доказывания отвечает на вопрос о направленности доказывания, то пределы доказывания говорят о **средствах обеспечения достоверности познания фактов и обстоятельств** (выд. авт.), составляющих предмет доказывания. Взаимодействие между предметом и пределами доказывания есть взаимодействие между конечным продуктом и средствами его достижения. Доминирующая роль в этом взаимодействии принадлежит предмету доказывания, так как именно он составляет объективную предпосылку установления тех или иных пределов доказывания»⁴.

В общем виде пределы доказывания — это границы исследования обстоятельств устанавливаемого события, за которыми доказывание становится не нужным, лишенным смысла, в связи с чем оно прекращается за отсутствием необходимости.

Множество конкурирующих между собой дефиниций связано с тем, что исследователями для определения момента достижения пределов доказывания используются различные критерии. Следует подчеркнуть, что все они исключительно оценочные.

Некоторые авторы трактуют пределы доказывания как **степень доказанности обстоятельств**, подлежащих установлению, достаточную для построения выводов разных степеней вероятности или обоснования достоверности⁵. Как отмечает С.А. Шейфер, здесь в основу определения положен качественный аспект понятия — достигнутое в результате доказывания знание об искомых обстоятельствах (вероятное или достоверное)⁶.

Иногда пределы доказывания связывают с **глубиной познания**, т.е. необходимой степенью конкре-

¹ Борулеников Ю.П. Предмет доказывания как категория // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 18—25.

² Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 361.

³ Теория доказательств в советском уголовном процессе / Под ред. Н.В. Жогина. М., 1973. С. 187.

⁴ Александров А.С., Фролов С.А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: Моногр. Н. Новгород, 2011. С. 111.

⁵ Карнеева Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград, 1988. С. 16—18.

⁶ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2012. С. 88.

тизации обстоятельств, подлежащих доказыванию⁷. По мнению В.А. Лазаревой, пределы доказывания следует определять как широту (полноту) установления подлежащих доказыванию обстоятельств, т.е. путем установления обстоятельств, имеющих значение для дела; глубину исследования каждого из них, т.е. путем установления имеющего значение для дела обстоятельства с достаточной для целей доказывания степенью конкретизации и надежности⁸. Но в этих случаях речь идет об определении предмета доказывания на уровне, относящемся к конкретному преступлению, а не о пределах доказывания⁹. Доказывание главного факта осуществляется посредством установления промежуточных и вспомогательных фактов, перечень которых для каждого конкретного юридического дела уникален¹⁰.

По мнению ряда авторов, пределы доказывания — это **необходимая и достаточная совокупность доказательств**, которая обеспечивает установление подлежащих доказыванию обстоятельств¹¹. «Совокупность доказательств, необходимых в конечном итоге для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и образует пределы исследования, или пределы доказывания», — пишет П.А. Лупинская¹².

Качественная сторона пределов доказывания проявляется во взаимосвязи и непротиворечивости имеющихся доказательств, позволяющих формировать выводы в одном направлении. **Устойчивость системы доказательств** означает ее способность сохранять свою силу в будущем¹³. «Система доказательств, — как отмечает А.А. Хмыров, — должна обладать достаточной надежностью — способностью не просто достоверно устанавливать фактические обстоятельства дела, но и делать это с известным «запасом прочности», создавать резерв доказательственной информации, необходимой на тот случай, если в ходе дальнейшего производства по делу отдельные доказательства подвергнутся сомнению или будут исключены из системы»¹⁴.

Отдельные исследователи полагают, что пределы доказывания — «совокупность обстоятельств, исследование которых может иметь значение для правильного разрешения дела, и **всех источников доказательств**»¹⁵, посредством которых выясняются эти обстоятельства¹⁶.

Некоторые видят пределы доказывания не только в необходимых для установления предмета доказывания доказательствах, но и в совокупности требуемых для их **получения следственных судебных действий**¹⁷.

Логика сторонников указанных концепций вполне понятна. Поскольку факты устанавливаются про-

цессуальными доказательствами, формируемыми в ходе следственных действий, путем извлечения информации из источников и фиксации, содержание понятия «пределы доказывания» включает или отдельные элементы данной цепочки, на которые делает акцент автор, или все составляющие в целом.

Ряд авторов считает, что содержание понятия «пределы доказывания» значительно богаче, и определяет его как границы, выражающие **полноту проверяемых версий, глубину исследования подлежащих доказыванию фактов (обстоятельств), объем доказательств и их источников**, обязательных для признания наличия или отсутствия этих фактов, и достаточность обоснования выводов по делу. Как отмечается, в результате этой деятельности в уголовном деле образуется фактический объем доказательств, превышающий критерии необходимости и достаточности¹⁸.

В таком представлении пределы доказывания определяются объемом работы, которую необходимо проделать для установления обстоятельств, с той лишь разницей, что акцент делается не на результате познавательной деятельности, а на путях, ведущих к нему, — комплексе процессуальных действий, имеющих целью сбор, исследование и оценку доказательств.

По мнению С.А. Шейфера, «вряд ли есть основания считать одно определение лучше другого, находить между ними существенные противоречия, ибо каждое из них с разных сторон раскрывает понятие пределов

⁷ Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 65—67.

⁸ Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: Учеб.-практ. пособие. М., 2012. С. 142.

⁹ Шейфер С.А. Указ. соч. С. 86, 87.

¹⁰ Боруленков Ю.П. Доказательство как технологический элемент юридического познания // Российский следователь. 2013. № 4. С. 2—6.

¹¹ Уголовный процесс: Учебник / Под ред. Н.С. Алексеева, В.З. Лукашевича, П.С. Элькинд. М., 1972. С. 153; Подольный Н. Проблема избыточных следственных действий // Уголовное право. 2002. № 4. С. 60—62; Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 187; Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: Учеб. пособие. М., 2008.

¹² Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М., 2006. С. 94.

¹³ Лазарева В.А. Указ. соч. С. 143, 144.

¹⁴ Хмыров А.А. Проблемы теории доказывания. Краснодар, 1996. С. 99.

¹⁵ Боруленков Ю.П. Понятие «источник процессуального доказательства» нуждается в уточнении // Актуальные проблемы юриспруденции. Вып. 5. Владимир, 2005. С. 49—53.

¹⁶ Советский уголовный процесс: Учебник / Под ред. Д.С. Карева. М., 1968. С. 108—110.

¹⁷ Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд Н.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 93, 94.

¹⁸ Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч. С. 70; Панарин В.Я. Производство по гражданскому иску при расследовании уголовного дела. Воронеж, 1978. С. 71; Лазарева В.А. Указ. соч. С. 145.

доказывания. Поэтому правомерны определения, объединяющие рассмотренные представления»¹⁹.

Мы считаем, что включение в понятие «пределы доказывания» многочисленных разноплановых элементов приводит к смешению различных институтов доказательственного права. И сколько бы ни говорили авторы концепций, что рассматривают прежде всего качественную, а не количественную сторону того или иного элемента доказывания, с учетом присутствия исключительно оценочных категорий с практической точки зрения те становятся бессодержательными.

Проблема понятия «пределы доказывания» особо актуальна в современных условиях упрочения состязательного процесса, когда возникает настоятельная необходимость в разграничении понятий «процессуальное познание» и «доказывание»²⁰. В суде понятие «доказывание» в условиях состязательного процесса жестко связано с выдвиганием стороной тезиса и представлением в его подтверждение доказательств. С этих же позиций, по нашему мнению, следует подходить и к определению понятия «пределы доказывания», которое приобретет более четкое содержание, снимется масса вопросов, касающихся в том числе и разграничения с другими смежными понятиями.

Пределы доказывания определяет субъект, выдвинувший тезис. Он определяет объем представляемых доказательств, позволяющих, по его мнению, считать факт установленным.

Именно состязательная форма судопроизводства оказывает существенное влияние на расширение пределов доказывания в суде, например, гособвинителя, давая возможность стороне защиты обозначить имеющиеся пробелы в доказательственном материале, тем самым побуждая принимать меры к дополнительному обоснованию своей правовой позиции, или опровержению доводов защиты.

Суд, в свою очередь, решает вопрос **о пределах (границах) судебного следствия** и связанный с этим вопрос **о предмете процессуального познания**. Суд определяет границы, очерчивающие поле, в рамках которого стороны осуществляют доказывание. Данная проблематика связана с вопросами субъектов и способов исследования доказательственного материала. При определении пределов судебного разбирательства учитывается специфика доказывания, когда обязанность выполнения их функций лежит на процессуальных сторонах. Суд же создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления их прав. Судья должен следить, чтобы были правильно намечены

внешние пределы исследования, т.е. границы, за которые не должно выходить судебное следствие. И тут, как говорят, почувствуйте разницу. Суд никоим образом не связан пределами доказывания, он лишь признает, доказан ли стороной тот или иной факт.

Проблематика пределов доказывания связана и с разграничением понятия **«пределы (границы) предварительного расследования»**. Мы не склонны отождествлять эти понятия. Пределы доказывания на стадии предварительного расследования мы связываем исключительно с предъявлением обвинения конкретному лицу. Границы расследования уголовного дела значительно шире, поскольку они охватывают разработку иных параллельных версий. В рамках этой работы формируются доказательства, которые не будут в последующем следователем включены в систему доказательств обвинительного заключения, но не как избыточные, а как не относящиеся к предмету доказывания. Расследование проводится и при отсутствии конкретных подозреваемых и обвиняемых. На заре моей практической деятельности один из учителей, посвящая в азы следствия, достаточно образно определял границы расследования: «Расследовать уголовное дело нужно так, чтобы не выйти на самого себя».

В.А. Лазарева пишет: «Поскольку оценка доказательств осуществляется на разных стадиях процесса разными субъектами, их оценка пределов доказывания может не совпасть»²¹. По нашему мнению, в ряде случаев, если речь идет об оценке совокупности доказательств разными субъектами²², следует говорить об оценке доказанности факта, а не о пределах доказывания. Понятие «пределы доказывания», если можно так выразиться, — технологический элемент теории доказательств, обеспечивающий результат, но регулирующий процесс доказывания. Мы считаем, что об оценке доказательств конкретным субъектом в контексте пределов доказывания можно говорить, когда данная оценка является руководством к действию.

В завершение следует сказать, что наряду с понятием «предмет доказывания» понятие «пределы доказывания» служит важнейшей характеристикой познавательной деятельности субъектов доказывания и нуждается в дополнительной научной проработке.

¹⁹ Шейфер С.А. Указ. соч. С. 88.

²⁰ Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и прагматологические аспекты): Моногр. / Под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. М., 2014. С. 214—263.

²¹ Лазарева В.А. Указ. соч. С. 145.

²² Боруленков Ю.П. Оценка доказательств в юридическом познании // Мировой судья. 2013. № 3. С. 9—15.

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАРАГОДИН,
заместитель директора Института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации», декан Второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Екатеринбурге), доктор юридических наук, профессор
E-mail: uc.ural@mail.ru

ОБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ РАЗУМНЫХ СРОКОВ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Анализируются объективные условия, влияющие на продолжительность предварительного расследования. Среди них выделяются процессуальный и реально существующий порядок досудебного производства, предполагающий выполнение следователем несвойственных ему функций. С учетом этого предлагаются изменения уголовно-процессуального закона, направленные на создание условий реализации принципа разумных сроков расследования.

Ключевые слова: срок предварительного расследования, досудебное производство, функции следователя, уголовно-процессуальный закон, принцип разумного срока уголовного судопроизводства.

Annotation. In article the objective conditions affecting duration of preliminary investigation are analyzed. Among them are distinguished the procedural and real-life order of pre-judicial proceedings assuming performance by the investigator of functions unusual for it. With this in mind, the changes of the criminal procedure law directed on creation of conditions of realization of the principle of reasonable terms of investigation are offered.

Keywords: duration of preliminary investigation, pre-trial proceedings, the function of the investigator, the criminal procedure law, the principle of a reasonable period of criminal proceedings.

Проблема оптимизации предварительного расследования не нова для отечественного судопроизводства. В некоторых источниках приводятся сведения о том, что во второй половине XIX в. около 25% всех оконченных производством уголовных дел расследовались в сроки более двух месяцев [6, с. 15]. Приведенные показатели в настоящее время могли бы рассматриваться в качестве ориентира деятельности по соблюдению разумных сроков предварительного расследования. В современных условиях констатируется сохранение тенденции к увеличению продолжительности предварительного расследования. В 2012—2013 гг. удельный вес уголовных дел, расследованных Следственным комитетом Российской Федерации в сроки свыше двух месяцев, составлял в среднем около 45%. При этом в 2012 г. в 23, а в 2013 г. в 35 следственных управлениях свыше 50 уголовных дел расследовались с нарушениями установленных сроков [1].

Органы предварительного расследования практически постоянно подвергаются критике за слабую оперативность, нерасторопность, проявляющуюся при проверке сообщений о совершении преступления и осуществлении производства по уголовному делу. Причины такого положения представители уч-

реждений законодательной и исполнительной власти, средств массовой информации, прокурорского надзора видят в основном в нерадивости следователей и отсутствии надлежащего ведомственного контроля. Бесспорно, что субъективные факторы, которыми являются свойства личности субъектов расследования и ведомственного контроля, в том числе их отношение к исполнению своих служебных обязанностей, влияют на продолжительность досудебного производства. Однако, как известно, любой вид деятельности человека обуславливается совокупностью объективных и субъективных факторов.

К объективным относятся условия, существующие вне сознания субъекта деятельности и независимо от него.

Среди объективных факторов, влияющих на производительность собственного труда, называют большое количество материалов и уголовных дел, находящихся в производстве у следователя. С подобными объяснениями нельзя полностью согласиться по нескольким причинам. Согласно официальной статистике, в течение последних лет в стране наблюдается устойчивая тенденция сокращения количества тяжких преступлений. Следовательно, нагрузка увеличивается в основном за счет производств о посяга-

тельств меньшей общественной опасности, на первый взгляд, не требующих больших временных затрат. Кроме того, уменьшение нагрузки следователей МВД в связи с изменением подследственности не привело к пропорциональному сокращению сроков расследованных этими субъектами уголовных дел.

В то же время в аргументах следственных работников имеется определенная доля истины. Нагрузка следователей определяется не только, а в некоторых случаях не столько числом материалов и уголовных дел, а количеством операций, которые необходимо выполнить для завершения производства по ним.

Анализ многочисленных изменений уголовно-процессуального законодательства, содержания ведомственных актов позволяет констатировать тенденцию чрезмерного расширения круга обязанностей следователя, выполнение которых не связано с установлением обстоятельств, подлежащих доказыванию. В частности, Н.А. Колоколов, которого трудно заподозрить в симпатиях к следователям и Следственному комитету, отметил, что в настоящее время на следователя возложено исполнение ряда несвойственных функций в период ознакомления стороны защиты с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ. В целях соблюдения сокращения прохождения уголовных дел названный автор предложил заменить предъявляемые стороне защиты в порядке ст. 217 УПК письменные материалы уголовного дела на электронные. При всей привлекательности этого предложения нет никаких гарантий, что в случае его реализации выполнение этих операций будет возложено опять-таки на следователя [3, с. 4—6].

В настоящее время закон обязывает следователя к выполнению значительного количества операций по изготовлению и рассылке копий различных процессуальных документов, копированию материалов уголовного дела по требованию участников судопроизводства со стороны защиты, направлению разного рода сообщений, уведомлений, выполнению других операций чисто технического характера.

Возрастает и число обязанностей следователя по исполнению вспомогательных операций по согласованию, поручению разного рода разрешений на выполнение процессуальных действий, удостоверению данных, полученных им в ходе судебного производства. В частности, на следователя возлагается обязанность составления и регистрации рапорта об обнаружении признаков преступления, получение фактического согласия на осмотр места происшествия. Перед получением показаний у свидетелей

следователь обязан не только установить и зафиксировать данные о личности допрашиваемого, но и снять ксерокопию его паспорта. Обращает на себя внимание, что увеличивается количество процедур, направленных на предупреждение недобросовестности следователя. В этой ситуации возникает сомнение в приоритете и всеобщности принципа презумпции невиновности. Отмеченные тенденции послужили основанием для констатации факта существования и реального исполнения принципа недобросовестности следователя [4, с. 24, 25]. Одновременно ужесточаются требования к объему данных, которые должны отражаться в ряде документов. В частности, значительно увеличилось количество информации, подлежащей фиксации во вводной части протоколов большинства следственных действий. Все более подробного описания и максимального детального изложения фабулы обвинения требуют прокуроры и суды. Например, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого в должностном преступлении требуется указывать нормативные акты, подтверждающие должностной статус обвиняемого, наличие или отсутствие полномочий на действия, при выполнении которых было совершено преступление, а также устанавливающие порядок выполнения названных действий и т.п.

Кроме предписанных нормами прав, на следователя возлагаются и другие обязанности. В частности, суды требуют от него предоставления дополнительных материалов для принятия решения меры пресечения в отношении обвиняемого (подозреваемого), доставки свидетелей, других участников уголовного судопроизводства, уклоняющихся от участия в рассмотрении дела по существу, личного присутствия следователя на судебных заседаниях. Может показаться, что автор настоящей публикации преувеличивает влияние указанных операций на сроки расследования. Подобные сомнения могут быть рассеяны с помощью простейших арифметических подсчетов.

Допустим, если следователь ежемесячно принимает к своему производству два уголовных дела, то, как правило, дважды в этот период он решает вопрос об избрании меры пресечения. Формирование материалов, участие в судебном заседании, которое обычно не начинается и не заканчивается в назначенные сроки, занимает минимум 2—3 часа. В течение месяца на это уходит целый рабочий день. Вдвое больше следователь потратит на присутствие в судебном заседании по рассмотрению такого же количества оконченных им уголовных дел. Таким обра-

зом, на подобные операции может быть затрачено 10% месячного бюджета рабочего времени, если исходить из 22 рабочих дней продолжительностью в восемь часов каждый.

Обычно подобные рассуждения завершаются предложениями расширения форм упрощенного досудебного производства. Такие меры не приводят к кардинальному улучшению положения. Единичные меры, даже если каждая из них в отдельности довольно продуктивна, не принесут желаемого результата — сокращения сроков досудебного производства. Для этого необходимы изменения концептуального подхода к структуре и содержанию правового регулирования досудебного производства. В настоящее время ограничения процессуальной самостоятельности следователя, низводят его до положения канцелярского служащего, обязанности которого не предполагают какого-либо творчества. Профессия следователя по своей сути изначально творческая, требующая учета и объективной оценки условий ситуаций расследования, характеризующихся способностью к постоянным изменениям. В то же время необходимы и ограничения самостоятельности следователя, регламентация действенного контроля и надзора, позволяющих предупреждать возможные ошибки и злоупотребления.

При подготовке настоящей публикации не ставилась задача формулирования целостной концепции уголовного судопроизводства. Представляется, что подобная концепция не может являться результатом деятельности одного исследователя. Разработка, а главное, четкое определение средств и условий ее реализации требует объединения усилий теоретиков, законодателей и правоприменителей.

В последнее время в средствах массовой информации и научных изданиях публикуются суждения о назревшей необходимости разработки и принятия нового уголовно-процессуального кодекса.

Для обсуждения в ходе дискуссии по этому поводу хотелось бы выразить некоторые предложения об изменении концептуальных основ ответственного уголовного судопроизводства.

Прежде всего, на наш взгляд, следует четко определить, сформулировать и закрепить в законе не простой перечень принципов уголовного судопроизводства, а нормы, раскрывающие содержание и устанавливающие гарантии соблюдения таких принципов. Следует согласиться, что в настоящее время закон не раскрывает понятия разумных сроков, не определяет критериев их исчисления [5, с. 113, 114].

По логике законодателя разумными, по-видимому, нужно считать общие установленные законом сроки проведения проверки на стадии возбуждения уголовного дела (10 дней) и предварительного следствия (два месяца).

Эти сроки без всякого изменения были заимствованы из Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Думается, что с момента разработки и принятия этого закона существенно изменились условия уголовного судопроизводства. Массовые же нарушения анализируемых сроков свидетельствуют о наличии объективно существующих препятствий для их соблюдения.

При определении сроков досудебного производства следует учитывать условия типичных ситуаций, в которых оно осуществляется. Кроме этого, нужно принимать во внимание средние затраты времени процессуальных и непроцессуальных действий, необходимых для установления обстоятельств предмета доказывания и принятия объективного решения в условиях типичных ситуаций.

В наиболее общей форме такую деятельность можно определить как создание модели типичного производства на отдельных досудебных стадиях, в структуру которых включается перечень необходимых операций, требующих на выполнение каждой из них время. При определении продолжительности названных сроков должно учитываться отсутствие у большинства следователей возможности осуществления непрерывного производства по каждому из имеющихся у них материалов и уголовных дел.

В процессах доследственных проверок и предварительного расследования неизбежны объективно обусловленные перерывы. Расчет средней продолжительности таких перерывов может быть произведен по аналогии с исчислением непроизводительных затрат при осуществлении сходных со следственной видов деятельности человека. По нашему мнению, такие затраты в настоящее время в среднем до одной трети продолжительности расследования уголовного дела небольшой сложности.

Сложность и многоаспектность анализируемой проблемы требует проведения исследований с привлечением специалистов в области организации труда. В результате подобных изысканий могут быть научно обоснованы сроки досудебного производства.

Другим направлением повышения оперативности расследования является освобождение следователя от выполнения несвойственных ему функций. Предлагается провести ревизию возложенных на сле-

дователя обязанностей и сократить их путем полной отмены и исключения из закона либо возложения на других субъектов. Представляется необходимым пересмотр нынешней концепции предварительного расследования, осуществляемого в формах дознания и предварительного следствия. Предлагается расширить содержание деятельности по дознанию, включив в нее доследственную проверку заявлений и сообщений. О целесообразности отделения предварительного следствия от дознания, руководство которым возлагалось на прокуратуру, говорилось еще в период формирования теоретических основ российского уголовного судопроизводства [2, с. 105].

На сегодняшний день многие следователи Следственного комитета Российской Федерации перегружены материалами доследственных проверок. У некоторых следователей ежемесячно в производстве находится до двух десятков таких материалов. Нельзя не сказать о том, что в большинстве случаев в ходе таких проверок устанавливаются обстоятельства смерти физических лиц, как правило, не носящей криминального характера. Освобождение следователя от осуществления производства на стадии возбуждения уголовного дела, на наш взгляд, позволит существенно расширить бюджет времени для выполнения его прямых обязанностей по ведению предварительного следствия.

Предлагаемые законодательные новеллы позволят создать условия, благоприятные для реализации принципа разумных сроков. Конечно же, изложен-

ные предложения не исчерпывают всего комплекса мер, направленных на решение поставленных проблем. Думается, что в ходе дальнейших, более глубоких, исследований будут найдены и другие решения задачи соблюдения анализируемого принципа уголовного судопроизводства.

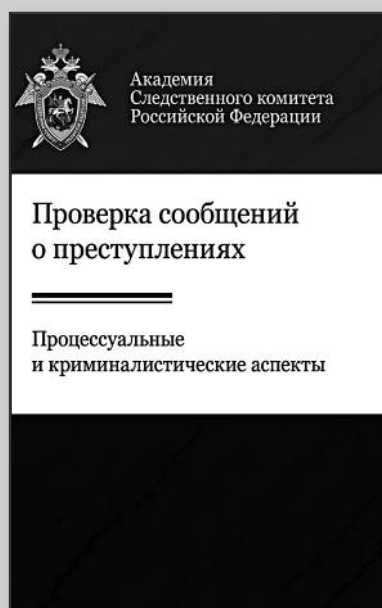
Литература

1. Решение коллегии Следственного комитета Российской Федерации «О практике процессуального контроля при продлении сроков предварительного следствия и сроков содержания под стражей» от 10 октября 2013 г.
2. *Даневский В.П.* Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа. М., 1985 (цит. по изд. с аналогичным названием. Киев, 2003).
3. *Колоколов Н.А.* Ознакомление с материалами уголовного дела. Следователь должен быть освобожден от несвойственных ему функций // Российский следователь. 2014. № 4.
4. *Морквин В.А.* Правовые презумпции в уголовном судопроизводстве России: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
5. *Стуконог А.В.* Разумный срок как новый принцип уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 2.
6. *Якубина Ю.П.* Актуальные вопросы совершенствования форм предварительного расследования: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.

Проверка сообщений о преступлениях. Процессуальные и криминалистические аспекты: Учеб.-метод. пособие / [А.М. Багмет и др.]; под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Юнити-Дана, 2015.

В качестве основных составляющих предлагаемых в пособии алгоритмов раскрыты отдельные процессуальные и криминалистические аспекты, определившие правила и рекомендации по процессу переработки исходных данных в исходные результаты предварительного расследования, что призвано способствовать повышению качества рассмотрения сообщения о преступлении и развитию у следователей творческого мышления.

Для студентов, курсантов, слушателей юридических вузов.

ОПТИМИЗАЦИЯ СРОКОВ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются сроки производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях, раскрываются положения постановлений Пленумов Верховного Суда РФ в части назначения экспертиз, формулируется необходимость аналитической работы дознавателя и следователя при решении вопроса о назначении судебных экспертиз.

Ключевые слова: сроки проверки сообщений о преступлениях, сроки расследования преступлений, назначение экспертиз, сроки производства экспертиз, необходимость назначения экспертиз.

Annotation. The article discusses the production timeline forensic expert units, the disclosed rulings of the plenum of the RF Supreme Court appointment of expertises, formulated the need for analytical work by the investigator and the appointment of legal expertise.

Keywords: timing verification of reports of crimes, crime investigation, forensic studies, the duration of the examination, the need for expertise.

Одной из острейших проблем при проверке сообщений о преступлениях и расследовании общественно опасных деяний является соблюдение процессуальных сроков доследственной проверки, дознания и предварительного следствия, которые, в частности, зависят от длительности проводимых в экспертных подразделениях специальных исследований. Причем сроки экспертных исследований далеко не всегда соотносятся с процессуальными сроками доследственной проверки и расследования преступных деяний.

В Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденной приказом Минюста РФ от 20 декабря 2002 г. № 347¹, сроки производства экспертиз абстрактны и определяются руководителем экспертного учреждения.

Хотя Методическими рекомендациями по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденных приказом Минюста РФ от 20 декабря 2002 г. № 346² сроки производства судебных экспертиз устанавливаются в пределах 30 календарных дней.

В Методических рекомендациях по применению норм затрат времени на производство экспертиз для определения норм экспертной нагрузки государственных судебных экспертов государственных су-

дебно-экспертных учреждений Министерства юстиции РФ, утвержденных приказом Минюста РФ от 22 июня 2006 г. № 241³ (далее — Приказ № 241), сроки производства экспертиз также не определены. Хотя экспертизы дифференцированы по степени сложности на три категории: 1) экспертизы, имеющие до трех признаков сложности; 2) имеющие три признака сложности; 3) имеющие четыре признака сложности.

Причем срок производства судебных экспертиз, имеющих не менее пяти признаков сложности, в каждом конкретном случае согласовывается с лицом, назначившим экспертизу, с представлением обоснования, подписанного экспертом и согласованного с руководителем учреждения.

При определении сложности судебной экспертизы рекомендуется учитывать следующие признаки:

¹ Приказ Минюста РФ от 20 декабря 2002 г. № 347 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. № 5.

² Приказ Минюста РФ от 20 декабря 2002 г. № 346 «Об утверждении методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

³ Приказ Минюста РФ от 22 июня 2006 г. № 241 (в ред. от 19 марта 2008 г.) «Об утверждении норм затрат времени на производство экспертиз для определения норм экспертной нагрузки государственных судебных экспертов государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации и методических рекомендаций по их применению» // Бюллетень Минюста РФ. 2006. № 10.

1) многообъектность (более трех объектов или более двухсот листов материалов дела, представленных на исследование); 2) множественность поставленных вопросов (свыше трех вопросов, требующих проведения исследований); 3) потребность в применении трудоемких методов и сложных инструментальных средств, технологический регламент которых превышает пяти дней, в проведении модельных экспериментов для решения конкретных экспертных задач; 4) необходимость разработки новых расчетных моделей и частных методик исследования для решения поставленных вопросов; 5) отнесение экспертизы к комплексной, либо повторной, либо межведомственной; 6) необходимость выезда на место происшествия либо осмотра объектов, находящихся вне территории СЭУ, либо проведения исследования на базе других учреждений.

Согласно Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы, утвержденной приказом МЧС РФ от 19 августа 2005 г. № 640⁴, экспертизы в судебно-экспертном учреждении или экспертном подразделении ФПС проводятся, как правило, в срок, не превышающий 20 суток.

Однако в случаях, когда требуется исследовать значительный объем материалов, применить продолжительные по времени методики исследования, а также при наличии значительного количества ранее назначенных и находящихся в производстве судебных экспертиз, руководителем судебно-экспертного учреждения или экспертного подразделения ФПС устанавливается иной срок производства судебных экспертиз.

В соответствии с Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511⁵, срок производства экспертизы, как правило, не должен превышать 15 суток.

Однако может быть установлен более длительный срок производства экспертизы в случаях исследования значительного объема материалов, применения продолжительных по времени методик исследования, при наличии в производстве у эксперта значительного количества экспертиз. Причем при наличии объективных оснований, указывающих на невозможность выполнения экспертизы в установленный срок, может быть установлен новый срок производства

экспертизы. После устранения лицом (органом), назначившим экспертизу, причин, препятствующих производству экспертизы, оно может быть возобновлено, при этом срок производства экспертизы продлевается на количество дней, затраченных на устранение данных причин. Кроме того, в случаях болезни, командировки эксперта, имеющего в производстве экспертизу, руководитель продлевает срок ее производства данным экспертом либо поручает производство судебной экспертизы другому эксперту по согласованию с лицом (органом), назначившим экспертизу.

На практике производство экспертизы может быть затянута на многие месяцы.

Например, по уголовному делу о вымогательстве фоноскопическая экспертиза проводилась более трех месяцев⁶.

Поэтому в большинстве случаев сроки производства экспертизы согласовываются между экспертом и лицом, назначившим экспертизу, на основе личных взаимоотношений. А производство экспертиз, о которых не интересуются, отодвигается на неопределенный срок.

А есть ли смысл перегружать экспертов ненужной работой? Тем более, что по официальным данным нагрузка на экспертов постоянно растет. Например, только сотрудники экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел ежегодно проводят около 1,3 млн экспертиз⁷.

По мнению автора, и дознавателю, и следователю, прежде чем назначить экспертизу, необходимо решить вопрос о необходимости ее производства. Хотя уже сложилась практика обязательного производства экспертиз как при наличии оснований, так и на всякий случай.

Уголовно-процессуальным законодательством определены случаи обязательного назначения и произ-

⁴ Приказ МЧС РФ от 19 августа 2005 г. № 640 «Об утверждении Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 49.

⁵ Приказ МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511 (в ред. от 15 октября 2012 г.) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 35.

⁶ Уголовное дело по обвинению Л. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 163 УК РФ // Архив ГСУ УМВД России по Челябинской области.

⁷ Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2013.

водства судебной экспертизы, когда необходимо установить (ст. 196 УПК РФ): 1) причины смерти; 2) характер и степень вреда, причиненного здоровью; 3) психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его виновности или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве; 4) психическое состояние подозреваемого, обвиняемого в совершении в возрасте старше 18 лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста 14 лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии); 5) психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания; 6) возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение.

Тем самым, лица, осуществляющие расследование преступлений, а также осуществляющие надзор за дознанием и предварительным следствием, забывают, что в других случаях экспертизы назначаются только при необходимости (ч. 1 ст. 195 УПК РФ).

В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»⁸ указывается на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы. Однако здесь же разъясняется, что экспертизы назначаются только в случаях, когда требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле.

В п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»⁹ разъяснено, что при квалификации действий лица по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ («хулиганство с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия») требуется на основании заключения эксперта устанавливать, является ли примененный при хулиганстве предмет оружием, предназначенным для поражения живой или иной цели. Но опять же — в случае необходимости.

По мнению автора, нет необходимости в специальном исследовании травматического пистолета «Оса» (все модификации) без признаков переделки, который в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»¹⁰ относится к огнестрельному оружию ограниченного поражения, т.е. к оружию, предназначенному для механического поражения живой цели.

Кроме того, нет необходимости загружать эксперта исследованием, например, обрезка арматуры, без следов преобразования в орудие преступления, или явно бытового (кухонного) ножа — на предмет относимости их к холодному оружию, либо газового баллончика отечественного производства с надписями на русском языке о содержимом емкости — на предмет исследования его содержимого.

В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»¹¹ разъясняется, что в случаях, когда для решения вопроса о том, являются ли оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами предметы по делу необходимо проведение экспертизы. Но только когда требуются специальные познания и при возникновении трудностей в решении вопроса об отнесении конкретных образцов оружия, патронов и боеприпасов к тому или иному виду (п. 10).

Так, нарядом патрульно-постовой службы при проверке документов у гр. Н. был обнаружен обрез одноствольного гладкоствольного охотничьего ружья и охотничьи патроны в фабричной коробке. Какая была необходимость направлять на баллистическую экспертизу охотничьи патроны? Неужели нужны специальные познания для определения охотничьих патронов к гладкоствольному оружию с указанием на них калибра. Тем более, что уголовной ответственности за незаконное ношение патронов к гражданскому огнестрельному гладкоствольному длинноствольному оружию не предусмотрено (ч. 1 ст. 222 УК РФ).

В п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской

⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

¹⁰ СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

¹¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.

направленности»¹² разъяснено, что для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы. Однако, опять же — в необходимых случаях.

Думается, что если надпись на плакате: «Россия для русских!» может быть объектом исследования на предмет отнесения ее к экстремистской, то в надписях: «Смерть кавказцам!», «Смерть мусульманам!», «Убивай кавказцев!» без специальных исследований видны негативные установки в отношении национальной (представителей коренных народов Кавказа) и религиозной (мусульман) групп. Лицо, проверяющее сообщение о преступлении экстремистской направленности, в данном случае обнаружит информацию в форме призыва, смысловое содержание которого состоит в том, что адресант (автор надписей) призывает адресатов к действию: убивать представителей коренных народов Кавказа и лиц, исповедующих ислам. Однозначно, что данные надписи способны воздействовать на поведенческие реакции (актуализировать готовность совершать агрессивные действия) сторонников автора надписей, оказывать влияние на неосознаваемые (подсознательные) процессы (непроизвольное внимание, восприятие), путем подкрепления имеющихся негативных стереотипов, предвзятых представлений, чувства враждебности, неприязни сторонников автора надписи в отношении национальной и религиозной групп¹³.

Одной из проблем, возникающих при расследовании преступлений, связанных с незаконным распространением порнографии, является проведение специальных исследований, в частности, об относимости материалов и предметов к порнографическим, определении возраста лица, изображенного на данных материалах и предметах либо используемого в целях изготовления указанных материалов и предметов.

С точки зрения автора, в ряде случаев, если не в их большинстве, нет необходимости в специальном исследовании относимости материалов и предметов к порнографическим.

Лицо, проводящее проверку сообщения о рассматриваемых преступлениях, либо расследующее уже возбужденное уголовное дело по факту совершения преступления, связанного с незаконным оборотом порнографии, без специалиста сможет отнести материалы или предметы к порнографическим по критериям, определенными специалистами¹⁴, а именно наличием сцен и изображений:

- сексуальных действий с лицами, явно не достигшими половой зрелости, т.е. малолетними;
- сексуальных действий с животными;
- сексуальных действий с трупами;
- сексуального насилия;
- сексуальных действий, сопровождающихся мочеиспусканием и/или дефекацией;
- группового, орального или анального коитуса и с детальной демонстрацией изображения контакта гениталий.

По уголовным делам данной категории вопросы по определению возрастного периода разрешаются судебно-медицинской экспертизой¹⁵.

Не вызывает сомнения необходимость определения специалистом возраста несовершеннолетнего в период его полового созревания, по разным данным — с 10 до 13 лет. Но когда изображен явно ребенок детского возраста или школьник первых классов — необходимо сразу возбуждать уголовное дело (в частности, по ст. 242.1 или 242.2 УК РФ) или собрав доказательства (без назначения экспертизы), предъявлять обвинение.

Думается, и дознаватель, и следователь при изучении фото- или видеоматериала обратит внимание, что у «мальчика, демонстрирующего половые органы, оволосение на лобке слабо выражено, оволосение в подмышечных впадинах не определяется, оволосение на лице нет, выражение лица детское; у обнаженной девочки, демонстрирующей половые органы, оволосение на лобке, в подмышечных впадинах отсутствует, молочные железы не развиты, выражение лица детское, и у обоих неоформленное телосложение по мужскому и женскому типу соответственно»¹⁶. Тем самым, должностное лицо правоохранительного органа сможет без специалиста прийти к выводу, что несовершеннолетние не достигли 14-летнего возраста.

Кстати, зафиксированы случаи назначения судебно-медицинских экспертиз для исследования тела только на предмет подтверждения отсутствия конеч-

¹² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

¹³ Результаты психолого-лингвистической экспертизы по уголовному делу по обвинению Г. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ // Архив СО по г. Чебоксары СУ СК России по Чувашской Республике.

¹⁴ Нагаев В.В. Эротика и порнография. Критерии различий. Проблемы правовой оценки и экспертизы: Моногр. М., 2009. С. 286, 287.

¹⁵ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2006. С. 315.

¹⁶ Результаты судебно-медицинской экспертизы по уголовному делу по обвинению Р. по п. «б» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ // Архив СУ УМВД России по Оренбургской области.

ности (в частности, пальца) и наличия татуировок. Акцентирую — не для определения характера и степени вреда, причиненного здоровью, а для констатации фактов «старого» увечья и отсутствия тату.

Таким образом, дознаватели и следователи не только перегружают экспертные подразделения ненужной работой, возможно, создавая видимость интенсивной деятельности или под давлением перестраховывающихся лиц, осуществляющих надзор за дознанием и следствием, но и затягивают сроки как проверки сообщения о преступлении, так и производства дознания и предварительного следствия.

Кстати, в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» разъяснено, что если проведение исследования не требуется, то возможен допрос специалиста¹⁷.

Таким образом, в ряде случаев при проверке сообщений о преступлениях и при расследовании общественно опасных деяний должностному лицу, производящему дознание или предварительное следствие, исходя из разработанных специалистами критериев и установленных нормативными актами признаков, необходимо самому делать выводы об относимости объекта к предмету преступления (орудию преступления) без назначения соответствующих экспертиз. Оперативность в данном вопросе будет способствовать скорейшему возбуждению уголовного дела, производству дознания и предварительного следствия в установленные законодательством сроки без снижения качества расследования и как следствие — неотвратимости наказания виновного.

¹⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

ВЛАДИМИР АНТОНОВИЧ ПРОРВИЧ,

*главный судебный эксперт НП «Коллегия судебных экспертов», доктор юридических наук,
доктор технических наук, профессор*

E-mail: kse60@mail.ru

*Рецензент: заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук,
профессор Александр Фомич Волынский*

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ СОВОКУПНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПРИВАТИЗАЦИИ

Аннотация. Анализ правоприменительной практики позволяет выявить ряд проблем в раскрытии и расследовании совокупностей преступлений в сфере экономики, а также против государственной власти и службы, характерных для современного этапа приватизации. Предлагаются способы решения этих проблем на основе объединения возможностей различных отраслей права и экономики, создающих новые возможности для современной криминалистики.

Ключевые слова: экономические преступления, коррупционные преступления, приватизация, совокупность преступлений, раскрытие преступления, расследование преступления.

Annotation. The analysis of law-enforcement practice allows to reveal a number of problems in disclosure and investigation of sets of crimes in the economy sphere, and also against the government and service, characteristic for the present stage of privatization. Ways solutions of these problems on the basis of association of opportunities of various branches of the right and the economy, creating new opportunities for modern criminalistics are proposed.

Keywords: economic crimes, corruption crimes, privatization, set of crimes, crime disclosure, crime investigation.

Отечественная криминалистика возникла и длительное время развивалась с ориентацией на раскрытие и расследование преступлений общеуголовного характера. Однако происходящие в стране социально-экономические преобразования, в частности, связанные с приватизацией государственного и муниципального имущества, предопределили появление новых видов организованной преступной деятельности, которая характеризуется довольно сложной совокупностью экономических и коррупционных преступлений, причем совершаемых длительное время различными субъектами.

Расследование совокупностей таких преступлений происходит в рамках «классической» схемы, на основе всех необходимых сведений об обстоятельствах их совершения и причастных к этому лицах. Однако обобщение и анализ следственной и экспертной практики показывает, что их раскрытие существенно осложняется не только неопределенностью уголовно-правовой характеристики совокупностей такого рода преступлений, но и недостаточной научной разработкой соответствующих проблем криминалистической техники, тактики и методики, включая взаимодействие следователя с оперативными работниками, специалистами и судебными экспертами.

Между тем, зачастую в процессе расследования, казалось бы, вполне «очевидного» преступления в сфере экономики, вскрываются такие обстоятельства, которые свидетельствуют о возможном наличии еще одного или даже нескольких преступлений, связанных с «первоначально выявленным». Следователь сталкивается с необходимостью проведения достаточно серьезного комплекса дополнительных процессуально регламентированных мероприятий, позволяющих собрать сведения о фактах, связанных со «смежным» преступлением. При этом во многих случаях такие сведения касаются тех же объектов преступления и их нельзя игнорировать без ущерба для установления истины по делу, но с другими субъектами, связи между которыми, на первый взгляд, неочевидны. Аналогичные ситуации часто возникают и применительно к субъектам «первоначально выявленного» и «последующего» преступления.

Механизм раскрытия таких преступлений характеризуется своеобразной «цепной реакцией»: чем глубже следователь проникает в суть противоправных действий первоначально выявленных субъектов, чем больше он собирает доказательств по расследуемому делу, тем больше вероятность выявле-

ния не одного, а двух или даже нескольких преступлений, причем с участием иных субъектов, кроме тех, в отношении которых первоначально было возбуждено уголовное дело. При этом часто оказывается, что вновь выявленные субъекты связаны не только с тем же объектом и объективной стороной преступления, но и с иными, «смежными» объектами преступления. Фактически речь идет уже о совокупности преступлений новых субъектов, объединенных общим замыслом, о которых на первоначальном этапе расследования известно не было.

Наиболее сложная следственная ситуация возникает, когда выявляются новые составы преступлений, касающиеся того же объекта, но с новыми субъектами, взаимные связи которых хотя и кажутся очевидными, но весьма сложны в доказывании. В ряде случаев приходится выделять такие эпизоды преступлений в отдельное производство, поскольку их квалификация не совмещается с составом «первоначально выявленного» преступления, по которому и было возбуждено расследуемое уголовное дело. Чаще всего это касается коррупционной составляющей преступлений в сфере приватизации, квалифицируемых в рамках статей, входящих в гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти и службы». При этом, естественно, существенно возрастает трудоемкость и увеличиваются сроки расследования, однако далеко не все следователи, сформировавшиеся как профессионалы на расследовании преступлений общеуголовного характера, например, против жизни и здоровья человека, готовы к выполнению столь объемной и многоплановой работы.

Сочетание проблем практического и научно-методического плана создает препятствия для надлежащего расследования не только выявленной совокупности преступлений, но и «первоначально выявленного» преступления. К этому добавляются и такие «субъективно-объективные» факторы, как несовершенство системы профессиональной подготовки и переподготовки кадров следователей, специализирующихся на раскрытии и расследовании преступлений в сфере экономики. Следует признать, что ориентация в этой деятельности на следователей-универсалов не отвечает современным задачам борьбы с преступлениями в сфере экономики. Подготовка юристов-универсалов, одинаково хорошо разбирающихся во всех отраслях материального и процессуального права, да еще и владеющих прочными знаниями и практическими навыками в сфере криминалистики, о желательности чего высказываются неко-

торые ученые, — это несбыточная мечта, оторванная от реальной жизни, а вместе с тем и опасное заблуждение, мешающее организации надлежащего взаимодействия следователя с судебными экспертами и специалистами.

К примеру, для раскрытия бланкетных диспозиций многих статей разд. VIII «Преступления в сфере экономики» Особенной части УК РФ необходимы глубокие специальные знания не только в сфере гражданского, но и земельного, градостроительного и иного специального законодательства, которыми следователи-универсалы, как правило, не обладают. Исследователи этой проблемы видят выход на пути более глубокого взаимодействия следователя с судебными экспертами и специалистами, но и здесь отмечается ряд нерешенных проблем. Например, в системе государственных судебно-экспертных учреждений все виды современной судебно-экономической экспертизы фактически сводятся к судебно-бухгалтерской экспертизе и ее разновидностям, характерным для условий плановой экономики. Этот пробел могли бы восполнить негосударственные судебные эксперты — преподаватели вузов, кандидаты и доктора экономических и юридических наук, но их привлечение в массовом порядке для оказания помощи следователю сдерживается сформировавшимся в обществе негативным отношением к «частникам» и устаревшими представлениями о возможности проведения правовой экспертизы.

Эта во многом искусственно созданная проблема фактически уже нашла свое разрешение в рамках постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». В п. 4 данного постановления специально оговаривается, что перед экспертом не допускается постановка лишь таких вопросов, которые связаны с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора и суда. Что же касается вопросов, связанных с характеристиками объекта или объективной стороны преступления, разрешение которых способствует раскрытию бланкетных диспозиций многих статей УК РФ, о которых говорилось выше, а затем и определению нанесенного ущерба, то никаких ограничений для постановки таких вопросов эксперту не установлено.

Понятно, что это лишь первый шаг в решении данной проблемы. Потребуется еще много усилий, чтобы создать научный фундамент для надлежащего

взаимодействия следователей с экспертами и специалистами, вплоть до разработки системы типовых вопросов на стыке права и экономики. При этом необходимо определить те виды правовых задач, которые следователь обязан решать самостоятельно, а также вычленив из них типовые экспертные задачи правового и экономико-правового характера и разработать общие и частные экспертные методики, необходимые для их решения.

К постановке и решению таких задач в соответствии со ст. 58 УПК РФ может быть привлечен и специалист, призванный давать разъяснения по вопросам, входящим в его компетенцию. На тематику таких вопросов не наложено никаких ограничений, поэтому следователь при необходимости вправе пригласить в этом качестве ученого, обладающего профессиональными компетенциями, в том числе, в сферах различных отраслей права. В этом же качестве могут выступать ветераны следственных органов для дачи разъяснений по вопросам, входящим в их профессиональную компетенцию.

При этом остаются открытыми ряд вопросов, в частности об установлении разумных границ применения правовых знаний специалистов при раскрытии и расследовании совокупностей преступлений в сфере экономики, о возможности оказания комиссионной помощи следствию со стороны нескольких специалистов в различных отраслях права и экономики, способных дать «комплексные разъяснения» по вопросам, входящим в их коллективную профессиональную компетенцию, и многих других. Эти вопросы пока еще не нашли своего разрешения, в том числе, и потому, что большинство специалистов, привлекаемых следствием, являются сотрудниками государственных экспертных учреждений, а они, как правило, не обладают необходимыми специальными знаниями в различных областях гражданского, земельного, градостроительного и иного смежного законодательства. Поэтому очевидна возрастающая роль некоммерческих организаций, объединяющих высококвалифицированных специалистов в сфере права и экономики, необходимость укрепления взаимодействия с ними, формирование специального реестра таких специалистов, за нравственные и профессиональные качества которых могут поручиться их коллеги по цеху.

Практика показывает и растущую роль руководителя следственного подразделения, который является центральной фигурой в организации надлежащего раскрытия и расследования столь сложных

преступлений в сфере экономики. Он вправе решить вопрос об организации следственной группы, а в ряде случаев и возглавить ее. Но для этого ему необходимы специальные знания не только в соответствующих областях права и экономики, но и в сфере криминалистики, включая методики расследования совокупностей таких преступлений.

Проблемным остается вопрос и о научно-методическом обеспечении раскрытия и расследования совокупностей разного вида преступлений в сфере экономики, против государственной власти и службы, в том числе, связанных с приватизацией объектов различного вида. Особенности таких совокупностей преступлений, имеющих общий объектный, субъектный или объектно-субъектный состав, часто делают плохо применимыми имеющиеся методические рекомендации по расследованию отдельных видов и групп преступлений. Приходится признать, что этой проблеме ученые-криминалисты пока не уделяют должного внимания, впрочем, как и ученые в области уголовного и уголовно-процессуального права. В результате возникает ряд проблем применения известных методик расследования, начиная от квалификации вновь выявленных преступлений, правовой оценки действий их субъектов, а также в части принятия обоснованных процессуальных решений.

Все это приводит к тому, что вся система организации раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики, особенно таких сложных и трудоемких, как рассматриваемые нами совокупности преступлений, связанных с приватизацией, работает недостаточно эффективно. Задействованные в этой деятельности суд и прокуратура, несколько правоохранительных ведомств, их следственные органы и оперативные службы действуют зачастую разобщенно, без ориентации на единую конечную цель, не имея, к тому же, единого методического обеспечения следственных действий. В результате нередко оказывается, что раскрытые следствием преступления по независящим от него причинам не заканчиваются вступившим в законную силу обвинительным приговором.

Не вдаваясь в обсуждение причин проявления таких случаев, обратим внимание лишь на необходимость поиска путей качественных изменений во взаимодействии следователей с экспертами и специалистами, нацеленном на конечный результат борьбы с экономической и коррупционной преступностью. Здесь важно учитывать особенности существующих подходов к определению такого ключевого для кри-

миналистики понятия, как «раскрытие преступления». Анализ содержательных особенностей этого понятия в рамках «информационно-психологического» подхода показывает, что оно теснейшим образом связано с формированием внутреннего убеждения следователя на основе собранных им сведений о фактах, по итогам их проверки и оценки в соответствии с требованиями УПК РФ. Речь идет о переходе определенного количества накопленной следователем статусной информации о преступлении в новое качественное состояние его внутренней убежденности о надлежащей квалификации и раскрытии данного преступления.

Если этих доказательств, по мнению следователя или его руководителя, недостаточно для того, чтобы после их изучения другими участниками уголовного судопроизводства, и прежде всего, прокурора и суда, у них также возникло устойчивое внутреннее убеждение о раскрытии данного преступления, то следователь должен собрать дополнительные доказательства, чтобы устранить их сомнения. Понятие «раскрытие преступления» носит явно выраженный субъективно-объективный характер на протяжении всех предусмотренных законом стадий уголовного судопроизводства и становится объективным фактом лишь после вступления приговора суда в законную силу.

Применение данного подхода к раскрытию совокупностей преступлений в сфере экономики, а также против государственной власти и службы, позволяют понять, насколько сложные и многоплановые задачи стоят перед следователем, и в каком долгу перед ним остается криминалистическая наука, которая пока не разработала научно обоснованные подходы к решению соответствующих практических задач. А при отсутствии необходимого научного фундамента невозможно выстроить систему методических рекомендаций по раскрытию и расследованию совокупностей таких преступлений, в том числе, в сфере приватизации государственного и муниципального имущества.

Причины сложившейся ситуации многоплановые и далеко не всегда носят объективный характер. Некоторые ученые и специалисты проводят аналогии с военной наукой, где зачастую разрабатываются проблемы прошедшей войны, что не позволяет разрабатывать эффективные методики ведения боевых действий в принципиально новых условиях. Понятно, что новая российская рыночная экономика и сложившиеся в последние десятилетия социально-экономи-

ческие отношения имеют ряд принципиальных отличий от предшествующей социалистической формации. Соответственно, и современная экономическая преступность имеет гораздо больше различий, чем сходства с преступностью советского периода. Естественно, что речь идет не о карманных или квартирных кражах, грабежах и разбойных нападениях, хотя и здесь криминал действует все более изощренно.

Более того, за последние десятилетия возникли такие виды экономических преступлений, которые ранее были неизвестны ни в нашей стране, ни за рубежом. И прежде всего, речь идет о преступлениях в сфере приватизации государственного и муниципального имущества, где преступления становятся все более изощренными и создающими большое количество проблем при их расследовании. В свою очередь, среди преступлений данного вида выделяются наиболее сложные в плане правовой идентификации преступления в сфере приватизации предприятий как имущественных комплексов, в структуре которых выделяются земельные участки, отнесенные к различным категориям земель и видам разрешенного использования в рамках соответствующих категорий.

При этом такой системы вещных, иных вещных и обязательственных прав на объекты движимого и недвижимого имущества различного вида нет ни в одной другой стране мира. Понятно, что и правоприменительная практика, формирующаяся в столь сложной, весьма противоречивой, да еще и перманентно изменяющейся правовой системе, также весьма неоднозначна. Даже высшие суды после обсуждения некоторых давно назревших проблем нередко констатируют, что решение не выработано. А если рекомендации все же вырабатывались, то нередко оказывалось, что позиция Высшего арбитражного суда РФ далеко не всегда полностью совпадает с позицией Верховного Суда РФ, что стало одной из причин для их объединения в порядке реформирования судебной системы.

Но эта реформа не изменила сути накопленных проблем в сфере гражданско-правового, земельно-правового и иных видов правового регулирования отношений экономических субъектов различного вида и уровня. Соответственно, не снимаются и проблемы идентификации уголовно-правовых диспозиций бланкетного характера для многих преступлений в сфере экономики, против государственной власти и службы, а также их совокупностей. Решение таких проблем, в том числе, связанных с продолжающейся приватизацией государственного и муниципального имущества,

требует принятия комплекса мер, нацеленных как на совершенствование действующего законодательства, так и правоприменительной практики. При этом на законодательном уровне речь идет не только об уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Напомним, что в соответствии со ст. 8 Конституции РФ в стране признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Но в ст. 35 специально оговаривается, что право частной собственности охраняется законом, а по поводу государственной и муниципальной собственности подобные оговорки об их защите законом отсутствуют.

Похоже, что уроки приватизации 1990-х и начала 2000-х гг. усвоены далеко не полностью, что приводит к новым злоупотреблениям в данной сфере. Наиболее сложно разворачиваются процессы приватизации «земли», что обусловлено как несовершенством действующего законодательства, так и весьма противоречивой правоприменительной практикой. К этому добавляется и провал созданной бизнесом системы «независимой» оценки, что было констатировано в мае 2013 г. министром экономического развития А.Р. Белоусовым (ныне — помощником Президента страны)¹. В результате у многих субъектов земельно-имущественных отношений, участвовавших в весьма сомнительных сделках, возникло даже устойчивое представление о том, что нарушения закона в этой сфере вообще ненаказуемы.

В этой связи очевидна необходимость научно обоснованной формализации уголовно-правовых характеристик преступлений в сфере приватизации имущества, с раскрытием основных вариантов их бланкетных диспозиций. Обращают на себя внимание и специфические особенности следов рассматриваемых видов совокупностей преступлений. Естественно, они по-разному проявляются в документах различного вида, представляемых в текстовой, табличной или планово-картографической форме, что требует от следователей использования специальных знаний не только в сфере земельного, градостроительного, кадастрового и иного смежного законодательства, но и в области геодезии и картографии, а во многих случаях и геоинформационных технологий.

При этом необходимые сведения о юридически значимых фактах часто устанавливаются следователем не только по наличию определенной информа-

¹ Судебно-кадастровая экспертиза / Под ред. А.Ф. Волынского и В.А. Прорвича. М., 2013. С. 14.

ции, но и по отсутствию той информации, которая должна присутствовать в соответствующей части документа. Разумеется, для этого должен быть разработан соответствующий криминалистический инструментарий, позволяющий выявлять и расшифровывать подобные следы в документах любого вида².

Свое слово в решении рассматриваемых нами проблем должны сказать и ученые-криминологи. Выявление особенностей социально-экономических процессов, характеризующих преступления в сфере российской рыночной экономики, включая преступления против государственной власти и службы, и в частности, в сфере приватизации государственного и муниципального имущества, земельных участков и иной недвижимости, позволит формализовать ключевые проблемы в данной области. На этой основе можно однозначно установить пробелы и противоречия в действующем законодательстве и организовать соответствующую нормотворческую работу. Результаты таких исследований окажут позитивное влияние и на правоприменительную практику в данной области.

Для максимально быстрого достижения результата следует сосредоточить основные усилия на конечном звене цепочки связей в совместной работе ученых из различных отраслей юридической науки — работе следователя, но с последующим выявлением всех связей с другими звеньями и их детальной проработкой. При такой организации исследований возможно даже инициирование «интеллектуальной цепной реакции». Главное, чтобы на каждом из ее звеньев были получены позитивные результаты, оказывающие, в свою очередь, положительное, стимулирующее воздействие на процессы и результаты научных исследований в смежных областях. Только в этом случае «интеллектуальная цепная реакция» не затухнет и приведет к итоговому успеху коллектив-

ных усилий ученых и специалистов-практиков в борьбе с экономической преступностью.

Не менее важную роль может сыграть криминалистика и как учебная дисциплина в деле подготовки и профессиональной переподготовки необходимых кадров. Актуальной задачей становится и создание соответствующих учебных пособий для подготовки и самообразования следователей, специализирующихся на расследовании преступлений в сфере экономики, включая сферу приватизации имущества. Для этого целесообразно объединить усилия ученых — специалистов по уголовному, процессуальному, гражданскому и земельному праву, судебной экспертизе, экономистов и представителей других отраслей науки. При этом интегрирующую роль могли бы взять на себя ученые-криминалисты, разрабатывающие проблемы методики расследования преступлений в сфере экономики, против государственной власти и службы, а также их совокупностей, характерных для сферы приватизации государственного и муниципального имущества, способные не только координировать деятельность своих коллег, но и сфокусировать общие усилия на решение наиболее актуальных практических задач.

Что касается возможных форм практической реализации предлагаемых мер, то уже давно назрела необходимость объединения усилий ученых в различных областях права и экономики в рамках единого научно-методического центра, основной задачей которого должна стать разработка единых методических рекомендаций по расследованию преступлений в сфере экономики и их совокупностей. Приглашаем заинтересованных специалистов высказать свои соображения по затронутым проблемам.

² Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе / Под ред. А.Ф. Вольнского и В.А. Прорвича. М., 2010. С. 19.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА В ЖИЛИЩНОЙ СФЕРЕ С УЧЕТОМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИ РАЗРАБОТКЕ РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО ДОСУДЕБНОМУ ПРОИЗВОДСТВУ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности современных реалий, непосредственно влияющих на изменение способов мошенничества в сфере недвижимости, а также отдельные аспекты криминалистической характеристики мошенничества в данной сфере. Формулируются соответствующие выводы.

Ключевые слова: мошенничество в жилищной сфере, криминалистическая характеристика, методика расследования, защита прав потерпевших при расследовании мошеннических схем, связанных с отчуждением жилья.

Annotation. The article pays attention to the peculiarities of up-to-date realities, directly affecting ways of fraud in the real estate industry, on certain aspects of criminalistic characteristics of fraud in this sphere, appropriate conclusions have been made.

Keywords: fraud in housing service, criminalistic characteristics, methodology of investigating.

Задача защиты прав потерпевших при расследовании мошеннических схем, связанных с отчуждением жилья, полностью охватывается назначением уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ): уголовное судопроизводство должно обеспечивать защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Ежегодно за совершение мошенничества в Российской Федерации осуждается более 25 тыс. человек. Так, всего по ст. 159 УК РФ за мошенничество в 2011 г. было осуждено 25 557 человек по основной квалификации (для сравнения в 2010 г. — 29 056, в 2009 г. — 32 229 человек). При этом судами обвинительные приговоры постановлены в отношении осужденных за совершение ими 50 498 указанных преступлений (как по основной квалификации, так и по дополнительной квалификации по числу составов преступлений)¹. Такая статистика указывает: мошенничество является одним из наиболее распространенных посягательств в различных сферах экономической деятельности. Разновидностью мошенничества являются преступные действия в жилищной сфере.

Анализ судебной практики показывает, что не всегда при рассмотрении уголовных дел указанной категории правосудие обеспечивает свое назначение — восстановление прав потерпевшего, нарушен-

ных в связи с совершенными в отношении его мошеннических действий². Следует признать — государство стремится исправить столь негативное положение. Сказанное относится и к действиям законодателя, направленным на борьбу с мошенничеством в жилищной сфере. Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ³ в ч. 4 ст. 159 УК РФ закреплено мошенничество в качестве отдельного вида, повлекшего лишение права гражданина на жилое помещение. Изменение уголовного законодательства инициировал Верховный Суд Российской Федерации. В своем письме в Государственную Думу Верховный Суд РФ обосновал необходимость правового уточнения следующим образом: «...в связи с особой повышенной общественно-социальной опасностью, повлекших лишение права гражданина на жилое по-

¹ Пояснительная записка к проекту ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации. URL://http://www.vsrfl.ru/Show_pdf.php?Id=7871

² Приговор оправдательный Учалинского районного суда Республики Башкортостан от 25 апреля 2011 г. в отношении С.Е. Суханова, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ // Дело № 1-69-2011.

³ ФЗ от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 49. Ст. 6752.

мещение, мошеннических действий, совершенных, например, под видом гражданско-правовых сделок, связанных с отчуждением жилого помещения, наступлением от этих преступлений особо тяжких, в том числе и социальных, последствий...»⁴.

Одна из причин негативного положения по отправлению правосудия по делам о мошенничестве в жилищной сфере образуется в результате наличия недостатков досудебного производства. Материалы уголовных дел не всегда содержат все обстоятельства, подлежащие установлению в соответствии со ст. 73 УПК РФ. Возможно, те обстоятельства, которые рассмотрены, часто не подтверждаются достаточной для однозначных выводов совокупностью доказательств.

К факторам, определяющим недостаточный уровень противодействия преступности в сфере жилищных правоотношений, следует отнести:

1) несовершенно гражданско-правовую базу, регламентирующую сферу жилищных правоотношений;

2) недостаточную правовую осведомленность участников правоотношений относительно правовой основы собственных действий и действий лиц, с которыми они вступают в отношения по вопросам прав на недвижимость;

3) нигилистический настрой относительно обязанности строго соблюдения жилищного законодательства.

Наличие указанных, а также других факторов создают благоприятные условия для совершения мошеннических действий, приводящих к лишению собственника прав на жилье.

На фоне правовой неграмотности выделяется слой общества с общим низким социальным статусом, в отношении которого предпочтительным является осуществление действий по отъему прав на собственность жилья, что выделяет их из общей массы граждан.

Следует учитывать и изменяющуюся динамику мошенничества по отъему прав собственности. Следует согласиться, что «способы совершения мошеннических действий крайне разнообразны и во многом определяются складывающейся в обществе социальной, экономической, политической ситуацией. Так, в 1992—1993 гг. одними из наиболее распространенных видов мошенничеств были преступления, связанные с приватизацией объектов недвижимости. Их пик пришелся на 1995—1997 гг. В настоящее же время данный вид мошенничества практически не наблюдается»⁵.

Обеспечить должный уровень противодействия преступности, повышения качества расследования должна наука криминалистика в одной из ее четырех частей — разработке методики расследования преступлений. Важным элементом, который во многом определяет качество рекомендаций следователям по расследованию того или другого вида преступления, является криминалистическая характеристика преступления.

Среди ученых десятилетиями ведутся дискуссии о сущности криминалистической характеристики, о ее структурных элементах, корреляционных связях, о целесообразности замены данной научной категории другой (например, механизм преступления и пр.). Однако, несмотря на ставшие традиционными названные вопросы, вне зависимости от терминологических уточнений, следует признать, что информационная база об особенностях совершения преступления определенного вида, как бы ее не именовали, всегда нужна. Без нее невозможна разработка соответствующих рекомендаций. Криминалистическая характеристика преступления определяется в зависимости от правовых воззрений ученых разнообразно. Каждое из предлагаемых определений, соответственно, можно критиковать. Данная дискуссия выходит за рамки заявленной темы статьи и нами не рассматривается.

Для формирования благоприятных условий в исследовании вопросов разработки качественных методик расследования преступлений, на основе которых следственные подразделения смогли бы повысить уровень борьбы с преступностью в жилищной сфере, важно чтобы криминалистическая характеристика включала не разовые, а действительно типичные закономерности совершения мошенничества в жилищной сфере. Знание закономерностей должно оказать существенную поддержку следователям в определении (ориентировании) направления расследования, выдвижении следственных версий и выявлении источников информации (доказательств) об обстоятельствах, установление которых однозначно изобличит лицо в мошеннических действиях, а суд сможет постановить обвинительный приговор и определиться с видом, порядком, и сроками восстановления

⁴ Письмо ВС РФ от 25 мая 2012 г. № 2-ВС-2733/12 «О проекте ФЗ № 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

⁵ Горобченко С.В. Методика расследования мошенничеств в сфере незаконного оборота недвижимости: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009.

нарушенных мошенническими действиями прав пострадавшего.

Последнее исследование мошенничества в жилищной сфере было проведено С.В. Горобченко. В работе им предпринята попытка научно оптимизировать элементы криминалистической характеристики мошенничества в сфере недвижимости. В перечень элементов предлагается включить следующие: предмет преступного посягательства; обстановку преступного события; способ подготовки, совершения и сокрытия мошенничества; обстоятельства, способствующие совершению мошенничества в сфере недвижимости; механизм и особенности следообразования; характеристику личности преступника; характеристику личности потерпевших⁶.

С позиций более удобного выявления мошенничества в жилищной сфере, диагностики преступных действий, обнаружения доказательственной информации представляется, что не все указанные элементы и их содержание имеют практическую значимость. Так, предмет преступного посягательства особой характеристики не требуют по причине его (объекта) очевидности — недвижимость. Такой элемент как обстановка совершения мошенничества не имеет четких границ, а, следовательно, описание может страдать чрезмерно широким информационным полем и при этом быть не вполне содержательным.

В криминалистическом отношении наиболее информативным является личность потерпевшего.

Исследовав судебную практику, можно обнаружить три наиболее типичные группы потерпевших:

- 1) лица, ведущие антисоциальный образ жизни (например, злоупотребляющие спиртными напитками, наркозависимые);
- 2) лица, страдающие пониженным интеллектом, в первую очередь это лица с психическими отклонениями, не в полной мере понимающие совершаемые в отношении их действия;
- 3) одинокие граждане старшей возрастной группы (старше 60 лет).

Названные категории граждан характеризуются пониженной социальной адаптацией, проявляющейся в потере способности в полной мере понимать сущность производимых в отношении их действий, осознавать и предвидеть негативность для них правовых последствий. Неадекватность восприятия потенциальными потерпевшими окружающей действительности позволяет преступникам влиять на выбор действий, контролировать поведение потерпевших на этапе оформления документов на объекты недви-

жимости. А после перехода права собственности на похищенные объекты недвижимости третьим лицам делают возможным по надуманным предложениям вывозить их за пределы населенных пунктов их постоянного проживания и, таким образом, обеспечивать сокрытие мошеннических действий⁷.

Мошеннические действия в отношении лиц, страдающих алкогольной (наркотической зависимостью), легко алгоритмируются и представляют собой следующую последовательность:

- поиск преступниками представителей названной категории лиц (например, через наркодиспансеры);
- знакомство с потерпевшими под самыми разнообразными предложениями, формирование доверительных отношений: регулярная передача незначительных денежных сумм на приобретение продуктов питания, алкогольных напитков, совместное их распитие и пр.;
- помощь в приватизации квартиры (если жилье неприватизировано);
- после приватизации приобретение недвижимости меньшей стоимостью с доплатой при заведомом отсутствии намерения на такую помощь.

После получения согласия в нотариальной конторе оформляют на себя доверенность на право собственности принадлежащей потерпевшему указанной квартиры (доли) с учетом цены и условий иного лица. В последующем на основании доверенности находят покупателя и регистрируют переход права собственности на нового собственника, а полученные денежные средства присваивают. Именно такой алгоритм действий просматривается при изучении приговоров, касающихся лиц, совершивших мошеннические действия в отношении указанных категорий потерпевших⁸.

Типичные формы мошенничества в сфере недвижимости в целом известны. Одним из них является мошенничество по схеме «пирамида». Как показывает анализ обвинительных приговоров, и при данной форме мошенничества действия преступников достаточно легко можно типизировать следующим образом.

- гражданам предлагается приобрести жилье по стоимости квадратного метра ниже рыночной стоимости. При этом устанавливается низкий процент при

⁶ Горобченко С.В. Указ. соч.

⁷ Приговор Красносельского районного суда Санкт-Петербурга от 15 июня 2011 г. в отношении подсудимого В.В. Шаркова, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ // Дело № 1-418/11.

⁸ Там же.

покупке жилья в рассрочку. Данный прием обеспечивает привлечение наибольшего количества доверчивых граждан к участию в долевом строительстве;

- в договорах долевого участия и инвестирования проставляются даты, не соответствующие фактическому совершению сделки и подписанию договоров. Указанные действия, большей частью совершаются после вступления в действие Федерального закона от 30 декабря 2004 г. «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости», исключающего заключение договоров долевого участия без наличия у застройщика соответствующей разрешительной документации на строительство объекта, а также обязывающего регистрировать такие договоры в государственных регистрационных палатах. Преступники показывают, что нарушают требования федерального законодательства, якобы исключительно для их блага, — заключения последними договоров долевого участия на выгодных для них условиях (по «старым ценам» стоимости квадратного метра жилья по цене значительно ниже рыночной). Таким образом, мошенники входят в доверие к дольщикам;

- частичное осуществление предоплаты или оплаты в полном объеме по договору предлагается не в фирму, с которой оформляется контракт на приобретение жилья, а юридическому лицу, с которой эта фирма заключила соответствующий агентский или инвестиционный договор. Данное обстоятельство приводит к тому, что обманутые дольщики не могут установить, с какой организации требовать исполнения обязательств в части предоставления квартиры;

- на протяжении действия срока договора с клиента под различными предлогами истребуются дополнительные средства, не предусмотренные предварительным договором между сторонами для недозавложения денежных средств в кассу и на расчетный счет общества. Такие действия способствуют беспрепятственному хищению этих денег;

- от фирм-агентов злоумышленники получают денежные средства и иное имущество дольщиков и инвесторов без должного документального оформления путем написания расписок руководителям этих фирм о получении им денег и имущества по договорам инвестирования и долевого участия в строительстве объектов. Полученные таким образом денежные средства в кассу не передаются, по документам бухгалтерского учета не проводятся и похищаются;

- в дальнейшем права по первичному контракту переуступаются, выстраиваются всевозможные схе-

мы взаимозачетных операций (оплата векселями, поставка строительных материалов, оказание услуг в качестве оплаты договоров долевого участия и инвестирования);

- использование полученных средств дольщиков и инвесторов в качестве инвестиций в другие коммерческие проекты. Такие действия способствуют привлечению все большего количества лиц, желающих участвовать в долевом строительстве, и увеличению потока денежных средств;

- по истечении оговоренного сторонами срока предоставления жилья преступники переносят сроки сдачи, заселения и оформления объектов. Отсутствие в договорах точного адреса, параметров приобретаемого жилья приводит к возможности манипулировать объектами строительства, скрывая факты хищений, предлагая дольщикам и инвесторам взамен квартиры в других строящихся объектах.

Средством поддержания доверия к устроителям мошеннических действия являются:

- 1) производство строительных работ на объектах без наличия документов, необходимых для начала и осуществления строительства;

- 2) отдельные случаи частичного погашения обязательств перед дольщиками за счет средств, собранных с лиц, участвующих в долевом строительстве, в том числе и других объектов;

Завершающим этапом реализации преступного умысла является выкуп долей у всех соучредителей и последующую ликвидацию строительного общества. Ликвидация осуществляется через процесс банкротства. Использование ФЗ от 26 октября 2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» позволяет удерживать в гражданско-правовом поле конфликтные ситуации. При благоприятном для преступников стечении обстоятельств такой прием позволяет:

- удержать похищенное имущество и освободить себя и общество от исполнения обязательств перед дольщиками и инвесторами;

- решить задачу сокрытия фактов совершенного хищения денежных средств и имущества дольщиков и инвесторов строительства;

- скрыть факты незаконного приобретения права на чужое имущество, и таким образом, избежать уголовной ответственности за совершенное преступление⁹.

Согласно правоприменительной практике, изложенной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике

⁹ Дело № 1-69-2011.

по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указано, что «получение имущества под условием выполнения какого-либо обязательства может быть квалифицировано как мошенничество лишь в том случае, когда виновный еще в момент завладения этим имуществом имел цель его присвоения и не намеревался выполнять принятое обязательство».

Аналогичное суждение высказывает и Конституционный Суд Российской Федерации: «Привлечение к уголовной ответственности за мошенничество, совершенное под прикрытием правомерной гражданско-правовой сделки, возможно лишь в случае, если будет доказано, что, заключая такую сделку, лицо действовало умышленно, преследуя цель хищения имущества или приобретения права на чужое имущество»¹⁰.

В качестве примера названной схемы можно привести преступные действия гражданина Г.Г. Романова.

Г.Г. Романов, имея опыт работы в области строительства, зная о том, что долевое участие в строительстве жилых домов пользуется большим спросом у населения, изучив стоимость квадратного метра жилья в различных районах, на строительном рынке г. Самары, решил под предлогом осуществления строительства указанных объектов, путем обмана и злоупотребления доверием, незаконно, безвозмездно приобретать право на чужое имущество и завладеть денежными средствами и иным имуществом лиц, желающих участвовать в таком строительстве (дольщиков и инвесторов). Для достижения преступных целей Г.Г. Романов, являясь генеральным директором ООО АПРСФ «Содействие», имея умысел на причинение имущественного ущерба собственнику, путем обмана и злоупотребления доверием, используя деятельность указанного общества, создал строительную (жилищную) пирамиду, разработал преступный план хищения чужого имущества, и в период с 1998 г. по декабрь 2005 г. стал совершать активные действия для создания и деятельности вышеописанной финансовой пирамиды, имитирующей строительство жилых домов и иных объектов¹¹.

В настоящее время мошенники активно осуществляют преступные действия в процессе выполнения мероприятий по федеральной и региональным целевым программам реализации Национального проекта «Жилье», «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» в Челябинской области на 2011—2015 гг. Это является дополнительными условиями, облегчающими преступникам достижение корыстных целей, следователям, создающие трудности в доказывании преступного умысла, и в результате

образующими возможность виновным избежать уголовной ответственности. В данном случае такие проблемы не связаны с процессуальной деятельностью и большей частью имеют объективный характер. На эти условия указывают сами исполнители программ «Доступное и комфортное жилье». Такими условиями называются:

1) низкая готовность органов местного самоуправления к участию в подпрограмме «Подготовка земельных участков для освоения в целях жилищного строительства» в связи с тем, что к ним предъявляются требования наличия документов территориального планирования, разработка которых требует определенного периода времени и средств;

2) низкая заинтересованность, а в большинстве случаев и возможность у местных органов власти в привлечении кредитных ресурсов для обеспечения земельных участков коммунальной инфраструктурой;

3) небольшой опыт у российских кредитных организаций в отношении практики кредитования проектов по обеспечению земельных участков коммунальной инфраструктурой;

4) отсутствие возможностей у юридических лиц в привлечении кредитных ресурсов для обеспечения земельных участков коммунальной инфраструктурой в связи с отсутствием:

- залогового обеспечения кредита;
- кредитных историй;
- опыта работы с банками;

5) недостаточное использование внебюджетных источников финансирования Программы, в том числе средств частных инвесторов, кредитных организаций и собственных средств граждан;

6) низкая доступность жилья и ипотечных жилищных кредитов для всего населения¹².

Вышеизложенное позволяет заключить следующее:

1. В ближайшей перспективе способы совершенствования и усложнение мошеннических схем в жилищной сфере будут продолжаться.

¹⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2009 г. № 61-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А.А. Сухарева на нарушение его конституционных прав ст. 147 УК РСФСР и ст. 159 УК РФ» // КонсультантПлюс (документ опубликован не был).

¹¹ Приговор Ленинского районного суда г. Самары от 2 мая 2012 г. в отношении Г.Г. Романова, обвиняемого по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

¹² Постановление Правительства Челябинской области от 16 ноября 2010 г. № 250-П (в ред. от 15 февраля 2013 г.) «Об областной целевой программе «Доступное и комфортное жилье — гражданам России в Челябинской области на 2011—2015 гг. // Южноуральская панорама. 2010. № 324.

2. Реализация сложных мошеннических схем требует больших усилий в организации и осуществлении преступных действий. Данное обстоятельство приведет к формированию организованных преступных групп и преступных организаций. Преступные группы характеризуются устойчивостью, сплоченностью всех ее участников, основаны на длительном знакомстве, единстве целей, взаимной осведомленности о ранее совместно совершенных преступлениях. В настоящее время достаточно приговоров, подтверждающих сказанное¹³.

3. Перед криминалистической наукой продолжает оставаться актуальной задача обобщения ти-

пичных схем совершения мошенничества в жилищной сфере, а также наполнение информацией других составляющих ее элементов. При этом перечень структурных элементов криминалистической характеристики может выходить за рамки «классической».

4. Практика показывает, что в столь сложной следственной деятельности особую значимость имеет использование таких процессуальных средств, как институт досудебного соглашения о сотрудничестве, а также получение информации о соединении между абонентами.

¹³ Дело № 1-418/11.

АЛЛА ВЛАДИМИРОВНА ХМЕЛЕВА,
старший преподаватель кафедры криминалистики Академии Следственного комитета Российской Федерации,
полковник юстиции, кандидат юридических наук
E-mail: ask_rf@mail.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА И ДРУГИХ ВЕРБАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются процессуальные и тактические особенности допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей с учетом последних изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, приводятся примеры следственной практики.

Ключевые слова: изменения в УПК РФ, допрос, тактика, несовершеннолетний, потерпевший, свидетель.

Annotation. The article deals with the procedural and tactical interrogations of juvenile witnesses and victims, taking into account the latest changes and additions to the Code of criminal procedure of the Russian Federation, are examples of investigative practices.

Keywords: changes in the Code of criminal procedure, interrogation, tactics, minor, victim, witness.

В последнее время в уголовно-процессуальный закон были внесены изменения и дополнения, направленные на усиление защиты прав и интересов детей и подростков в уголовном судопроизводстве, в том числе устанавливающие порядок их допроса — важного и ответственного ме-

роприятия, к которому нельзя подходить поспешно, без надлежащей подготовки.

Указание Первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации — Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации от 16 марта 2010 г. № 2/206 «О вве-

дении специализации следователей Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по расследованию преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних» требует организовывать тщательную подготовку к процессуальным действиям с участием несовершеннолетних, исключив случаи необоснованного неоднократного производства с ними одних и тех же следственных действий, а также иные организационные упущения и нарушения требований Уголовно-процессуального кодекса, вызывающие необходимость повторного производства следственных действий с несовершеннолетними.

Закон не устанавливает для свидетеля каких-либо ограничений и допускает допрос как несовершеннолетних, так и малолетних лиц, принимая во внимание возможность ими правильно воспринимать события и явления и воспроизводить их. Иногда эти способности устанавливаются в ходе судебно-психологической экспертизы.

В ходе подготовки к допросу несовершеннолетнего следователю необходимо продумать вопросы, направленные на обеспечение максимальной результативности следственного действия. Следователь обязан детально изучить все имеющиеся материалы дела и на этой основе мысленно смоделировать вероятную обстановку на месте происшествия, характер действий жертвы и преступника, и с учетом этого подготовиться к допросу.

Прежде всего, для установления психологического контакта (взаимопонимание, доверие и желание лиц общаться друг с другом) и определения тактики допроса необходима полная информация о характере допрашиваемого, круге его интересов и увлечений, взаимоотношениях со сверстниками, поведении в школе, дома, взаимоотношениях с заподозренным лицом, а также иные данные, характеризующие малолетнего (несовершеннолетнего) потерпевшего. С этой целью следует тщательно изучить материалы уголовного дела с точки зрения извлечения указанных сведений, а также допросить законных представителей несовершеннолетнего, соседей, педагогов, участкового врача и других лиц, могущих сообщить такие сведения.

При подготовке к допросу следует определить круг его участников. Закон устанавливает правило, согласно которому допрос малолетнего потерпевшего до 16 лет должен производиться в присутствии педагога или психолога (ч. 1 ст. 191 УПК РФ). Специалистами рекомендуется для участия в допросе

мальчика приглашать педагога-мужчину, а девочки — педагога-женщину. Участие педагога при допросе потерпевшего от 16 до 18 лет обязательным не является. Кроме того, при допросе несовершеннолетнего потерпевшего вправе присутствовать законный представитель. В соответствии с ч. 3 ст. 191 УПК РФ следователь вправе не допустить к участию в допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля его законного представителя и (или) представителя, если это противоречит интересам несовершеннолетнего. В этом случае следователь обеспечивает участие в допросе другого законного представителя несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего. Часто законными представителями детей-сирот, воспитанников интернатов или детских домов выступают воспитатели и педагоги этих учреждений. Следственной практике известны случаи, когда их участие в допросе детей отрицательно сказывалось на правдивости их показаний. Более того, часто такие представители пытались оказать давление на допрашиваемых с целью скрыть нелицеприятную обстановку в учреждении по воспитанию детей.

Так, по уголовному делу о причинении тяжкого вреда здоровью 15-летнему К., труп которого с множественными телесными повреждениями обнаружен в школе-интернате (уголовное дело было возбуждено по ч. 4 ст. 111 УК РФ), к производству следственных действий в качестве законных представителей свидетелей (воспитанников школы-интерната) были допущены педагоги этого учреждения, в том числе директор, непосредственно отвечающий за порядок и дисциплину. Эти законные представители не только не оказывали помощь следствию, но и всячески пытались его осложнить: на допросах комментировали ответы своих подопечных в нужной интерпретации, прерывали детей, мешали следователю установить психологический контакт с допрашиваемыми, выдвигали свои версии об обстоятельствах получения потерпевшим телесных повреждений. Под их воздействием свидетели скрывали истинные взаимоотношения между воспитанниками и характер морально-психологической обстановки в интернате. Понимая, что законные представители стараются ввести следствие в заблуждение и отрицательно влияют на допрашиваемых свидетелей, следователь вынес постановление об отказе в допуске сотрудников данной школы-интерната в качестве законных представителей несовершеннолетних свидетелей, а качестве таковых были привлечены специалисты органов опеки и попечительства [1, с. 96, 97].

Допрос малолетних потерпевших целесообразно проводить с участием педагога, работающего с ними в дошкольном воспитательном учреждении или в школе. Если малолетний потерпевший почувствует в задаваемых вопросах излишнее любопытство, пренебрежительное отношение к себе, угрозу каким-либо своим интересам, то психологический контакт со следователем будет нарушен. Как следствие, показания потерпевшего в лучшем случае будут неполными, в худшем же случае следователь может вообще не получить какую-либо информацию. Чтобы избежать подобных инцидентов, желательно приглашать педагога, имеющего психологическое образование. Следственный комитет РФ отмечает необходимость включения в штат отделов криминалистики детских психологов, или (как это сделано в следственных управлениях ряда регионов) работа с ним должна осуществляться в соответствии с гражданского-правовым договором.

Закон (ч. 4 ст. 188 УПК РФ) установил особый порядок вызова несовершеннолетнего (до 16 лет) потерпевшего или свидетеля для допроса: через законных представителей либо через администрацию по месту учебы. Иной порядок вызова на допрос допускается в случае, когда это вызвано обстоятельствами уголовного дела. Например, если вызов через законных представителей может воспрепятствовать получению правдивых показаний или если необходимо обеспечить немедленную явку несовершеннолетнего и т.д. По тактическим и этическим соображениям в случаях, когда необходимо не допустить обострения отношений в семье (например, вызов потерпевшей по делу о преступлении против половой неприкосновенности), могут применяться такие способы вызова на допрос, как приглашение по телефону, путем личного вручения повестки или направление посылочного.

В 2013 г. в ст. 191 УПК РФ введена ч. 4, в соответствии с которой при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающем в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно.

Если несовершеннолетний остался без родителей и не имеет законных представителей, в качестве такового может быть приглашен представитель органа

опеки и попечительства. С особой осторожностью следует подходить к решению вопроса об участии законного представителя в допросе несовершеннолетнего потерпевшего по делу о преступлении, которое могло быть совершено его родственниками.

Так, в Павловском районе Воронежской области Ш. на протяжении двух лет систематически совершал изнасилования и насильственные действия сексуального характера в отношении падчериц Нади и Оли, 9 и 13 лет, соответственно. Мать, к которой обращались девочки, злоупотребляющая спиртными напитками, расценивала их жалобы как оговор. Уголовное дело было возбуждено после обращения в правоохранительные органы врачей районной больницы, которые по просьбе бабушки провели медицинский осмотр девочек. Главной проблемой при расследовании стало установление доверительных отношений следователя и потерпевших, без которых невозможно было получить полные их показания при допросе. Трудные условия жизни в неблагополучной семье наложили отпечаток на характер девочек, сделали их замкнутыми, недоверчивыми. К участию в неоднократных допросах потерпевших следователь, несмотря на фактически «предательскую» позицию матери, привлекал ее в качестве законного представителя (мать не только не поддерживала детей, но обвиняла их или в оговоре, или в провокации действий отчима). В этих условиях участие матери в допросах только затрудняло установление психологического контакта. Следователю в качестве законного представителя необходимо было привлечь или другого родственника, или специалиста органа опеки и попечительства [2].

Определившись с кругом участников допроса, следователь решает вопрос о месте, дате, времени и продолжительности его проведения.

В соответствии с ч. 1 ст. 187 УПК РФ допрос проводится по месту производства предварительного следствия. Однако следователь вправе, если признает это необходимым, провести допрос в месте нахождения допрашиваемого.

Учитывая особенности детской психологии, для допроса малолетнего потерпевшего, а в зависимости от обстоятельств дела — и подростка более старшего возраста лучше избирать место, обстановка которого является по отношению к нему наиболее дружественной (школа, дом, дошкольное воспитательное учреждение). При наличии возможностей для допроса несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства рекомендуется оборудо-

вать в помещении следственного органа специальный кабинет с соответствующей обстановкой (детской мебелью, игрушками, куклами, в том числе анатомическими). Такая обстановка способствует достижению более полного психологического контакта следователя с потерпевшим. В соответствии с указаниями Главного управления криминалистики СК России во многих следственных управлениях (например, в Следственном управлении по Воронежской области) создана и успешно функционирует такая детская комната.

Несовершеннолетних в возрасте 14—17 лет целесообразно допрашивать в кабинете следователя. Официальная обстановка государственного учреждения в сочетании с разъяснением следователя о необходимости рассказать все, что подростку известно по делу, подчеркивает важность происходящего и настраивает на дачу полных и правдивых показаний.

Устанавливая время явки несовершеннолетнего потерпевшего на допрос, следователь должен учитывать особенность его психики, например, в какой период дня ребенок наиболее активен. Кроме того, в день допроса несовершеннолетнего следователю необходимо спланировать свое рабочее время таким образом, чтобы ребенок не ожидал вызова на допрос.

Потерпевшие и свидетели в возрасте до 16 лет не предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний. В соответствии с ч. 2 ст. 191 УК РФ при разъяснении указанным потерпевшим и свидетелям их процессуальных прав, предусмотренных ст. 42 и 56 УПК РФ, им указывается на необходимость говорить правду.

При проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста 16 лет, либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающим в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего 16-летнего возраста, педагог или психолог приглашаются по усмотрению следователя (ч. 1 ст. 191 УПК РФ).

Законом установлена продолжительность допроса несовершеннолетнего, в том числе малолетнего, потерпевшего или свидетеля. Так, допрос, очная

ставка, опознание и проверка показаний с участием несовершеннолетнего до 7 лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности — более одного часа; в возрасте от 7 до 14 лет — более одного часа, а в общей сложности — более двух часов, в возрасте старше 14 лет — более двух часов следственных действий, а в общей сложности — более четырех часов в день (ч. 1 ст. 191 УПК РФ).

При подготовке к допросу целесообразно составить план этого следственного действия, особенно это касается допроса малолетних потерпевших и свидетелей.

При составлении плана допроса необходимо тщательно продумать формулировки вопросов: они должны быть понятны и недвусмысленны. Постановка наводящих вопросов запрещена (впрочем, это требование справедливо для любого допроса — ч. 2 ст. 189 УПК РФ).

Необходимо отметить, что опознание, где опознающий — несовершеннолетний, целесообразно проводить в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, т.е. «через стекло» (ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

Очные ставки детей-потерпевших с преступниками следует проводить только в исключительных случаях, предварительно выясняя у них, а также у психологов моральную готовность к данному следственному действию.

В ходе производства допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля обязательно применение видеозаписи. Исключение составляют случаи, если несовершеннолетний либо его законный представитель возражает против этого. Материалы видеозаписи хранятся при уголовном деле. Это требование было введено Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. и отражено в ч. 5 ст. 191 УПК РФ.

Литература

1. *Фоминых А.В.* Особенности расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних // Предварительное следствие. 2013. Вып. 2 (20).
2. *Симонов А.С.* Расследование посягательств на половую неприкосновенность малолетних детей // Следственная практика. 2007. Вып. 173.

ЭЛЬВИРА ГУМЕРОВНА ЮЗИХАНОВА,
 профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и оперативно-технических
 мероприятий органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации
 сотрудников МВД России, доктор юридических наук
 E-mail: uzikhanovaeg@yandex.ru

СЛЕДОВАТЕЛЬ КАК СУБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье следователь рассматривается как субъект профилактики преступлений. Раскрываются задачи и правовые возможности следователя в предотвращении преступлений.

Ключевые слова: следователь, профилактика, уголовное судопроизводство, закон, ответственность.

Annotation. In article the investigator is considered as the subject of prevention of crimes. Tasks and legal opportunities of the investigator in prevention of crimes reveal.

Keywords: inspector, preventive maintenance, criminal legal procedure, law, responsibility.

Понятие «профилактика преступности» может пониматься как в широком, так и в узком смысле. В широком понимании профилактика является синонимом предупреждения. В узком же смысле слова профилактикой считаются меры, направленные на выявление и ликвидацию причин и условий конкретных преступных деяний, а также на установление лиц, потенциально способных совершить преступление, с целью осуществления направленного предупредительного воздействия. Такая деятельность является одним из этапов комплексного предупреждения преступности.

Деятельность по предупреждению преступности осуществляется путем воздействия на:

- причины и условия преступлений, связанные с обществом в целом и конкретными гражданами, не являющимися преступниками (потенциальные жертвы преступлений). Необходимо воздействие на такие общие для всех видов преступлений криминогенные факторы, как безработица, нелегальная миграция и т.д. Как отдельный вид предупредительной деятельности может рассматриваться виктимологическая профилактика преступлений, направленная на коррекцию поведения потенциальных жертв;
- процессы самодетерминации и самовоспроизводства преступности и на отдельных преступников. Необходимо специальное предупредительное воздействие, ориентированное на наиболее опасные виды преступности, такие как организованная преступность;
- отдельные причины в результате столкновений общества и преступности в процессе контролирующей и правоохранительной деятельности.

Предупреждение преступности может быть как отдельным направлением деятельности государственного или общественного органа или конкретного

лица, так и выступать побочным результатом его действий. В соответствии с этим можно выделить специализированные и неспециализированные субъекты предупреждения преступности.

В деятельности специализированных субъектов предупреждение преступности является основным или одним из основных направлений. К числу таких субъектов традиционно относятся правоохранительные органы: суд, прокуратура, полиция, службы государственной безопасности, таможни и т.д.

В системе предупреждения преступлений следователи занимают особое самостоятельное место. Они осуществляют предварительное расследование преступлений. Однако в их задачу входят также выявление и принятие мер к устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений. Эта задача решается с помощью уголовно-процессуальных средств. В соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ одной из задач уголовного законодательства является предупреждение преступлений, в связи с чем, ч. 2 ст. 73 и ч. 2 ст. 158 УПК РФ на следователя, расследующего уголовные дела, возложена обязанность не только собирать доказательства преступления, но и выявлять причины и условия, способствовавшие его совершению, и принимать меры к их устранению.

При этом следователь руководствуется рекомендациями криминологии, раскрывающими понятие причин и условий совершения преступлений.

Одной из основных задач Следственного комитета Российской Федерации, несмотря на то, что в настоящее время он не входит ни в структуру какого-либо органа государственной власти, ни в какую-либо из ветвей государственной власти, является организация и осуществление в пределах своих полномочий выявления обстоятельств, способствующих со-

вершению преступлений, принятие мер по устранению таких обстоятельств [1].

Выводы следователя о причинах и условиях преступления должны основываться на достоверных, т.е. проверенных процессуальными средствами данных об обстоятельствах, приведших к совершению деяния, запрещенного уголовным законом. Основной формой профилактической работы в этом направлении является внесение следователем представлений об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступлений. Выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и принятие мер к их устранению призваны создать условия для предупреждения новых преступлений, которые могут быть совершены другими лицами.

В представлениях следователя необходимо раскрывать причинную связь между обстоятельствами преступления и действиями виновных и на этой основе вносить предложения, реализация которых приведет к нейтрализации выявленных по делу причин и условий совершения преступления [2].

Представление являет собой процессуальный документ, содержащий выводы следователя об установлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления и иным нарушениям закона, адресованный руководителю соответствующей организации или соответствующему должностному лицу с предложением принять меры по устранению этих обстоятельств. Внесение представления не является свидетельством окончания следователем расследования уголовного дела и профилактической деятельности, так как сам факт внесения представления является юридическим основанием для осуществления профилактической деятельности соответствующей организацией или должностным лицом.

Законом предусмотрена обязанность соответствующего должностного лица организации рассмотреть поступившее от следователя представление и в течение месяца письменно сообщить о принятых мерах по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Ответственность за умышленное невыполнение законных требований следователя установлена ст. 17.7 КоАП РФ, предусматривающей наложение административного штрафа на граждан в размере от 1 тыс. руб. до 1500 руб., а на должностных лиц — от 2 до 3 тыс. руб. При этом невыполнение требований следователя по исполнению представления, вынесенного в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ, выражается в непринятии должностным лицом мер по устранению

обстоятельств, обусловивших совершение преступления, а также в непредставлении уведомления о принятых мерах [3].

Таким образом, следователи — особо уполномоченные государством должностные лица, которые призваны в соответствии с законом устанавливать событие преступления, заниматься розыском и изобличением виновного (виновных) в совершении преступления, принимать меры по возмещению причиненного преступлением ущерба, устранению причин и условий совершенного преступления, по предупреждению совершения новых преступных деяний. Для выполнения этого следователи наделены законодательством специальными полномочиями, перечень которых дается в УПК. И если следователем собраны доказательства виновности лица в совершенном преступлении, то он, изложив свои выводы в обвинительном заключении, направляет затем материалы уголовного дела через надзирающего прокурора в суд, который впоследствии окончательно решает вопрос о виновности или невиновности лица в совершении преступления, а также о назначении виновному соответствующей меры наказания. Эффект профилактической деятельности следователя зависит от его оперативности, квалификации, своевременно и качественно провидимых следственных действий. Возможность реализации задач по выявлению причин и условий совершенного преступления у следователя возникает при непосредственном контакте с правонарушителем, так как именно следователь в отличие от других участников уголовного судопроизводства находится в процессуальной близости. От результата изучения личности правонарушителя зависит и избираемая мера пресечения, как одна из профилактических мер, направленных на обеспечение контроля за поведением правонарушителя и предупреждения возможности совершения им новых преступлений.

Только при добросовестном выполнении следователем своих задач суд сможет правильно разобраться в существе совершенного преступления, определить виновность или невиновность подсудимого и на этой основе избрать справедливую меру наказания.

Литература

1. ФЗ РФ от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации».
2. URL://http://www.adhdportal.com/book_3855_chapter_28_2_Sistema_i_subekty_preduprezhdenija_prestuplenij.html
3. URL://<http://www.adygheya.sledcom.ru/news/detail.php?news=9285>

ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Анализ практики работы правоохранительных органов позволяет сделать вывод, что новелла уголовно-процессуального законодательства в части назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела является прогрессивной, однако используется недостаточно активно. Автор продемонстрировал позитивные возможности назначения судебно-медицинской экспертизы трупа до возбуждения уголовного дела, обозначил существующие организационные и процессуальные проблемы назначения иных судебных экспертиз.

Ключевые слова: использование специальных знаний в расследовании преступлений, судебная экспертиза, предварительные исследования, возбуждение уголовного дела.

Annotation. The analysis of the practices of law enforcement agencies and concluded that the story of criminal procedure legislation of the destination forensics before the criminal case is a progressive, but not actively used. The author demonstrated positive opportunities purpose forensic corpse before the criminal case, outlined existing organizational and procedural problems purpose other forensic examinations.

Keywords: use of expertise in criminal investigation, forensics, preliminary investigations and the prosecution.

В криминалистической литературе конца XX — начала XXI в. длительное время велась дискуссия о возможности назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела. Несмотря на имевшиеся ранее возражения ряда специалистов в области уголовного процесса, данная норма была введена Федеральным законом Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ.

Часть 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) предусматривает возможность при проверке сообщения о преступлении дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок. Одновременно данная норма сохраняет ранее действовавшее право требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов.

Несмотря на появление у лица, проводящего проверку сообщения о преступлении, права назначения и производства судебной экспертизы, сохрани-

лась возможность использования специальных знаний в виде предварительных исследований, по сути носящих непроцессуальный характер.

Поскольку внесенные изменения не затронули ч. 3 ст. 80 УПК РФ, в которой говорится о том, что заключение специалиста — это представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами (а стороны появляются с момента возбуждения уголовного дела), то использование предварительных исследований как заключения специалиста в рамках проверки сообщения о преступлении невозможно.

Таким образом, на наш взгляд, целью законодателя было использование специальных знаний в виде судебной экспертизы взамен «двойной» работы — предварительных исследований в рамках до следственной проверки и назначения и производства судебной экспертизы по тем же объектам, с теми же вопросами, зачастую теми же специалистами (экспертами). Аналогичного мнения придерживаются Д.Г. Шашин и В.В. Коршунов, полагающие, что нет смысла проводить «непроцессуальное» исследование, когда имеется возможность назначить экспер-

тизу — это уменьшает нагрузку на экспертные учреждения, так как нет необходимости дважды проводить одну и ту же работу¹.

В целях определения эффективности введения данной нормы был проведен анализ учетных данных отдела криминалистики следственного управления Следственного комитета России по Удмуртской Республике (далее — Следственного управления), Экспертно-криминалистического центра Министерства внутренних дел по Удмуртской Республике (далее — ЭКЦ) и бюро судебно-медицинской экспертизы министерства здравоохранения Удмуртской Республики (далее — БСМЭ) за 2013 г., в сравнении с 2012 г., и 1 квартал 2014 г., в сравнении с аналогичным периодом 2013 г.

По данным ЭКЦ судебные экспертизы стали назначаться до возбуждения уголовного дела непосредственно после вступления в силу указанного федерального закона — с конца марта 2013 г. Всего в 2013 г. до возбуждения уголовного дела было проведено 638 судебных экспертиз, что составило 3,2% от общего числа проведенных. При этом количество предварительных исследований практически осталось на уровне 2012 г. (-0,7%) и составило 13 753, а число выполненных экспертиз возросло незначительно — с 19 407 до 19 995 (+3%).

В 1 квартале текущего года ситуация изменилась: количество проведенных исследований сократилось (на 414 или -12,4%), в том числе за счет 239 экспертиз (5,4% от общего числа экспертиз), проведенных до возбуждения уголовного дела, при снижении (-7,8%) общего числа выполненных экспертиз.

По видам проведенных судебных экспертиз за 2013 г. и 1 квартал 2014 г. можно выделить следующие тенденции. До возбуждения уголовного дела в 2013 г. максимальный удельный вес в общем числе экспертиз данного вида у товароведческих (31,5%) и баллистических (28,4%). За первый квартал текущего года данная тенденция сократилась более чем в два раза: у товароведческих экспертиз — 15,7%, баллистических — 10,1%.

Таким образом, низкие число и удельный вес технико-криминалистических (6,3%), баллистических (10,1%) судебных экспертиз и экспертиз наркотических средств (3,2%), проведенных в 1 квартале 2014 г. в общем числе экспертиз соответствующего вида, свидетельствует о том, что практика органов внутренних дел недостаточно активно использует рассматриваемую новеллу уголовно-процессуального законодательства.

По данным БСМЭ, в 2013 г. проведено 89 судебно-медицинских экспертиз после проведения исследований трупов, а в 1 квартале 2014 г. — 35. Деятельность по использованию специальных знаний в области судебной медицины можно признать более эффективной, поскольку судебно-медицинские экспертизы, в первую очередь, назначены в случаях, когда в ходе судебно-медицинского исследования трупа обнаруживаются телесные повреждения, о чем судебные медики незамедлительно сообщают лицу, назначившему исследование. Дальнейшая работа судебного медика осуществляется уже в рамках вынесенного следователем постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы трупа.

Такое налаженное взаимодействие сокращает сроки возбуждения уголовных дел и оптимизирует работу судебных медиков, и соответственно, повышает объем разрешаемых вопросов, в части производства судебной экспертизы путем непосредственного исследования трупа, а не акта его исследования.

Так, судебно-медицинским экспертом БСМЭ 15 апреля 2013 г. на основании направления участкового уполномоченного полиции отдела полиции № 5 Управления МВД по г. Ижевску от 14 апреля 2013 г., в котором значилось, что гр-н Т. упал в состоянии алкогольного опьянения, и содержалось четыре вопроса, начато исследование трупа гр-на Т. В ходе исследования установлено, что его смерть наступила вследствие закрытой черепно-мозговой травмы, образовавшейся не менее чем от четырех ударных воздействий тупым твердым предметом, этиловый спирт в крови не обнаружен. Данная информация доведена до следователя следственного отдела по Первомайскому району г. Ижевска СУ СК России по Удмуртской Республике, которым 14 апреля 2014 г. возбуждено уголовное дело № 12/263, 15 апреля 2013 г. вынесено постановление о назначении судебной экспертизы, содержащее девять вопросов. Таким образом, налаженное взаимодействие между судебным медиком и следователем позволило в течение суток выявить признаки состава преступления и, соответственно, раскрыть данное преступление по «горячим следам», закончив предварительное следствие в срок до 1,5 месяцев.

В то же время в ходе изучения материалов БСМЭ выявлен факт ненадлежащего взаимодействия со-

¹ Шашин Д.Г., Коршунов А.В. Некоторые проблемные аспекты производства проверки сообщений о преступлениях // Эксперт-криминалист. 2014. № 1. С. 17.

трудников полиции, следователей и судебных медиков, повлекший несвоевременное возбуждение уголовного дела и проведение судебной экспертизы не по исследованию трупа, а по медицинским документам и акту его предварительного исследования.

Так, судебно-медицинским экспертом БСМЭ в период с 24 апреля 2013 г. по 5 июня 2013 г. на основании направления дознавателя отдела полиции № 5 Управления МВД по г. Ижевску от 14 апреля 2013 г., в котором значилось, что обстоятельства причинения телесных повреждений гр-ки Р., поступившей 15 апреля 2013 г. из Шарканской ЦРБ в ГКБ № 7 г. Ижевска и умершей 24 апреля 2013 г., не установлены, проведено исследование трупа гр-ки Р. В ходе исследования установлено, что ее смерть наступила вследствие закрытой черепно-мозговой травмы, образовавшейся не менее чем от трех ударных воздействий тупых твердых предметов. Несмотря на регистрацию рапорта следователя Воткинского межрайонного следственного отдела СУ СК России по Удмуртской Республике по факту смерти гр-ки Р. 6 мая 2013 г., уголовное дело № 14/208 было возбуждено 6 июня 2013 г., а судебная экспертиза назначена 7 июля 2013 г., т.е. только после получения акта судебно-медицинского исследования трупа. В то же время, поскольку к данному времени был допрошен в качестве подозреваемого гр-н С., то следователем был поставлен вопрос: могли ли повреждения на теле образоваться при обстоятельствах, указанных в протоколе допроса гр-на С.

Данный пример иллюстрирует, что назначение судебно-медицинской экспертизы трупа после возбуждения уголовного дела и допроса подозреваемых (обвиняемых), а также свидетелей может решать дополнительный вопрос о соответствиях их показаний обстоятельствам причинения телесных повреждений. В случае назначения и производства экспертизы до возбуждения уголовного дела для разрешения данного вопроса приходится назначать дополнительную судебную экспертизу.

Обратная ситуация сложилась в практике проведения судебных налоговых и экономических экспертиз Следственного управления, сотрудниками которых с момента введения рассматриваемой нормы уголовно-процессуального закона проведена лишь одна экспертиза до возбуждения уголовного дела.

Одна из причин сложившейся ситуации — предусмотренная Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ опасность назначения повторной судебной экспертизы: если после

возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению. В данном случае, во-первых, затягиваются сроки предварительного расследования на срок производства повторной экспертизы; во-вторых, осложняется ее проведение, поскольку она может быть назначена только другому эксперту, как правило, в другой город (район), а иногда и в другой регион; в-третьих, увеличивает расходы органов следствия и дознания в случае возможности ее проведения только на платной основе.

С учетом указанных проблем введение данной нормы представляется не вполне целесообразным. При этом в ч. 2 ст. 207 УПК РФ соответствующее основание для назначения повторной экспертизы отсутствует. Более оптимальным, на наш взгляд, было бы внести следующие изменения: во-первых, в случае производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела предусмотреть возможность обязательного удовлетворения ходатайства стороны защиты о назначении не повторной, а дополнительной судебной экспертизы. При этом такая возможность должна быть предоставлена не на этапе ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ, а в момент их ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы (ч. 3 ст. 195 УПК РФ) либо с заключением эксперта (ч. 1 ст. 206 УПК РФ).

На наш взгляд, указанные предложения могли бы повысить практику назначения и производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела.

Таким образом, введенная в марте 2013 г. возможность назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела наиболее эффективно применяется при использовании специальных знаний в области судебной медицины; производство криминалистических экспертиз недостаточно активно внедряется в практику органов внутренних дел; назначение и производство налоговых и экономических экспертиз не используется в практике Следственного комитета России, в том числе в связи с возможными осложнениями, предусмотренными введенной параллельно нормой уголовно-процессуального закона.

Выявление причин сложившейся ситуации, а также разработка криминалистических рекомендаций по их устранению будут служить предметом нашего дальнейшего исследования.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В современных условиях борьбы с преступностью использование компьютерных технологий правоохранительными органами приобретает важное значение. В целях совершенствования этого процесса с позиций системно-деятельностного подхода необходимо решить ряд теоретико-прикладных проблем, в том числе и те, которые связаны с определением основных направлений использования компьютерных технологий в уголовном процессе и криминалистической деятельности. Их решению и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: компьютерные технологии, электронные доказательства, электронные носители, компьютерная информация.

Annotation. In modern conditions of fight against crime use of computer technologies by law enforcement agencies gets importance. For improvement of this process from positions of system and activity approach it is necessary to solve a number of teoretiko-applied problems, including what are connected with definition of the main directions of use of computer technologies in criminal trial and criminalistic activity. The present article is also devoted to their decision.

Keywords: computer technologies, electronic proofs, electronic media, computer information.

На современном этапе развития науки и техники в сложных условиях борьбы с преступностью компьютеризация деятельности правоохранительных органов приобретает исключительно важное значение. В настоящее время невозможно представить криминалистическую аппаратуру без средств электронно-вычислительной техники и соответствующего программного обеспечения: криминалистическую фотографию — без средств цифровой фотографии (цифровых фото- и видеокамер, видеоматриц, мониторов, сканеров, программ обработки цифровых фото- и видеоизображений)¹; криминалистическое документоведение — без компьютерных средств обработки и исследования документов (ЭВМ, текстовых редакторов, принтеров, электронных оптических преобразователей и детекторов защитных реквизитов документов)²; криминалистическую габитоскопию — без компьютерных средств создания субъективных портретов (программ для ЭВМ «Субъективный портрет», «Фоторобот» и т.п.)³; дактилоскопию — без средств автоматизированной обработки и идентификации

следов пальцев рук (ЭВМ, сканеров для бесцветного дактилоскопирования, автоматизированных дактилоскопических информационных систем (АДИС) «Папилон»⁴, «Сонда-Плюс» и «Дактоэксперт»)⁵; криминалистическое оружиеведение — без компьютерных

¹ Дмитриев Е.Н. Проблемы применения цифровой фотографии при расследовании уголовных дел: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Сафонов А.А. Компьютерные технологии в криминалистической фотографии: теоретические и прикладные вопросы: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.

² Шведова Н.Н. Применение компьютерных технологий в технико-криминалистических исследованиях документов: Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999; Гортинский А.В. Теоретические и методические основы криминалистической диагностики и идентификации компьютерных печатающих устройств матричного типа: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000; Шашкин С.Б. Теоретические и методические основы криминалистической экспертизы документов, выполненных с использованием средств полиграфической и организационной техники: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2003.

³ Создание субъективного портрета с помощью компьютера. Екатеринбург, 1998.

⁴ URL://http://www.papillon.ru/rus/16/

⁵ Федорович В.Ю. Организационные и научно-технические основы использования автоматизированных идентификационных систем в раскрытии и расследовании преступлений: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

средств исследования и идентификации следов выстрела на гильзах и пулях (ЭВМ, цифровых фотокамер и специальных видеонасадок на окуляры микроскопов МСК и МБС, электронных микроскопов, автоматизированной баллистической идентификационной системы (АБИС) «Арсенал»⁶); криминалистической регистрации — без автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС)⁷.

Известно, что решение задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в современных условиях обуславливает высокие требования к мыслительной деятельности лиц, участвующих в этих процессах, которая, в свою очередь, требует от них соответствующей квалификации, большого профессионального опыта, глубоких знаний из самых разных отраслей науки. Этому будет способствовать активное использование перспективных компьютерных технологий и, в частности, информационных систем, объединенных в компьютерные сети, являющихся в настоящее время информационно-технологической базой для обеспечения деятельности по борьбе с преступностью.

Все активнее внедряются автоматизированные рабочие места (АРМ) эксперта-криминалиста, оперативного работника, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и судьи, а также мобильные компьютеризованные комплексы для работы в «полевых» условиях⁸. Это объективный процесс, поскольку «по мере возрастания уровня технической оснащенности органов дознания и следствия, — писал Р.С. Белкин, — расширяется ассортимент технико-криминалистических средств, входящих в соответствующие наборы общего назначения»⁹.

Как отмечает К.В. Бугаев, специализированные компьютерные программы, базы данных и подобные им технические средства обладают всей присущей криминалистической технике специфичностью, поскольку они специально выполнены и используются для целей обработки и анализа криминалистически значимой информации¹⁰. Электронно-цифровые устройства позволяют обрабатывать любые по своей физической природе информативные сигналы. Таким образом, в ближайшее время компьютерные технологии сменят множественные технические средства, предназначенные для фиксации и обработки криминалистически значимой информации, находящейся в строго определенной физической форме. Напротив, компьютер с соответствующим программным обеспечением и периферийным

оборудованием позволяет его пользователю фиксировать и обрабатывать информацию, объективно находящуюся в различных физических формах. Помимо этого, с его помощью в кратчайшие сроки можно получать, удостоверить, обрабатывать, защищать и передавать на любые расстояния документы, в которых отражена криминалистически значимая информация. Поэтому, по мнению зарубежных исследователей, «...эти технологии несут в себе достаточный потенциал для использования их в криминалистической деятельности»¹¹.

«Акцентируя внимание на проблеме ЭВМ как средства криминалистической техники, — отмечает В.А. Вольтинский, — мы исходим из понимания его исключительного значения, во-первых, в целом для практики раскрытия и расследования преступлений. Во-вторых, освоение возможностей ЭВМ криминалистикой неизбежно влечет за собой насущную необходимость соответствующего совершенствования традиционных методов и средств криминалистической техники. ЭВМ предъявляет принципиально иные требования к содержанию и качеству обрабатываемой с ее помощью информации. В-третьих, освоение криминалистикой ЭВМ и основанных на их применении информационных технологий сопряжено с необходимостью решения ряда не только методических, но и организационных и даже правовых проблем»¹². Так, при всей емкости действующих норм доказательственного права, их соответствии

⁶ URL://http://www.papillon.ru/rus/53/

⁷ Криворотов А.Н. Теоретические аспекты и практика применения компьютерных технологий в криминалистических учениях: Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003; Бобров С.Н. Использование автоматизированных информационно-поисковых систем в борьбе с преступными посягательствами на грузы: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1996.

⁸ Родин А.Ф. Компьютерные технологии в деятельности следователя: Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002; Захарин С.И. Информационное обеспечение расследования и деятельности по установлению разыскиваемых лиц, предметов и орудий преступления с помощью компьютерных технологий: Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003; Яковенко И.Н. Современное состояние и перспективы использования информационных технологий в раскрытии и расследовании преступлений: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.

⁹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М., 1988. С. 38.

¹⁰ Бугаев К.В. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: Дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 15, 16.

¹¹ Бирюков В.В. Научные и практические основы использования компьютерных технологий для фиксации криминалистически значимой информации: Моногр. / Науч. ред. канд. юрид. наук, доц. И.В. Попов. Луганск, 2002. С. 120.

¹² Вольтинский В.А. Криминалистическая техника: наука — техника — общество — человек. М., 2000. С. 34, 35.

общественным потребностям за счет заложенного в них «запаса прочности», с одной стороны, и гибкости судебной практики — с другой, происшедшие под влиянием научно-технического прогресса изменения настолько велики, что обуславливают дальнейшее развитие процессуального законодательства по следующим направлениям:

- расширение пределов допустимости доказательств и появление новых источников фактических данных;
- расширение перечня традиционных следственных действий, разработка дополнительных гарантий соблюдения законности при их производстве;
- использование компьютерных систем при принятии процессуально значимых решений¹³.

Анализ юридической литературы, материалов следственной и судебной практики свидетельствует о том, что все чаще по уголовным делам стали использоваться электронные доказательства¹⁴.

Согласно ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в определенном УПК РФ порядке устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Известно, что данные сведения могут быть зафиксированы на любом материальном носителе как человеком — являться продуктом (отражением) мысленной деятельности конкретного лица, так и автоматом (без участия человека по установленному алгоритму) — быть результатом (отражением) работы компьютерной программы¹⁵. При этом в обоих из указанных случаев рассматриваемые сведения могут быть представлены в электронной форме в виде электронного сообщения¹⁶, электронного документа¹⁷, базы данных¹⁸, компьютерной программы¹⁹, сайта в Интернете²⁰, страницы сайта в Интернете (интернет-страницы)²¹.

Следует отметить, что в последнее время законодатель стал уделять повышенное внимание электронным доказательствам, в том числе особенностям работы с ними. Например, ФЗ от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ были внесены следующие изменения в УПК РФ.

В ч. 4 ст. 81 была введена норма, предусматривающая возврат электронных носителей информации и документов, изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами, лицам, у которых они были изъяты.

Статья 82 дополнена положениями, регламентирующими порядок хранения этих доказательств, возврата их законному владельцу после осмотра и производства других необходимых следственных действий, а также копирования²². Как следует из п. 5, электронные носители информации:

а) хранятся в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность ознакомления посторонних лиц с содержащейся на них информацией и обеспечивающих их сохранность и сохранность указанной информации;

б) возвращаются их законному владельцу после осмотра и производства других необходимых следственных действий, если это возможно без ущерба для доказывания.

После производства неотложных следственных действий в случае невозможности возврата изъятых в ходе производства следственных действий электронных носителей информации их законному владельцу содержащаяся на этих носителях информация может быть скопирована по ходатайству их законного вла-

¹³ Пашин С.А. Применение электронно-вычислительной техники и доказательственное право. Право и информатика / Под ред. Е. А. Суханова. М., 1990. С. 73.

¹⁴ Вехов В.Б. Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2013. № 10. С. 22—24; Его же. Электронные доказательства: новеллы уголовно-процессуального законодательства // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: Мат-лы Международ. науч.-практ. конф. (26 октября 2012 г.). М., 2012. С. 89—94.

¹⁵ К ним относятся документы, созданные следующими автоматическими регистрирующими устройствами и системами: бортовым самописцем транспортного средства; видеорегистратором (автотранспортного средства, банкомата, автоматизированной системы); системой учета соединений абонентов в сети Интернет или иного вида электросвязи; системой контроля и мониторинга окружающей среды и т.п.

¹⁶ Пункт 10 ст. 2 ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

¹⁷ Пункт 11.1 ст. 2 ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

¹⁸ Пункт 2 ст. 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации (ч. 4).

¹⁹ Статья 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации (ч. 4).

²⁰ Пункт 13 ст. 2 ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

²¹ Пункт 14 ст. 2 ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

²² Копированию подвергается компьютерная информация, под которой, согласно прим. 1 к ст. 272 УК РФ, понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

дельца. Ее копирование осуществляется с участием законного владельца изъятых электронных носителей информации и (или) его представителя и специалиста в присутствии понятых в подразделении органа предварительного расследования или в суде на другие электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изъятых электронных носителей информации. При копировании информации должны обеспечиваться условия, исключающие возможность ее утраты или изменения. Не допускается копирование информации, если это может воспрепятствовать расследованию преступления. Электронные носители информации, содержащие скопированную информацию, передаются законному владельцу изъятых электронных носителей информации. Об осуществлении копирования информации и о передаче электронных носителей информации, содержащих скопированную информацию, законному владельцу изъятых электронных носителей информации составляется протокол в соответствии с требованиями ст. 166 УПК РФ (ч. 2.1 ст. 82 УПК РФ). Одним из требований является необходимость прилагать электронные носители информации, полученной или скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия, к протоколу следственного действия (ч. 8 ст. 166 УПК РФ).

Обратим внимание, что при производстве обыска электронные носители информации изымаются исключительно с участием специалиста (ч. 9.1 ст. 182 УПК РФ), в отсутствие которого производство данного следственного действия невозможно. При этом копирование информации не допускается в следующих случаях:

- 1) когда это может воспрепятствовать расследованию преступления;
- 2) специалистом сделано заявление, подлежащее обязательному занесению в протокол рассматриваемого следственного действия, о том, что копирование может повлечь за собой утрату или изменение информации, имеющей доказательственное значение.

Об осуществлении копирования информации и о передаче электронных носителей ее содержащих законному владельцу изымаемых электронных носителей информации в протоколе обыска делается соответствующая запись.

Аналогичны процессуальные требования и к производству выемки (ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ).

Продолжая исследование выделенной проблематики, нельзя не упомянуть о том, что схожий порядок работы с информацией, находящейся на электронных носителях и имеющей доказательственное значение, имеет место при производстве отдельных оперативно-розыскных мероприятий. Например, в ходе проведения сотрудниками органов внутренних дел такого гласного оперативно-розыскного мероприятия, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, перед изъятием информации названного вида сотрудник полиции обязан предоставить лицу, у которого она изымается, возможность изготовить ее копию. При этом должны быть приняты меры к недопущению уничтожения информации, находящейся на изымаемых электронных носителях²³.

В завершении исследования, проведенного в рамках настоящей работы, выделим следующие перспективные направления использования компьютерных технологий в криминалистической деятельности и уголовном процессе:

- применение универсальных (общедоступных) и специальных программных средств и компьютерных устройств как средств криминалистической техники;
- использование автоматизированных информационных систем в борьбе с преступностью;
- использование компьютерных сетей в борьбе с преступностью;
- использование компьютерных технологий для обучения сотрудников правоохранительных органов;
- использование компьютерной информации, в том числе электронных документов и сообщений, как доказательств по уголовным делам;
- использование программно-технических средств для защиты информации, циркулирующей в сфере уголовного судопроизводства, а также документов и чужого имущества от подделки и незаконного использования.

²³ Пункт 11 Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (утв. приказом МВД России от 30 марта 2010 г. № 249).

ОРГАНИЗАЦИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, СОСТОЯНИЕ, МЕРЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. Организация расследования преступлений определяется как система взаимодействующих частей, в частности, процессуальной, оперативно-розыскной, технико-криминалистической и судебно-экспертной видов деятельности.

Ключевые слова: организация, деятельность, взаимодействие, УПК, министерства и ведомства.

Annotation. Organization investigation of crimes defined as a system of interacting parts, in particular, procedural, operational-investigative, technical and criminalistics and forensic activities.

Keywords: organization, activities, interaction, Criminal procedure code, ministries and agencies.

Организация — это..? Прежде чем о чем-то рассуждать, утверждали философы еще в древности, необходимо договориться о терминах и понятиях. В специальной литературе по криминалистике и уголовному процессу до сих пор остро дискуссионными остаются вопросы о понятии и содержании организации раскрытия и расследования преступлений, о ее месте в системе этих наук, о возможности и необходимости формирования соответствующего криминалистического учения и др.

Полагаю, что ответы на некоторые из этих вопросов уже даны в научной литературе, где организация представляется как: а) внутренняя упорядоченность, согласованность взаимодействия более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленного его строением; б) совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимодействия между частями целого; в) объединение людей, совместно реализующих некоторую программу или цель и согласованно действующих на основе определенных процедур и правил. При этом не трудно заметить, что во всех приведенных вариантах определений организации ключевым словом является «взаимодействие».

Понятие «организация» употребляется в общем контексте с понятиями «структура», «система». Пер-

вое (организация) динамично, приспособляемо к условиям среды; вторые статичны и характеризуются наличием ряда соподчиненных условий. Следовательно, не только части, но и способы их организации, их состояние предопределяют свойства целого.

Естественно, возникает вопрос, что представляют собой «дифференцированные и автономные части» организации раскрытия и расследования преступлений и осуществляемые в их рамках «процессы и действия»? Ответ на этот вопрос дает исторически сложившаяся практика использования в этих целях возможностей оперативно-розыскных аппаратов, судебно-экспертных учреждений и экспертно-криминалистических подразделений. Иначе говоря, организация раскрытия и расследования преступлений как целое включает в себя такие «части», как организация процессуальной деятельности, организация оперативно-розыскной деятельности, организация судебно-экспертной деятельности, организация технико-криминалистической деятельности.

Все эти виды деятельности чрезвычайно сложны и специфичны по своему содержанию, решаемым задачам, реализуемым при этом методам и средствам. Они характеризуются иерархической системой управления, обусловливаемой многоуровневой системой организации соответствующих аппаратов, учреждений и подразделений. Возможно поэтому предпринимаемые в криминалистике попытки сформу-

лизовать учение об организации расследования преступлений пока не отличаются убедительным результатом.

Кратко из истории. Раскрытие и расследование преступлений — одно из важнейших направлений борьбы с преступностью, во многом определяющих ее содержание и результативность. Организация связанной с этим деятельности правоохранительных органов всегда была и остается предметом особого внимания наук уголовно-правового цикла, а прежде всего, уголовного процесса и криминалистики. О важности «организационного построения» всего процесса расследования писали еще родоначальники этих отраслей научного знания как в нашей стране (Я. Баршев, В.Д. Спасович, А.А. Квачевский, В.И. Лебедев, В.И. Громов, И.Н. Якимов и др.), так и в зарубежных странах (Г. Гросс, Э. Локкард, А. Бертильон и др.).

Впрочем, строго говоря, и криминалистика и уголовный процесс в значительной их части — науки об организации раскрытия и расследования преступлений. Важнейшим элементом предмета их исследования является организационное обеспечение подготовки и проведения следственных действий, тактических операций и комбинаций, применения при этом научно-технических методов и средств; организация взаимодействия следователя с другими субъектами раскрытия и расследования преступлений, розыска преступника; наконец, организация всего процесса расследования преступлений, начиная от планирования.

В последней трети прошлого века ученые-криминалисты обратились к проблемам научной организации труда следователя, появились исследования проблем организации деятельности следственных органов, в которых, естественно, использовались положения науки управления (Г.Г. Зуйков, Н.И. Кулагин, В.В. Степанов, Е.П. Ищенко, В.Д. Зеленский, А.Г. Филиппов и др.). Результаты таких исследований побуждали ученых-криминалистов посмотреть на проблему организации расследования преступлений не только в организационно-тактическом аспекте, в порядке работы по уголовному делу следственных органов и взаимодействующих с ними иных субъектов этой деятельности, но и в стратегическом, начиная от взаимодействия правоохранительных министерств и ведомств между собой и с законодательными органами.

Вместе с тем в конце XX в. положение в стране осложнилось в связи с известными историческими

событиями. Распад Советского Союза и начало по существу стихийного реформаторского перехода от плановой экономики к рыночной, закономерно связанного с первоначальным накоплением капитала, предопределили социально-взрывной разгул преступности, дезориентацию и деморализацию всего нашего общества, в том числе системы правоохранительных органов и судопроизводства.

Анализируя «лихие 90-е», многие ученые-социологи, криминологи, политологи рассматривают происходившие в то время процессы как объективно предопределенные, фатально неизбежные. Хотя последующие события, определяющие вектор развития нашей страны, и опыт некоторых зарубежных стран свидетельствуют, что были и альтернативные варианты решения возникших в то время социально-экономических проблем, в том числе контроля над преступностью, если не борьбы с ней, в тех условиях. Представляется, что определяющую и, мягко говоря, своеобразную роль сыграли в то время многочисленные зарубежные советники, прежде всего из США, т.е. внуки и правнуки тех, кто более ста лет назад формировал систему государственного правления и основы той свободы и демократии, которую эта страна пытается навязать сегодня всему миру.

Уместно, полагаю, в этой связи привести здесь строки из мемуаров суперинтенданта полиции Нью-Йорка Д. Уоллинга, изданных в 1887 г.: «Я слишком хорошо знаю, — писал он тогда, — силу столь распространенного у нас союза политиков и полицейских... Город Нью-Йорк практически находится во власти двадцати тысяч «держателей должностей», большинство которых получено благодаря самым злонамеренным элементам и контролируется ими же». В этой власти, продолжает Д. Уоллинг, нет настоящих джентльменов, честных коммерсантов, известных журналистов, ученых. «Зато здесь можно увидеть жестокие лица тех, кто с помощью насилия без зазрения совести стремится к достижению своих личных целей... Наши прокуроры, юристы, полицейские в основной своей массе выдвигаются и назначаются этими элементами, обезвреживать и наказывать которых им положено по долгу службы... Политики приказывают освобождать преступников, признанных виновными...». «По существу, — заключает автор мемуаров, — это означает только одно — американский идеал свободы — это свобода политического, экономического и уголовного гангстеризма»¹.

¹ Торвальд Ю. «Век криминалистики». М., 1990. С. 96, 97.

К чему стремились и что имеем. Воспитанные на идеалах такой свободы советники российских реформаторов и не могли предложить ничего другого как возведенную в абсолют вседозволенность. Естественно, что, наряду с некоторыми положительными моментами, это самым отрицательным образом сказалось на реформе нашего уголовного судопроизводства, на организации и правовом обеспечении деятельности правоохранительных органов нашей страны, в том числе на таком ключевом направлении борьбы с преступностью, как раскрытие и расследование преступлений.

Рамки данной статьи не позволяют прокомментировать все изъяны и пороки сложившихся к настоящему времени правового регулирования и организации осуществляемой в этом направлении деятельности. Обозначим по этой причине лишь некоторые, принципиально важные факты, которые убеждают не только в том, что на раннем этапе реформы нашего уголовного судопроизводства и системы правоохранительных органов были допущены ошибки (а кто от них застрахован?), но и в том, что настало время, когда ошибки необходимо исправлять.

Факт первый. Сегодня его не замечают или не желают замечать, пожалуй, только авторы проекта действующего УПК РФ (амбиции не позволяют?), представители адвокатского сообщества, прежде всего, его лобби в Государственной Думе, и те, кто на личном опыте повседневно убеждается, что в мутной водичке легче рыбка ловится. Между тем, еще до принятия этого закона (мне приходилось участвовать в обсуждении его проекта) обращалось внимание на отсутствие в его основе самого главного — осмысленной и четко определенной с точки зрения интересов общества, государства и законопослушных граждан концепции. Фактически в этом законе совмещено несовместимое. В его основе УПК РСФСР, разработанный и действовавший в совершенно иных социально-экономических и политических условиях, и положения принципиально различных англо-саксонской и континентальной правовых уголовно-процессуальных систем. При этом из последних в УПК РФ как благие пожелания позаимствованы принципы уголовного процесса, направленные на либерализацию и демократизацию, но оставлены без внимания те формы, методы и средства раскрытия и расследования преступлений, с помощью которых эти принципы успешно реализуются и развиваются, которые соответствуют особенностям «рыночной преступности» и отвечают требованиям практики борьбы с ней. Этим во многом

обусловлена нестабильность нашего УПК, непосредственно и крайне отрицательно влияющая на организацию раскрытия и расследования преступлений, на эффективность деятельности следственных органов.

Факт второй. За 12 лет существования действующего УПК России в целях его совершенствования принято около 150 федеральных законов, которыми (по состоянию на апрель 2014 г.) в него внесено 2664 изменения, дополнения, уточнения. В результате и без того не отличавшийся безупречной логикой и системностью изложения правовых предписаний этот закон стал «лоскутным», по многим положениям противоречивым, что затрудняет их восприятие, не говоря уже о безупречности исполнения.

Особо следует отметить, что в нем серьезно ограничена процессуальная независимость следователя, в чем фактически проявляется недоверие законодателя к нему и к его деятельности. Соответственно, задействован многоуровневый, разноведомственный круг контролирующих и надзирающих органов, что неизбежно связано с генерированием системных коррупционных связей. В таких условиях следователи в их общей массе зачастую оказываются дезориентированными в своих действиях по расследуемым ими делам, испытывают стресс и чувство растерянности, о чем свидетельствуют результаты их опроса. Все это крайне отрицательно сказывается на результатах их деятельности.

Основа основ — само назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) — определяется в отрыве от материального права, в нем даже не упоминаются задачи расследования преступлений. На это упущение творцов нашего УПК обращали внимание эксперты Совета Европы, которые в своем отзыве на его проект (1999 г.) отмечали: «...эта статья преувеличивает добрые намерения авторов проекта. Не может быть никакого сомнения в том, что в первую очередь задачей уголовного процесса является установление факта преступления, розыск подозреваемого и проведение беспристрастного судебного разбирательства с целью установить виновность подсудимого и назначения ему наказания. Утверждение, на первом месте, что задачей уголовного процесса является защита личности, поднимает вопрос, какую личность следует защищать — обвиняемого от органов государства или потерпевшего от преступников?». Однако эти доводы авторами проекта УПК РФ, судя по всему ангажированных идеей демократизации по-американски и желанием «быть святее Папы Римского», оставлены без внимания.

Факт третий. В порядке реформирования правоохранительных органов страны вместо ранее существовавшей по существу их моносистемы (МВД — КГБ) была создана полисистема — известное множество организационно обособленных министерств и ведомств (федеральных служб). Каждое из них стремится продемонстрировать свою необходимость, показать свою исключительность, в конечном итоге, вместо того, чтобы взаимодействовать (напомню, ключевой элемент организации) в общих интересах борьбы с преступностью, между ними проявляется своеобразная конкуренция, крайне отрицательно сказывающаяся на организации раскрытия и расследования преступлений, а, следовательно, и на результативности осуществляемой в этих целях деятельности.

И это в то время, заметим, когда преступность, будучи в основе своей единой, все более наглядно демонстрирует растущий уровень организованности, технической оснащенности, мобильности. Фактом стала интеллектуализация преступной деятельности, особенно в сфере экономики, которая интегрирует в себе все иные виды преступлений, в том числе такие тяжкие, как терроризм, бандитизм, убийства по найму, похищение людей и т.п.

В дискуссии по этому вопросу мне приходилось слышать заявления, что в США (не оттуда ли и этот опыт?) создано и успешно действует полтора десятка организационно обособленных правоохранительных органов и спецслужб. И это верно, но не следует забывать, что там все они в равной мере пользуются правом применять весь арсенал гласных и негласных методов и средств, всю мощь полицейской техники в решении стоящих перед ними задач в части раскрытия и расследования преступлений. Каждая из них все собранные ею доказательства о событии преступления и лице, его совершившем (безотносительно к моменту возбуждения уголовного дела как у нас), представляет в суд, который оценивает их и использует для установления вины такого лица и вынесения приговора.

Искусственное ограничение правоохранительных органов в использовании в раскрытии и расследовании преступлений данных оперативно-розыскной деятельности — особенность УПК РФ, возведенная в абсолют даже по сравнению с УПК РСФСР.

Факт четвертый. Даже откровенные противники оперативно-розыскной деятельности, до сих пор спекулирующие на фактах трагического прошлого нашей страны (хотя уже совершенно другой), признают, что серьезные, хорошо организованные преступления, тем более совершаемые конспиративно дейст-

вующими преступными группами и сообществами, без реализации возможностей этой самой деятельности практически нераскрываемы.

Особенно сложное в этом отношении положение отмечается при раскрытии и расследовании преступлений в сфере экономической деятельности, которые в основе своей длящиеся во времени (иногда до нескольких лет), совершаются под прикрытием законной производственной деятельности, при покровительстве коррумпированных чиновников от власти и использовании услуг находящихся на содержании адвокатов. Сам процесс их расследования, как правило, сопровождается хорошо организованным, активным противодействием (подкуп и запугивание свидетелей, потерпевших, дискредитация следователей и т.п.), выявить и преодолеть которое гласными процессуальными методами и средствами просто невозможно.

Следственный комитет России (СКР), созданный в 2007 г. сначала в структуре Генеральной прокуратуры страны, а вскоре организационно обособившийся от нее, как известно, призван раскрывать и расследовать тяжкие и особо тяжкие преступления, но при этом лишен права непосредственно реализовать возможности оперативно-розыскной деятельности. Кто-то может сказать, что такие проблемы следователи СКР имеют право решать на основе взаимодействия с оперативно-розыскными аппаратами системы МВД и ФСБ России. Однако серьезные научные исследования соответствующей практики убеждают даже оптимистов, что взаимодействие на основе приказов, в порядке порученческих предписаний по существу формально, малорезультативно. В такой форме оно проблемно даже в рамках одного ведомства, а в данном случае речь идет о взаимодействии сотрудников различных ведомств, порой психологически, мотивированно по-разному относящихся друг к другу, к совместной деятельности и к ее конечной цели.

Во взаимодействии во многом определяющем в целом организацию рассматриваемой деятельности, безусловно, важна формальная сторона его осуществления, в том числе и правовая регламентация, но не менее значимы личностные, неформальные отношения его субъектов, в основе которых их прямые контакты, объективно подверженные влиянию социально-психологических факторов.

Судя по всему, это хорошо понимает руководство СКР, которое, прямо скажем, вопреки стыдливым предписаниям УПК РФ (п. 2 ст. 163) о производстве предварительного следствия следственной группой, «к работе которой могут быть привлечены должност-

ные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность», один из первых изданных им приказов посвятило организации постоянно действующих следственно-оперативных групп².

Факт пятый. Не менее проблематично состояние организации раскрытия и расследования преступлений сложилось в части судебно-экспертного и технико-криминалистического обеспечения осуществляемой в указанных целях деятельности. Причем это касается не только СКР и иных вновь созданных правоохранительных ведомств, но и МВД России, обладающего довольно разветвленной относительно многочисленной по штатам (около 15 тыс. человек) системой экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП ОВД), которыми накоплен достойный уважения, весьма поучительный, но далеко не безупречный опыт организации научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Формально воспринимая этот опыт в части организации деятельности ЭКП ОВД, вновь созданные правоохранительные ведомства пытаются создать свои ведомственные экспертно-криминалистические службы по аналогии с ЭКП ОВД, не придавая значения тому, что организация деятельности последних, в основе которой совмещение в одном лице функции судебного эксперта и специалиста-криминалиста, себя изжила. Эта система сформировалась еще в 1920-е гг., но за истекшее время совершенно иными стали криминалистическая техника и решаемые с ее помощью технико-криминалистические и судебно-экспертные задачи.

По существу, под стать этим задачам сегодня есть все основания говорить о наличии двух видов деятельности, в равной мере важных для практики раскрытия и расследования преступлений, но принципиально различающихся: по задачам (собирающие следы преступлений и их исследование); по используемым методам и средствам (поисковые и исследовательские); по месту и условиям их применения (полевые и лабораторные); по профессиональным знаниям и умениям их субъектов (универсальные, в основном криминалистические и узкопредметные из различных отраслей науки); по правовой оценке результатов их применения и т.д.

Различны и формы взаимодействия следователя с судебными экспертами и специалистами. В отличие от первых, выполняющих экспертизу по постановлению следователя, вторые призваны обеспечить технико-криминалистическое сопровождение всего процесса расследования преступления, которое предпо-

лагает оказание помощи следователю не только в поиске и экспресс-исследовании следов, в их проверке по учетам и подготовке на экспертизу, но и в повседневном использовании технических средств выявления и фиксации доказательственной информации, в частности, фотосъемки, аудио- и видеозаписи, компьютерной техники. Без этого иллюзорными остаются идеи «электронного судопроизводства», замены понятых видеозаписью. Наконец, заметим, что еще никто не опроверг изречение К. Маркса: «Уровень развития техники определяет систему производства». В нашем случае организации ее применения.

Совмещение функции эксперта и специалиста-криминалиста в ЭКП ОВД порочно еще и потому, что при этом они не заинтересованы в максимально результативной работе на месте происшествия, поскольку не ориентированы на ее конечный результат, а количество изымаемых с их участием следов предопределяет количество ими же выполняемых экспертиз. По существу, они сами себе «регулируют» нагрузку. Не этим ли объясняется тот факт, что с одного места происшествия, осматриваемого с участием специалистов-криминалистов ЭКП ОВД, изымается в среднем практически один след преступления? В ряде зарубежных стран этот показатель выше в три-четыре раза.

Факт заключительный. Не надо быть экономистом, чтобы понять, что узковедомственный подход к формированию системы ЭКП, тем более по образцу и подобию того, что исторически сложилось в МВД России, довольно расточителен и малоэффективен. Сегодня такое подразделение в любом из правоохранительных ведомств, как и учреждение судебной экспертизы Минюста России, невозможно себе представить без современной приборной базы, весьма разнообразной по своему назначению и, как правило, приобретаемой в зарубежных странах за большие деньги. Например, японский электронный микроскоп стоит больше миллиона долларов, приборный комплекс для ДНК-анализа — около того, не считая стоимости расходного материала и т.д. Рассредоточение такой техники по ведомственным ЭКП, это тоже следует учитывать, неизбежно будет связано с ее малой «загруженностью» и, как следствие, с низкой эффективностью ее использования,

² Приказ СКП РФ от 2 сентября 2008 г. № 79 «О совершенствовании деятельности постоянно действующих следственно-оперативных групп по расследованию преступлений, совершенных в условиях неочевидности».

как и профессиональная подготовка и содержание соответствующих специалистов.

В современных условиях во всех отношениях было бы рационально создать, например на базе ЭКП ОВД, единую государственную систему судебно-экспертных подразделений (ЕГССЭП), общую для всех правоохранительных министерств и ведомств, наряду с существующей в Минюсте и с частными судебно-экспертными учреждениями (что обеспечивало бы конкурентные условия). В отличие от последних, подразделения ЕГССЭП были бы обязаны не только проводить экспертизы и исследования по заданиям правоохранительных органов, но и вести, опять же межведомственную, АИПС криминалистической регистрации, участвовать в осмотрах мест происшествий по тяжким и наиболее тяжким преступлениям, но непременно с привлечением экспертов по специальности, соответствующей особенностям события преступления (а не «фотографа» по графику дежурств). Таким образом, на базе современных информационных технологий будет формироваться системное взаимодействие правоохранительных министерств и ведомств — основа более эффективной организации раскрытия и расследования преступлений.

При этом технико-криминалистическая деятельность должна быть смещена из ЭКП в те подразделения, где она реально востребована в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений. Это значит, что для ее осуществления следовало бы ввести должности специалистов-криминалистов непосредственно в штабы следственных подразделений. По существу, они должны быть постоянными помощниками следователей по технике. В этом отношении заслуживает внимания и опыт СКР, где действуют следователи-криминалисты, хотя, по нашему мнению, при современном уровне развития криминалистической техники, возросших объемах и сложности решаемых с ее применением задач, это всего лишь полумера.

Обозначенные в данной статье проблемы организации раскрытия и расследования преступлений разноуровневые и разноведомственные. Они объективно взаимообусловлены, а значит их решение немислимо иначе, как во взаимосвязи и в порядке межведомственного взаимодействия. Того самого взаимодействия, которое, как было отмечено, составляет основу организации любой деятельности. Это значит, что руководителям всех правоохранительных ведомств необходимо переступить через узковедомственные амбиции и вместе, с позиции интересов общества и государства, выработать согласованные

предложения по совершенствованию организации раскрытия и расследования преступлений, добиться их закрепления в программных (по борьбе с преступностью) или даже законодательных актах, обеспечив тем самым правовую основу их выполнения.

Литература

1. Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841.
2. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. СПб., 1961.
3. Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. СПб., 1867.
4. Лебедев В.И. Искусство раскрытия преступлений. I. Дактилоскопия. СПб., 1909.
5. Якимов И.Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924.
6. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступлений). Руководство для органов дознания и народных следователей. М., 1925.
7. Зуйков Г.Г. Основы научной организации управления и труда в органах внутренних дел. М., 1971.
8. Кулагин Н.И. Организация управления в сфере предварительного следствия. Волгоград, 1980.
9. Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие. Л., 1984.
10. Степанов В.В. Научная организация труда следователя как элемент предмета криминалистики // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Вып. 6. Проблемы реализации научных рекомендаций в криминалистике. Саратов, 1987.
11. Травкин Е.А. Взаимодействие следователей следственного комитета Российской Федерации с органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений. М., 2011.
12. Можаяева И.П., Филиппов А.Г. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений в системе криминалистики // Вестник криминалистики. 2014. № 4/49.
13. Зеленский В.Д. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. Ростов н/Д., 1989.
14. Филиппов А.Г. Проблемы криминалистики. Избранные статьи. М., 2007.
15. Торвальд Ю. Век криминалистики. М., 1990.
16. Ищенко Е.П. Реформой правит криминал? М., 2013.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется социально-психологическая взаимообусловленность гендерной и профессиональной идентичности сотрудников Следственного комитета Российской Федерации. Раскрыты роль гендерного фактора и значение семьи в развитии профессионального отчуждения сотрудников.

Ключевые слова: гендер, маскулинность, фемининность, андрогиния, идентичность, конфликт лояльностей, профессиональное отчуждение, семейно-обусловленные состояния, самоактуализация.

Annotation. The article analyzes the socio-psychological interactions of gender and professional identities members of the Investigative Committee of the Russian Federation. He explained the role of gender and the family in the development of professional exclusion of employees.

Keywords: gender, masculinity, femininity, androgyny, identity, conflict of loyalties, professional alienation, family conditions, self actualization.

Современная психология обосновывает тесные взаимосвязи многих социально и профессионально значимых явлений. Определение понятия гендера как набора социальных ролей привело к исследованиям гендерной идентичности, под которой понимают осознание личностью себя в связи с культурными определениями мужественности и женственности [2, с. 21—29]. Это часть Я-концепции, которая основывается на знании своей принадлежности к социальной группе мужчин или женщин вместе с оценкой и эмоциональным обозначением этого группового членства.

В предлагаемой к обсуждению проблематике ключевыми являются понятия маскулинности и фемининности (лат. masculinus — мужской и femininus — женский) — нормативные представления о соматических, психических и поведенческих чертах, характерных для мужчин и для женщин. В иной интерпретации гендер — элемент полового символизма, связанный с дифференциацией половых ролей. Однако в гендерной психологии пол как биологический критерий относителен: и мужчины, и женщины могут являться представителями четырех социальных полов.

Маскулинность традиционно связывается с представлениями о социальной активности и даже агрессивности, эмоциональной холодности и независимости. Первична сфера достижений, межличностные отношения вторичны. Приоритетные роли — профессиональные.

Фемининность проявляется повышенной заботой и чувствительностью, эмоциональностью и социальной пассивностью. Первична сфера межличностных отношений, социальный успех вторичен. Приоритетные роли — семейные (межличностные).

Изначально маскулинно-фемининные свойства представлялись ученым как дихотомия, однако развитие психологии привело к созданию современных теорий, в которых эти свойства рассматриваются как континуум. Примером такого маскулинно-фемининного «пространства» стала концепция психологической андрогинии С. Бем (Sandra L. Bem, 1974) [3, с. 77].

Андрогиния — понятие, характеризующее людей, успешно сочетающих в себе традиционные мужские и женские качества, иными словами, ощущающими *идентичность* в традиционно «мужских» и «женских» ролях. Андрогинные субъекты почти с равным оптимизмом стремятся к выполнению и профессиональных, и семейных ролей, ощущая при этом выраженную идентичность.

Идентичность (англ. identification) — отождествление, соотнесение со значимым другим лицом. Причины выделения этого понятия в современном гуманитарном мышлении связаны с обострением проблемы выбора и меры во всех сферах жизненного пространства и жизненной идеологии человека [5]. Понятие идентичности имеет огромное значение для психологического самочувствия работающего субъекта.

Появление в психологическом научном аппарате понятия андрогинности значительно расширило диапазон полоролевых норм, в котором психологи отмечают напряжение именно мужской гендерной роли. Социум традиционно предъявляет к мужчинам повышенные требования, выполнение которых на достаточном уровне фактически приводит к его дезадаптации и связанным с этим переживаниям. Точнее, стремление быть добросовестным следователем и при этом оставаться хорошим семьянином — факторы, обуславливающие у их субъекта конфликт лояльностей (невозможность соответствовать трудносочетающимся и даже взаимоисключающим требованиям).

В зависимости от степени толерантности и психической устойчивости сотрудника этот конфликт в скорой или отдаленной перспективе приводит к трем вариантам (рис 1):

- а) утрата семейной идентичности, переход в маскулинное пространство;
- б) утрата профессиональной идентичности, переход в фемининное пространство;
- в) утрата и семейной, и профессиональной идентичности, обретение недифференцированности.

Первый вариант содержит риски профессионального выгорания сотрудника, второй и третий варианты обуславливают его профессиональное отчуждение. Любое из этих последствий является риском не только профессиональной непригодности, но и коррумпционного поведения.

Результаты пилотажного психодиагностического исследования с использованием теста Куна «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т.В. Румянцевой) [4, с. 82—103], проведенного в текущем году на выборке слушателей Академии (n=34), ярко иллюстрируют это явление. При анализе «социального Я» респондентов (пол, учебно-профессиональная ролевая позиция, семейная роль, этническорегionalная идентичность, групповая принадлежность) выявлено, что 21,4% из них вообще не сформулировали свою профессиональную идентичность («следователь» или «сотрудник»). При этом соотношение обозначенных семейных и иных социальных ролей составляет 1 : 3, что свидетельствует о семейной дезадаптации опрошенных.

Под *профессиональным отчуждением* понимается утрата профессиональной идентичности, эмоционального отклика на выполнение профессиональной роли, изменение профессиональной Я-концепции — системы представлений человека о себе как о личности и субъекте профессиональной деятельности.

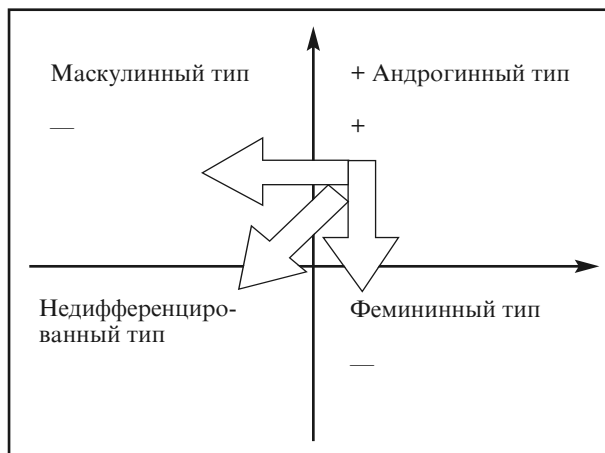

Рис. 1. Варианты изменений гендерной идентичности

Профессиональная идентичность, являясь первичным фактором профессиональной пригодности юриста, включает в себя моральное мужество, честность, принципиальность, обязательность, добросовестность, исполнительность, дисциплинированность. Важнейшим критерием идентичности сотрудника является сформированность его профессионального сознания:

- знание, мнение о степени своего соответствия профессиональным эталонам, о своем месте в системе профессиональных «ролей»;
- знание человека о степени его признания в профессиональной группе;
- сознание своей принадлежности к профессиональной общности;
- знание о своих вероятных зонах успехов и неудач, индивидуальных способах эффективной деятельности;
- представления о себе и своей работе в будущем;
- соотносимость профессиональной деятельности и «образа Я» [5].

Несформированность или кризис профессиональной идентичности — во многих случаях причина неудовлетворенности профессией, что обуславливает преждевременные увольнения (текучесть) кадров.

В связи с этим важно принимать во внимание значение семьи в стабилизации психологического состояния сотрудника и в снижении напряженности, обусловленной характером его служебной деятельности.

В настоящее время обострилось противоречие между ролью семьи как агента психологической поддержки, стимулирующего сотрудника к профессиональному росту, и той реальной обстановкой, в которой факторы социальной незащищенности и материальной необеспеченности семей отодвигают на второй план служебный долг и приводят сотрудников к решению об увольнении.

Влияние семейной сферы на психологическое самочувствие сотрудника может осуществляться в двух формах — пассивной и активной [1]. Пассивными являются не оказание психологической поддержки, отказ в действенной помощи и отказ в одобрении. К активному воздействию следует отнести:

- «гиперконтроль» поведения и эмоционального состояния сотрудника, что выражается в жестком навязывании ему конкретных (традиционных для семьи) рамок поведения и в препятствовании проявлению им определенного диапазона чувств и эмоций в состоянии раздражения и фрустрации. Сотрудник испытывает недостаток автономности, что способствует его более быстрому эмоциональному выгоранию;

- конфликтный характер общения, создающий для сотрудника ситуации сильного психологического давления, в результате которого у него формируются различные негативные состояния:

- «семейная тревога» (чувство собственной беспомощности, неуверенность в своей способности вмешаться в ход событий в семье; постоянное беспокойство, вызывающее рассеянность);

- «чувство вины перед семьей» (финансовые проблемы, уязвляющие достоинство и вызывающие неудовлетворенность трудом: «*часто чувствую себя дома лишним*», «*я уверен, что дома считают меня неспособным добиться чего-либо*»).

Эти состояния в свою очередь обуславливают развитие танталова комплекса: некоторые сотрудники проявляют «оправдательную активность», прилагая известные усилия для получения дополнительных доходов.

Существуют группы риска, включающие сотрудников, проблематично воспринимающих семейно-обусловленные стрессовые ситуации:

- 1) сотрудники с низким уровнем самоактуализации личности, который означает зависимость поведения субъекта, восприимчивость к воздействиям извне;

- 2) сотрудники, состоящие во втором (третьем и т.д.) браке и воспринимающие семью как особую ценность (имеет причинно-следственную связь, так как формирует опыт личностных переживаний);

- 3) сотрудники, состоящие в разводе и фиксированные на профессии, являются или имеют больше шансов стать трудоголиками с известными последствиями (алкоголизм и иные зависимости);

- 4) сотрудники, испытывающие недостаток автономности («сверхконтролируемые» в семейной сфере);

- 5) сотрудники, вовлеченные в семейные конфликты;

- 6) сотрудники, чья служебная деятельность не оценивается в семье должным образом. Решающее значение при этом имеет индивидуальный тип реагирования на стрессогенные ситуации.

Стремление и способность семьи поддерживать сотрудника во многом обуславливаются отношением супруг(ов) к его профессиональной сфере, в основе которого лежат различные факторы:

- разделение общественно значимых ценностей;
- уровень материальных притязаний;
- оценка возможностей профессиональной сферы для удовлетворения семейных потребностей;

- соотнесение этих возможностей с условиями среды (анализ рынка труда, успехи окружения);

- оценка личностного и профессионального потенциала сотрудника (высокая (завышенная) оценка часто приводит к выводу о несоответствии данной профессиональной сферы потенциалу сотрудника);

- ориентированность сотрудника на самореализацию в семейной или служебной сфере;

- карьерная успешность супруг, склоняющая их к повышению разноплановых требований к сотрудникам;

- отсутствие отдельного жилья у семьи.

Семьи сотрудников нуждаются в психологической компенсации за напряжение, в котором они пребывают в результате воздействия служебных стрессоров (прямых и косвенных — выражающихся в психическом переутомлении и профессиональной деформации сотрудника), что неизбежно приводит их к глубокой фрустрации и развитию агрессивности. В связи с этим не вызывает сомнений необходимость реализации в деятельности руководителей особых профилактических мер, направленных на создание условий для поддержания стремления сотрудников к самореализации и в профессиональной, и в семейной сфере. Эти меры заключаются в оптимизации служебной нагрузки сотрудников и поддержания обратной связи с их семьями.

Литература

1. Дмитриева Л.А. Психопрофилактика в сфере семейных отношений: Учеб.-метод. пособие / Под общ. ред. О.Г. Ковалева. М., 2004.

2. Малкина-Пых И.Г. Гендерная терапия. М., 2006.

3. Радина Н.К., Никитина А.А. Социальная психология мужественности: социально-конструктивистский подход. М., 2011.

4. Румянцева Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб., 2006.

5. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: Моногр. М., 2001.

СЛЕДОВАТЕЛЬ VS ПРОКУРОР? НЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ — СОТРУДНИЧЕСТВО

Аннотация. Автор рассуждает на тему: всегда ли органы предварительного расследования, отстаивая свою точку зрения перед прокурором, разумно используют свои prerogatives.

Ключевые слова: компетенция следователя, компетенция руководителя следственного органа, прокурора и суда, пробелы в законодательстве, личное противостояние.

Annotation. The author speaks on the topic: always do the bodies of preliminary investigation, defending their point of view before the Prosecutor reasonably use its prerogatives.

Keywords: competence of the investigator, the head of the investigative body, prosecutor and court, gaps in legislation, personal confrontation.

Следователь vs прокурор, 2007 г. — рубеж, с которого началось их «великое противостояние». Это словосочетание мне подсказали прокуроры г. Саратова, где, по их мнению, друг против друга не только стоят здания региональных ведомств, но и достигло апофеоза личное соперничество заседавших в них чиновников. Попробуем разобраться чего в этом противостоянии больше: объективного (несовершенство регламента) или субъективного (капризы конкретных должностных лиц).

В России исторически сложилось, что прокурор отвечает за уголовное дело в целом, ибо ему, а не следователю, поддерживать обвинение в суде первой инстанции, отстаивать позиции стороны в апелляции, кассации и надзоре. Очевидно, что уже в силу только данного обстоятельства прокурор должен быть вооружен комплексом необходимых доказательств, которые в рамках системы разделения уголовно-процессуального труда в основной массе собирает следователь. В российской, а затем советской традиции, признавалось разумным, что прокурор вправе «заказывать» следователю отыскание и закрепление конкретных доказательств, без наличия которых его позиция в суде превратится в декларацию.

Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко (годы работы в данной должности 1953—1981), естественно с согласия политического руководства нашего государства (Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев), как сейчас принято говорить в Академии СК России, возвел

прокурора в ранг «топ-менеджеров» уголовного судопроизводства. Прокуроры не только безраздельно руководили следователями (рабами), но и могли сами отыскать и закрепить любые доказательства, в стадии предварительного расследования дать им, а равно всей собранной по делу информации, окончательную оценку, которую можно было обжаловать только вышестоящему прокурору.

Да и в представлении простого народа прокурор был в те годы — начальник, а судья (даже председатель суда) — подчиненный. Да и внешне это было хорошо заметно: прокурору района полагалась персональная машина (атрибут власти), а председателю соответствующего суда — нет. Прокурором района обычно был член бюро райкома партии, а председателем суда, как правило, — всего лишь депутат. Следователь в те времена вообще (как сами о себе говорили представители этой важнейшей профессии) — «жук навозный».

В начале XXI в. политическое руководство страны лишило полностью права собирать доказательства органы прокуратуры, существенно ограничив их право на заказ конкретных доказательств следователю.

Определение судебной перспективы дела — компетенция прокурора. Проблема, от решения которой уклоняется законодатель, — формирование позиции стороны обвинения при проведении конкретных процессуальных действий. Если с ходатайством о за-

ключении подозреваемого под стражу в суд идет дознаватель, то она автоматически совпадает с позицией выступающего в суде прокурора, несущего ответственность за судебную перспективу дела в целом. Если такое же ходатайство подается следователем, то его позиция с точки зрения прокурора может и не совпадать. Парадоксально, но факт, если прокурор отказался от обвинения в суде (даже на этапе подготовки дела к судебному заседанию), то такой отказ для суда обязателен. Если прокурор не видит оснований для заключения обвиняемого под стражу, более того, из месяца в месяц, а то и из года в год последовательно утверждает, что последний подлежит освобождению из-под стражи, ибо само уголовное дело возбуждено в отношении него незаконно, законодатель снисходительно позволяет суду подобные рассуждения прокурора игнорировать.

Практика применения ст. 106—109 УПК РФ.

Как судьи вынуждены разрешать противоречия, содержащиеся в УПК РФ, поясним на примерах.

По версии обвинения К. — топ-менеджер в сфере производства — мошенническим путем пытался приобрести право на чужое имущество стоимостью более 400 млн руб. По данному факту возбуждено уголовное дело по признакам ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ.

22 февраля 2013 г. К. задержан в порядке ст. 91 УПК РФ, 23 февраля 2013 г. заключен под стражу.

18 июня 2013 г. следователем возбуждено ходатайство о продлении срока содержания его под стражей до шести месяцев.

В судебном заседании прокурор просил в удовлетворении ходатайства отказать.

Районный суд г. Перми продлил срок содержания обвиняемого¹.

Прокурор в апелляционном представлении просил меру пресечения в отношении Комарова изменить на подписку о невыезде, мотивируя это тем, что:

- действиями обвиняемого ущерб не нанесен;
- доказательств о том, что К. препятствует следствию, нет².

В удовлетворении представления было отказано. При этом суд второй инстанции обошел вниманием такие доводы прокурора, как «ущерба по делу нет», «факты препятствия следствию не установлены». Кроме того, суд заявил, что преступление К. совершено вне сферы предпринимательской деятельности³.

22 августа 2013 г. районный суд, несмотря на то, что прокурор поддержал ходатайство стороны защиты об освобождении К., вновь продлил срок содержания последнего под стражей⁴.

Помощник прокурора в очередной раз внес в суд апелляционной инстанции представление, в котором дал подробный анализ материалам уголовного дела в отношении К. и сделал вывод о том, что действиями обвиняемого вред не только не причинен, но и не мог быть причинен. Более того, отсутствие данных о раз- мере ущерба свидетельствует об отсутствии в действиях К. состава преступления⁵.

Пермский краевой суд изменил меру пресечения Комарову на домашний арест, оказывается, суд первой инстанции надлежащим образом не оценил данных о личности К.

26 сентября 2013 г. районный суд, отказав следователю в удовлетворении ходатайства о продлении К. срока домашнего ареста, изменив в отношении него меру пресечения на залог в 2 млн руб., на этот раз честно указал:

- следователь так и не смог представить данных о том, как именно обвиняемый препятствует следствию;
- К., оказывается, страдает тяжким заболеванием, неоднократно помещался в лечебное заведение, где проходил стационарное лечение⁶.

Приведенный пример показателен во многих отношениях.

Во-первых, почему суд избрал в отношении К. меру пресечения в виде заключения под стражу, несмотря на принципиальные возражения (нет состава преступления) прокурора.

Во-вторых, удивляет тот факт, что государство в уголовном процессе одно, а представляют его два участника процесса, которым законодатель позволяет иметь различные точки зрения по всем вопросам. Так, по делу К. прокурор последовательно просит обвиняемого освободить, ибо нет ни ущерба, ни препятствий для расследования. В это же время следователь под прикрытием «своего генерала» лишь «обозначает» наличие проблем с расследованием.

¹ Постановление Дзержинского районного суда г. Перми от 26 июня 2013 г. // Архив Дзержинского районного суда г. Перми за 2013 г.

² Представление помощника прокурора Дзержинского района г. Перми от 1 июля 2013 г. № 2814/2012 // Архив прокуратуры Дзержинского района за 2013 г.

³ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 3 июля 2013 г. № 22-5245 // Архив Пермского краевого суда за 2013 г.

⁴ Постановление Дзержинского районного суда г. Перми от 22 августа 2013 г. // Архив Дзержинского районного суда г. Перми за 2013 г.

⁵ Представление помощника прокурора Дзержинского района г. Перми от 26 августа 2013 г. № 2814/2012 // Архив прокуратуры Дзержинского района за 2013 г.

⁶ Постановление Дзержинского районного суда г. Перми от 26 сентября 2013 г. // Архив Дзержинского районного суда г. Перми за 2013 год.

По этому поводу один известный специалист (не имею право назвать его имени, ибо он при солидной государственной должности) очень точно сказал, что органы предварительного следствия не только незаконно вменяют обвиняемым «лишние» составы, например, ст. 210 УК РФ, но даже не дают себе труда, раскрыть данный состав преступления в соответствующих документах.

В-третьих, к сожалению, в данном противостоянии суд оказывается крайним. Движение дела в отношении К. — явное тому подтверждение. Прислушайся суд сразу к доводам прокурора и защиты, проблемы меры пресечения, вылившейся в многочисленные, как показало время, совершенно никому не нужные, дорого обходящиеся государству тяжбы, удалось бы избежать.

В-четвертых, помещая лицо под домашний арест, суд должен четко представлять: где обвиняемый будет жить, чем питаться, кто его будет лечить и «выгуливать». Возникает вопрос: должен ли, более того, в состоянии ли все эти вопросы решить суд? Поговорим об этом ниже.

Анализ позиции, занятой органами предварительного расследования, позволяет выявить наличие в них как внутренних противоречий, так и противоречие некоторых из них законодательству России в целом.

Наконец, в-пятых, материалы в отношении К. позволяют сделать самый неутешительный вывод: суды всех уровней, применяя ст. 108, 109 УПК РФ, откровенно путаются в вопросе наличия достаточности оснований для содержания обвиняемого под стражей.

С сожалением приходится констатировать, что нет четкого ответа по данному вопросу и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога». Более того, имеются достаточные основания утверждать, что, регламентируя алгоритм действий судьи, принявшего решение избрать меру пресечения в виде домашнего ареста, Пленум Верховного Суда РФ откровенно перегрузил его массой практически невыполнимых судом действий (п. 36—42).

Судья, прежде чем вынести соответствующее постановление, оказывается, обязан убедиться в том, что помещение, в котором будет проживать обвиняемый, существует реально, для жилья пригодно, его хозяин против этого не возражает, далее судья должен продумать перспективы организации

обслуживания обвиняемого на весь период домашнего ареста.

Начнем с того, что всей этой информации в материале, предоставляемом следователем в порядке ст. 108, 109 УПК РФ, как правило, нет, собирать ее по закону следователь не обязан, особенно, если он ходатайствует о заключении обвиняемого под стражу. Не обязана представлять такую информацию и сторона защиты, по мнению которой обвиняемый вообще невиновен.

Теперь, уважаемый читатель, поставьте себя на место судьи, разрешающего вопрос об избрании меры пресечения, и подумайте, к чему его подталкивают действующие регламенты:

- арестовать обвиняемого;
- либо самому озаботиться сбором информации, перечисленной в п. 36—42 названного постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Убежден, судье с учетом его реальных возможностей может быть вменен в обязанность только выбор одной из мер пресечения: заключение под стражу, домашний арест, залог. Организация пребывания обвиняемого под домашним арестом — полностью компетенция специально уполномоченных на то органов. Их обязанность: и жилище подыскать, и питание обвиняемого организовать, как и его медицинское обслуживание. Для этого нужны специальный федеральный закон, специальное подразделение, специальный бюджет. Суд в состоянии лишь рассмотреть жалобы на нарушение закона.

Домашний арест, в нашем понимании, содержание обвиняемого «на даче» — мера пресечения весьма затратная, в силу данного обстоятельства в государствах с развитыми правовыми порядками ее применяют крайне редко. Как правило, по согласованию со стороной защиты в отношении очень состоятельных лиц.

Люди годами под стражей, а, по мнению прокуратуры, уголовного дела нет. Начальник кафедры административного права и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Московского филиала Московского университета МВД РФ В.В. Абрамочкин, усматривая «личную заинтересованность в деле некоторых сотрудников органов прокуратуры», оправдывает допустимость противостояния в судебном разбирательстве органов предварительного следствия и прокуратуры⁷, наличие которой явно не

⁷ Абрамочкин В.В. Исследование материалов при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Уголовный процесс. 2013. № 9. С. 32—34.

способствует защите интересов как конкретных лиц, так и общества в целом.

В данном случае не лишним будет напомнить, что уголовное преследование осуществляют не лично отдельные следователи и прокуроры, а государство в целом, следовательно, во всех стадиях уголовного процесса позиция стороны обвинения по делу может быть только одна. Кому в споре между следователем и прокурором принадлежит последнее слово? Безусловно, прокурору, ибо закон возлагает на него обязанность надзора за соблюдением законности на всех, без исключения, этапах движения уголовного дела.

При таких обстоятельствах перенос спора между следователем и прокурором в суд — явное свидетельство их профессиональной незрелости, в основе которой деформирование правосознание, излишняя амбициозность некоторых чиновников.

Тем же, у кого имеются обоснованные подозрения в том, что «кто-то из прокуроров», равно как и из следователей, в чем-то лично заинтересован, не лишним будет напомнить, что действующее законодательство закрепляет конкретные регламенты выхода из данных ситуаций.

Что касается суда, то он разрешает лишь спор между сторонами: обвинением и защитой. К сожалению, приходится констатировать, что далеко не всегда суды, применяя правила ст. 108, 109 УПК РФ, правильно разрешают спор между сторонами, отягощенный великим противостоянием органов предварительного расследования и прокуратуры.

Классический пример — уголовное дело в отношении Бульбова и др., в годовой спор о законности содержания которого под стражей был вынужден вмешаться Президиум Верховного Суда РФ.

Заместитель Генерального прокурора РФ В.Я. Гринь поставил вопрос об отмене постановления судьи Московского городского суда от 12 ноября 2008 г., кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 января 2009 г. в отношении Донченко, Гусева, Гевала, Бульбова и передаче дела на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе.

Основание — отсутствие постановления о возбуждении уголовного дела в отношении Бульбова. Участвовавшими в процессе прокурорами представлены и судом исследованы материалы, опровергающие наличие ранее в материалах данного постановления, его регистрацию в установленном порядке, а также какие-либо сведения в иных документах о совершении преступлений Гороховым, Яныкиным, Не-

стеренко с участием других неустановленных лиц, судья необоснованно и безмотивно отверг доводы прокуроров и преждевременно, без выяснения всех обстоятельств, признал юридический факт, связанный с его вынесением⁸.

Результат данного, явно искусственного, спора давно и хорошо известен всем процессуалистам: Бульбов и др. органами предварительного расследования вскоре были освобождены из-под стражи.

Скажем более, сторона защиты не случайно годами твердила об отсутствии у обвинения надлежащего комплекса доказательств вины многих из вышеперечисленных обвиняемых.

Постановлением Московского городского суда от 6 февраля 2013 г. уголовное дело в отношении Донченко, Гусева, Нестеренко и др. в порядке ст. 237 УПК было возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом⁹.

Основание — отсутствие необходимых реквизитов в постановлении о привлечении лиц в качестве обвиняемых: не указаны точно время, место и способ их действия.

Судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда от 22 марта 2012 г. указанное постановление оставлено без изменения¹⁰.

Аналогичное решение по кассационному представлению заместителя Генерального прокурора РФ В.Я. Гриня было принято и в кассационной инстанции¹¹.

На текущий момент судебная перспектива данного дела о событиях 2007 г. все еще не ясна...

В данном случае никто не говорит о фальсификации доказательств, Президиум Верховного Суда РФ обратил внимание только на «туманность» в вопросе появления отдельных важных документов, что, безусловно, само по себе недопустимо при решении вопроса о заключении человека под стражу.

⁸ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 2 сентября 2009 г. №197-П09-ПР // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2009 г.; Колоколов Н.А. Заключение под стражу. Практика применения УПК РФ / Под общ. ред. В.М. Лебедева; 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 127, 128.

⁹ Постановление Московского городского суда о возвращении дела прокурору от 6 февраля 2013 г. // Архив Московского городского суда за 2013 г.

¹⁰ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 22 марта 2013 г. № 10-899/2013 // Архив Московского городского суда за 2013 г.

¹¹ Постановление об отказе в передаче кассационного представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 18 июля 2013 г. № 4у/2-5047 // Архив Московского городского суда за 2013 г.

Может быть, соответствующие службы, осуществлявшие оперативную разработку обвиняемых по анализируемому делу, и правы, но доказательств их вины в совершении конкретных преступлений ни они, ни следователи пока суду не предоставили.

С аналогичными проблемами суды столкнулись и по «игорному делу».

Постановлением Басманного районного суда г. Москвы от 9 июня 2011 г. Куликову, заместителю начальника отдела Управления «К» бюро специальных технических мероприятий МВД РФ, обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Постановлением президиума Московского городского суда от 31 мая 2013 г. отказано в удовлетворении надзорного представления заместителя Генерального прокурора РФ В.Я. Гриня¹² о пересмотре постановления судьи Басманного районного суда г. Москвы от 9 июня 2011 г. и кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 29 июня 2011 г. в отношении Куликова.

В надзорном представлении заместитель Генерального прокурора РФ В.Я. Гриня высказал несогласие с состоявшимися судебными решениями и считает их подлежащими отмене в связи с нарушением уголовно-процессуального закона. Суд не вправе был избирать Куликову меру пресечения на основании ходатайства следствия, все положения которого были основаны на постановлении, отмененном 9 июня 2011 г. заместителем Генерального прокурора РФ В.Я. Гринем, т.е. мера пресечения избрана без возбуждения уголовного дела¹³.

Впрочем, есть и иные точки зрения. Например, некоторые специалисты в Институте повышения квалификации СК РФ в своих выступлениях на научно-практических конференциях, расценивая прокурора не иначе как «паразитичную шестерню» в механизме уголовного судопроизводства, предлагают и вовсе исключить его из перечня участников уголовного процесса, по их мнению, все за него делают следователь и руководитель следственного органа.

В стадии предварительного расследования прокурор вправе требовать приобщение к делу конкретных доказательств. Важнейшей составляющей расследования и рассмотрения уголовных дел о преступлениях, направленных против отношений собственности, во все времена является установление реаль-

ной цены присвоенного виновными. Выявить действительный размер похищенного — проблема, поскольку с ценами формальными небезуспешно конкурируют цены рыночные. Классический пример — уголовное дело в отношении Пассата, продавшего, правда, с разрешения своего президента, принадлежащие Молдове истребители не по реальной цене, а за те деньги, которые покупатели ему дали.

Достаточно таких примеров и в России. Например, в Мурманской области судебные приставы не нашли покупателей на целый ряд объектов, в прошлом принадлежавших МО РФ.

Следователям давно пора понять, что иное, с виду весьма ценное имущество (завод, фабрика) в жизни производят одни убытки, следовательно, цена их «отрицательная». Более того, всегда следует помнить, что с момента привлечения собственников этого имущества к уголовной ответственности ценность их владений стремительно убывает, в первую очередь, «падают» акции.

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать неутешительный вывод: ущерб предпринимателям инкриминируется по максимуму, даже если размер его более чем спорен. Проблема заключается, в первую очередь, в том, что действующий УПК РФ позволяет следователям игнорировать мнение других участников процесса, даже прокурора, который, в отличие от следователя отвечает за законность и обоснованность обвинения не только в стадии предварительного расследования, но и во всех судебных инстанциях.

Органами предварительного расследования (ГСУ СК РФ) Березин обвиняется в совершении преступления, предусмотренных ч. 3 ст. 33, ч. 4 ст. 160 УК РФ. После окончания предварительного следствия (ст. 215 УПК РФ), на этапе выполнения требований ст. 216 УПК РФ сторона защиты заявила ходатайство о назначении трех независимых экспертиз отчетов оценщиков. В обоснование своего ходатайства обвиняемый Березин и его защитники — адвокаты Н.Р. Колодца и А.Г. Иванов приобщили отчет об оценке 25,5% акций ОАО «Ур-

¹² Постановление об отмене постановления судьи об отказе в удовлетворении надзорной жалобы по надзорному представлению заместителя Генерального прокурора РФ В.Я. Гриня 23 февраля 2013 г. № 5-ДП13-21, вынесено заместителем Председателя Верховного Суда РФ В.В. Хомчиком № 5-ДП13-21.

¹³ Надзорное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 сентября 2013 г. Дело № 5-ДПШ 3-48 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2013 г.

жумский спиртоводочный завод», выполненный ООО «Лэйк».

Постановлением следователя от 7 октября 2013 г. в удовлетворении данного ходатайства отказано. Свою позицию следователь мотивировал тем, что данный документ он оценивает критически. Согласно имеющейся в распоряжении следствия оперативной информации, Березин через посредников организовал изготовление документов, подтверждающих стоимость, установленную предпринимателем М.А. Поповой, попавшей в подозрение по этому же уголовному делу. Цель данной оценки — поставить под сомнение имеющиеся в материалах уголовного дела заключение финансово-экономической судебной экспертизы.

Сторона защиты обжаловала данное постановление в порядке ст. 125 УПК РФ.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь самостоятельно направляет ход расследования, следовательно, ему и лично решать, какие доказательства и в каком количестве будут подкреплять выдвигаемое им обвинение.

Право дать указание следователю на сбор конкретных доказательств принадлежит только определенным руководителям следственных органов (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Что касается наличия прав у других реальных участников процесса (прокурора, стороны защиты) относительно полномочий участвовать в сборе доказательств, то закон сконструирован таким образом, что их полномочия на этапе предварительного расследования фактически стремятся к «нулю», ограничиваются правом ходатайствовать о проведении конкретных следственных действий.

Естественно, что обвиняемому, его адвокатам искать в рамках существующего регламента ощутимой поддержки у прокурора бессмысленно.

Что вынуждены в таких условиях делать участники процесса, нуждающиеся в объективном расследовании, а именно прокурор и сторона защиты? Как ни странно, они объединяются... В основе данного объединения — нежелание органов предварительного расследования искать объективную, а не планируемую следственными подразделениями истину. Порой доходит до абсурда: прокуроры просят представителей стороны защиты обжаловать конкретные действия следователей в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, подают заявления на поведение органов предварительного расследования в порядке гл. 25 ГПК РФ.

Сторона защиты обжаловала отказ следователя удовлетворить ходатайство о назначении экспертиз и приобщении ее варианта оценки к материалам уголовного дела в суд в порядке ст. 125 УПК РФ. В обоснование жалобы положен тезис о том, что отказ следователя нарушает право обвиняемого на защиту, поскольку лица, определяющие ход дальнейшего движения уголовного дела (прокурор, утверждающий обвинительное заключение, судья, назначающий судебное разбирательство), лишены возможности получить информацию, наличие которой позволяет подвергнуть сомнению позицию органов предварительного расследования.

В судебном заседании прокурор отдела управления по надзору за расследованием особо важных дел Генеральной прокуратуры РФ сторону защиты подержал. Мотив тот же. Отказ следователя в приобщении к материалам уголовного дела представленного стороной защиты отчета о стоимости акций лишает прокурора на стадии утверждения обвинительного заключения, а затем и суд получить информацию о стоимости акций.

Постановлением Басманного районного суда г. Москвы от 28 ноября 2013 г. в удовлетворении жалобы отказано, поскольку решение следователя, во-первых, не нарушает конституционных прав обвиняемого, во-вторых, не препятствуют дальнейшему движению дела¹⁴.

Формально суд прав, законных оснований вмешиваться в процесс доказывания нет, вернуться к изучению документов, представленных защитой, можно в последующих стадиях процесса, например, на этапах утверждения обвинительного заключения или уже в суде. Да и не дело суда разрешать спор между следователем и прокурором, ибо это органы исполнительной власти, споры между которыми решаются в административном порядке.

Неудивительно, что суд апелляционной инстанции к мнению Генеральной прокуратуры РФ, последовательно настаивавшей на необходимости отменить предыдущее судебное решение, не прислушался и 3 марта 2014 г. его «засилил»¹⁵.

11 апреля 2014 г. судья Московского городского суда отказал стороне защиты в передаче кассацион-

¹⁴ Постановление Басманного районного суда г. Москвы от 28 ноября 2014 г. // Архив Басманного районного суда г. Москвы за 2013 г.

¹⁵ Апелляционное постановление Московского городского суда от 3 марта 2014 г. № 10-2572/2014 // Электронный архив Московского городского суда за 2014 г.

ной жалобы на рассмотрение в судебном заседании суда кассационной инстанции¹⁶.

Почему следователь отказал в удовлетворении ходатайства? Ответов на данный вопрос может быть несколько. Например, представленный стороной защиты документ не выдерживает никакой критики, о чем заявил и сам следователь.

Если данный документ на самом деле не соответствует реалиям жизни, то почему на необходимости его приобщения настаивает представитель Генеральной прокуратуры? Думается, что у него для этого есть достаточные основания. Скорее всего, появление данного документа в деле, если не в корне, то существенно меняет содержание обвинения, а органы предварительного расследования уже выполняют ст. 215 УПК РФ.

Следователь заявил о наличии у него некой «оперативной информации», которая вселяет в него уверенность, что оценка, произведенная стороной защиты, — документ «заказной». Правда, при этом ни сам следователь, ни прокурор ничего не предпринимает для того, чтобы реально «опорочить» позицию защиты.

Какой в данной ситуации рисуется сценарий развития событий? Сторону защиты рано или поздно выслушают, не исключено, что в основу прокурорского, а то и судебного решения ляжет справка, предоставленная ею еще 4 октября 2013 г., или производные от нее документы. Не исключено, что уголовное дело будет возвращено прокурором для проведения дополнительного расследования или, более того, судом для устранения препятствий к его рассмотрению.

Впрочем, всего этого можно избежать, если следователь будет внимателен к позиции, занимаемой Генеральной прокуратурой Российской Федерации, которая в отличии от него отвечает не только за предварительное расследование, но и за наличие у него судебной перспективы.

Суд защитил прокурора в гражданском процессе. Общеизвестно, что ценность прокурорского надзора в стадии предварительного расследования заключается в таких его качествах, как оперативность, непрерывность, всеобъемлющая полнота и эффективность.

В действующем УПК РФ заложено противоречие. С одной стороны, на прокурора возложена обязанность осуществления полноценного прокурорского надзора, обладающего всеми перечисленными качествами, с другой — законодатель дозирует допуск прокурора к материалам уголовных

дел, передав данный вопрос на усмотрение следственных органов.

Поскольку наличие данного противоречия не снимает с прокуроров ответственности за общее качество надзора, то органы прокуратуры вынуждены прибегать к всевозможным хитростям, чтобы оперативно получить доступ если не ко всему делу, то хотя бы к отдельным его частям.

Например, потерпевший жалуется прокурору на то, что обвинение сформулировано без учета всех конкретных обстоятельств дела. Прокурор, зная, что оперативного доступа к материалам дела у него нет, предлагает потерпевшему обжаловать действия следователя в суд, который по закону уже в течение пяти суток обязан вынести возникший между участниками процесса со стороны обвинения спор в открытое судебное разбирательство.

Практика знает и иные способы воздействия прокуроров на следственные органы, наличие которых побуждают руководителей следственных органов исполнять уголовно-процессуальный закон.

Прокурор Зимовниковского района в интересах неопределенного круга лиц и Российской Федерации обратился в суд с заявлением об оспаривании действий руководителя Зимовниковского МСО СУ СК РФ по Ростовской области (далее — РСО), связанных с непредоставлением в установленном законом порядке прокурору уголовных дел, по которым предварительное следствие приостановлено, и материалов, по которым приняты решения об отказе в возбуждении уголовных дел.

Решением Зимовниковского районного суда Ростовской области от 23 августа 2013 г. заявление прокурора Зимовниковского района было удовлетворено частично.

Суд признал незаконными действия РСО, связанные с непредставлением по требованию прокурора Зимовниковского района Ростовской области материалов, по которым приняты решения об отказе в возбуждении уголовных дел и других материалов.

Суд обязал РСО устранить допущенные нарушения и не допускать их в дальнейшем.

В апелляционной жалобе РСО просил решение отменить, производство прекратить. Судебная коллегия решение суда оставила без изменения, а апелляционную жалобу руководителя Зимовниковского

¹⁶ Постановление судьи Московского городского суда от 11 апреля 2014 г. № 4у/2-1731 // Электронный архив Московского городского суда за 2013 г.

МСО СУ СК РФ по Ростовской области — без удовлетворения¹⁷.

Анализируемый конфликт — проблема кадровая, в его основе просматривается личная неприязнь между прокурором района и РСО. Иными словами, прокуратура в Ростовской области должным авторитетом не пользуется, нарушение закона местными РСО руководством СК РФ по региону если не поощряется, то и должным образом оперативно не пресекается.

Очевидно и то, что спор искусственный. Он легко разрешим путем отстранения РСО от должности, поскольку, судя по материалам дела, он не только не выполнял закон, но и в некоем конечном итоге не получил поддержки в региональном отделе СК РФ. Как правило, такие конфликты решаются на уровне контактов между руководителями ведомств в регионе. К сожалению, Ростовская область явилась непонятным исключением.

Всяческого одобрения заслуживает позиция судов Ростовской области, которые совершенно обоснованно усмотрели в действиях РСО факт грубого попрания прав неограниченного круга лиц, ибо, препятствуя осуществлению прокурорского надзора (как видим из текста апелляционного определения, РСО данный факт признал), он лишил граждан прокурорской защиты.

Автор последовательно придерживается позиции, согласно которой споры между такими представителями стороны обвинения, как следствие и прокурор, недопустимы. Все споры оперативно должны разрешаться вышестоящим прокурором, лица, нарушившие его требования, должны нести ответственность и подлежать не только безжалостному увольнению с должности, но и ответственности в соответствии с законом, вплоть до уголовной.

Расходы, понесенные государством на рассмотрение искусственного спора, следует взыскать с руководителей следственных органов.

С учетом данной практики законодателю не лишним будет вернуться к вопросу о достаточности прерогатив прокурора для осуществления полноценного надзора.

О праве следователя на обжалование промежуточных судебных решений. Судья Верховного Суда РФ А.С. Червоткин в своем диссертационном исследовании «Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе» (Москва, 2014) п. 6 положений, выносимых на защиту, изложил следующим образом.

Правила о том, что правом обжалования судебного решения обладает любое лицо, чьи процессуальные и иные интересы затрагиваются этим решением, не снимает проблемы расширения круга субъекта обжалования. Таким правом следует наделять далеко не только лиц, указанных в ст. 389.1 УПК РФ. Обосновывается необходимость законодательного надления этим правом следователей в процедурах, где они являются непосредственными участниками процесса (ст. 108, 109, 125, 165 УПК РФ), а также представителей органов, исполняющих наказание.

А.С. Червоткин пишет, что второй параграф исследования «Право на обжалование промежуточных судебных решений: субъекты частного обжалования» посвящен рассмотрению особенностей обжалования, связанных с кругом субъектов, обладающих правом принесения жалобы на промежуточные судебные решения.

Круг лиц, имеющих право обжалования судебного решения, действующим законом «поименно» определен в ст. 389.1 УПК РФ. Несмотря на то, что этот перечень является широким, он рассчитан, прежде всего, на обжалование приговора.

Вместе с тем ряд участников процесса наделяются правом приносить жалобы по прямым указаниям других норм УПК РФ (ст. 56—60) или других федеральных законов, например, «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Право некоторых лиц на обжалование судебного решения вытекает из правовых позиций Конституционного Суда РФ, например, лица, претендующего на роль потерпевшего в будущем уголовном деле, на возбуждении которого он настаивает (определение КС РФ от 19 мая 2009 г. № 576-О-П).

В то же время расширение круга субъектов обжалования требует и вмешательства законодателя. Например, законом не разрешен вопрос о праве обжалования следователем постановлений суда, вынесенных в рамках ст. 107, 108, 125 и 165 УПК РФ, несмотря на то, что в указанных процедурах он участвует в качестве полноправного участника процесса со стороны обвинения, а иногда (в отсутствие прокурора) — даже в качестве единственного ее представителя. На стадии исполнения приговора правом

¹⁷ Апелляционное определение от 11 ноября 2013 г. судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда по делу № 33-14390 // Архив Ростовского областного суда за 2013 г.

обжалования также целесообразно наделить органы, исполняющие наказание».

Автор, выступая в качестве неофициального оппонента на защите диссертации А.С. Червоткиным, в очередной раз подчеркнул, что у стороны обвинения может быть только одна позиция, которую должен определить прокурор.

Генеральная прокуратура РФ не защитила саму себя от натиска независимого следствия. До 7 сентября 2007 г. проблем с использованием материалов одного уголовного дела в качестве доказательств по другому уголовному делу не было, поскольку проблема «перекачивания» доказательственной массы из одного дела в другое легко решалась соответствующим прокурором. Если в таких случаях между ведомствами и возникал спор, то он разрешался вышестоящим прокурором, который не только мог изъять любое дело у поднадзорного ему следователя, но и принять его к своему производству. В настоящее время права прокуроров в данной области существенно ограничены. В условиях, с одной стороны, процессуального безвластия прокуроров, с другой — отсутствия ясных указаний в законе о порядке использования доказательственной информации, содержащейся в других делах, между органами предварительного расследования стали возникать трудноразрешимые конфликты.

Старший следователь второго отдела по расследованию особо важных дел СУ СК при прокуратуре РФ по г. Москве обратился в Мещанский районный суд г. Москвы с ходатайством о производстве обыска в служебном помещении, занимаемом старшим следователем по особо важным делам управления по расследованию организованной преступной деятельности против экономической безопасности, интересов службы и порядка СК при МВД России, расположенном в помещении следственной части СК при МВД России. В судебном заседании данное ходатайство было поддержано старшим помощником Мещанского межрайонного прокурора г. Москвы. Судья Мещанского районного суда г. Москвы ходатайство следователя о проведении обыска удовлетворил, мотивируя это тем, что в производстве автора ходатайства находится уголовное дело, в материалах которого имеются достаточные основания полагать, что в служебном кабинете следователя СК при МВД России могут находиться предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела, о чем 26 ноября 2007 г. им было вынесено соответствующее постановление¹⁸.

Очевидно, что постановление суда в части, предусматривающей возможность изъятия материалов уголовного дела, спорно, поскольку уголовное дело может быть изъято: руководителем следственного органа (п. 6 ч. 1 ст. 39 УПК) с обязательной передачей его другому следователю либо принятием его к своему производству, поскольку процессуальные сроки по делу текут до разрешения его по существу судом или прекращения по нему производства; прокурором — опять-таки с обязательной передачей другому следователю (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК). Изъятие следователем одного ведомства материалов уголовного дела у следователя другого ведомства пресекает ход прокурорского надзора за ведением предварительного следствия¹⁹.

В реальной жизни анализируемое уголовное дело, надзор по которому осуществлял заместитель Генерального прокурора РФ, без ведома последнего, однако с согласия подчиненных ему прокуроров уровней района и г. Москвы, все же было изъято следователем СУ СК при прокуратуре РФ по г. Москве.

Позже независимым следствием оно было возвращено по подведомственности в Следственном комитете при МВД России.

Помощник Генерального прокурора РФ, который рассматривал жалобы руководства СК при МВД России на предмет произвола коллег из независимого следствия, по этому поводу отписал руководству СК при МВД России, что «давать» дело никому не следовало.

Данный пример — явный показатель ведомственной неразберихи, обусловленной противоречиями, заложенными в УПК РФ.

Основные научно-практические выводы.

1. Прежде чем формировать правовую норму о праве следователя игнорировать требования прокурора, законодатель должен был глубоко задуматься, не ослабит ли это позиции обвинения в целом, не отяготится ли уголовный процесс тяжбами между конкурирующими ведомствами, нужно ли государству тратить немалые бюджетные деньги на принудительное приведение воинствующих чиновников к общему знаменателю?

¹⁸ Постановление судьи Мещанского районного суда г. Москвы от 26 ноября 2007 г. по уголовному делу № 431643 // Архив Мещанского районного суда г. Москвы за 2007 г.

¹⁹ Колоколов Н.А. Судебный порядок получения разрешений на производство следственных действий. Практика применения УПК РФ / Под ред. В.М. Лебедева. М., 2013. С. 321.

2. Юридическая «текучка» постепенно выявляет все новые и новые последствия непродуманного, на наш взгляд, отказа от таких некогда привычных правовых конструкций, как неоспоримое право прокурора поручать следователю собрать необходимые по делу доказательства.

3. Поскольку уголовное преследование осуществляют не лично отдельные следователи и прокуроры, а государство в целом, то позиция стороны обвинения во всех стадиях уголовного процесса должна быть единой.

4. При возникновении спора между следователем и прокурором последнему принадлежит последнее слово, ибо закон возлагает на него обязанность надзора за соблюдением законности на всех, без исключения, этапах движения уголовного дела. Иными словами, прокурор в целом отвечает за дело, а не следователь, ответственность которого ограничивается обязанностью качественного расследования.

5. Перенос спора между следователем и прокурором в суд — свидетельство их профессиональной

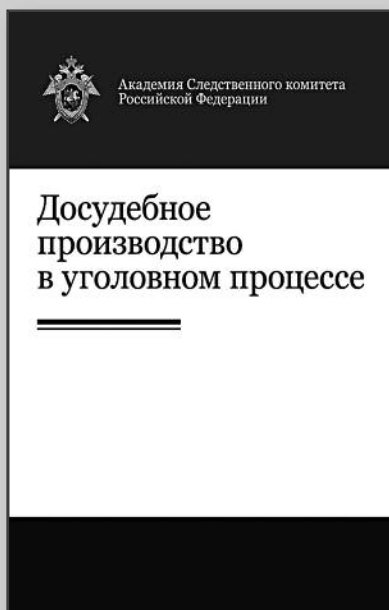
незрелости, в основе которой деформирование правосознание, излишняя амбициозность чиновников.

6. При возникновении обоснованных подозрений в том, что «кто-то из прокуроров», в чем-то лично заинтересован, не лишним будет напомнить, что действующее законодательство закрепляет конкретные регламенты выхода из данных ситуаций.

7. В рамках превентивного судебного контроля суд лишь разрешает спор между сторонами: обвинением и защитой.

8. Статьи 108, 109 УПК РФ следует дополнить положением, согласно которому отказ прокурора поддержать ходатайство следователя о заключении обвиняемого под стражу — бесспорное основание для освобождения его из-под стражи.

9. Заклячая обвиняемого под стражу вопреки мнению прокурора, суд неизбежно становится на сторону обвинения, что не только несвойственно природе независимого суда, но и прямо противоречит Конституции РФ (ч. 3 ст. 123), уголовно-процессуальному закону (ст. 15 УПК РФ).

Досудебное производство в уголовном процессе:
науч.-практ. пособие / [Б.Я. Гаврилов и др.]. М.: Юнити-Дана, 2015.

Раскрыты правовые понятия, регламентирующие досудебное производство по уголовному делу, следственные действия, меры уголовно-процессуального принуждения, процессуальные документы. Изложены положения УПК РФ, регулирующие досудебное производство по уголовному делу, анализ которых опирается на научные изыскания авторов и результаты многолетней практической деятельности.

Для курсантов, слушателей, студентов, преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования СК России, а также для практических сотрудников СК России и других правоохранительных органов.

ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА»

Адрес редакции: 123298, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1.

Тел./факс: 8-499-740-60-14, 8-499-740-60-15

E-mail: unity@unity-dana.ru, www.unity-dana.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ К УЧАСТИЮ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ

Аннотация. В статье раскрывается понятие правотворческой инициативы граждан, проводится анализ способов обеспечения активного и результативного участия граждан в процессе прямого правотворчества.

Ключевые слова: правотворческая инициатива, активность граждан, правовая пассивность.

Annotation. The article reveals the notion of law citizens initiatives, examines ways to ensure active and meaningful participation of citizens in the process of direct law-making.

Keywords: the legislative initiative, active citizens, judicial passivity.

Известно, что одним из приоритетных направлений развития современного демократического правового государства и гражданского общества в России является приближение власти к населению. Представляется важным, чтобы данная задача была достигнута в сфере правотворчества на наиболее приближенном к населению уровне власти — муниципальном.

Формы участия населения в осуществлении местного самоуправления связаны с одним из ключевых понятий российского конституционного и муниципального права — категорией народовластия.

Одной из таких форм участия населения в осуществлении власти на местах является правотворческая инициатива граждан.

Правотворческая инициатива граждан — это форма участия населения в осуществлении местного самоуправления, которая заключается во внесении инициативной группой граждан, обладающих активным избирательным правом, проекта муниципального правового акта по вопросам местного значения в орган местного самоуправления или должностному лицу органа местного самоуправления, рассмотрение которого для них является обязательным и по результатам рассмотрения которого должно быть принято официальное мотивированное решение в письменной форме и доведено до сведения всех членов инициативной группы граждан.

Правотворческая инициатива граждан дает возможность жителям муниципального образования непосредственно влиять на принятие муниципальных правовых актов и то, насколько активно граждане

пользуются данной формой народовластия, может являться показателем уровня развития демократии в каждом конкретном муниципальном образовании. Кроме того, активность участия граждан в разработке проектов муниципальных правовых актов является показателем их уровня правового воспитания и образованности, желания принимать самое непосредственное участие в создании наиболее благоприятного проживания в своем муниципальном образовании.

По разным причинам население нашей страны не так активно привлекается к участию в решении вопросов местного значения, как могли бы в силу многочисленных причин, среди которых отсутствие четко определенного механизма реализации правотворческой инициативы, недоверие населения к органам власти, правовой нигилизм граждан, не владение приемами юридической техники (знание которой необходимо при составлении проекта муниципального правового акта) и др.

Эффективность системы местного самоуправления в значительной мере зависит от успешности взаимодействия местного сообщества и власти, конструктивного содержательного диалога, ориентации на совместное решение проблем местной жизни¹.

Такое взаимодействие должно базироваться на взаимной информированности, заинтересованности и готовности обеих сторон к совместному участию в данном процессе. При этом население должно яв-

¹ Сборник лучших практик взаимодействия населения и власти в решении местных проблем / Под ред. К.В. Малова. Новосибирск, 2009. С. 3.

ляться не объектом управления, в ряде случаев только «просителем», ожидающим помощи со стороны органов власти, а равноправным активным субъектом взаимодействия.

Как верно отметил Л. Якокка: «Все управление, в конечном счете, сводится к стимулированию активности других людей»².

В науке муниципального права проводятся исследования об активности граждан в участии управлением муниципальных образований.

Так, интересную статистику о причинах, не позволяющих принимать участие в жизни муниципального образования, представила Е.Е. Горяченко: 1) занятость на работе и дома (46,8%); 2) отсутствие организации (13,2%); 3) возраст (10,8%); 4) плохое здоровье, болезни (9,4%); 5) представители органов власти не прислушиваются к мнению жителей (6,6%); 6) неуверенность в результативности (3,2%); 7) не позволяют личные качества (2,8%); 8) нет средств (1,6%); 9) отсутствие поддержки со стороны других жителей (1%)³.

Из приведенных данных следует, что наиболее распространенными причинами, по которым граждане не участвуют в управлении муниципальным образованием, являются не только занятость на работе и дома, но и отсутствие организации качественного процесса привлечения граждан к осуществлению местного самоуправления. Это свидетельствует как о незаинтересованности органов местного самоуправления в активности граждан, так и самих граждан, которые на муниципальном уровне власти должны самостоятельно проявлять инициативу проведения тех или иных мероприятий на территории муниципального образования.

Следует обратить внимание на то, что ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Закон о местном самоуправлении) предусматривает более 12 форм осуществления населением местного самоуправления и участия в его осуществлении, проведение которых в большинстве иницируются непосредственно населением.

Так, решение о назначении местного референдума принимается представительным органом муниципального образования по инициативе, выдвинутой гражданами РФ, имеющими право на участие в местном референдуме (ст. 22); голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления проводится по инициативе населения; сход граждан может созываться главой муниципального

образования самостоятельно либо по инициативе группы жителей поселения численностью не менее десяти человек (ст. 25); территориальное общественное самоуправление — самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения (ст. 27); публичные слушания проводятся по инициативе населения, представительного органа муниципального образования или главы муниципального образования (ст. 28); собрание граждан проводится по инициативе населения, представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования, а также в случаях, предусмотренных уставом территориального общественного самоуправления (ст. 29); граждане имеют право на индивидуальные и коллективные обращения в органы местного самоуправления (ст. 32).

В ст. 26 Закона о местном самоуправлении закреплено, что с правотворческой инициативой может выступить инициативная группа граждан, обладающих избирательным правом, в порядке, установленном нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования.

Таким образом, из анализа данных статей Закона видно, что по инициативе граждан может проводиться большинство мероприятий на территории муниципального образования, при этом в некоторых статьях указаны и лица, на которых возложена обязанность проведения таких мероприятий (например, в ст. 25: «Проведение схода граждан обеспечивается главой местной администрации»).

В рамках обозначенной темы нельзя не обратить внимание, что согласно ст. 43 ФЗ № 131 актами высшей юридической силы в системе муниципальных правовых актов являются устав муниципального образования и оформленные в виде правовых актов решения, принятые на местном референдуме (сходе граждан). При этом ст. 44 ФЗ № 131 закрепляет, что принятие устава отнесено к ведению представительного органа (и только в поселениях с числом граждан, обладающих избирательным правом менее 100 человек — к ведению схода граждан).

Справедливо считается, что устав муниципального образования обладает учредительной функцией (в меньшей степени, чем Конституция РФ) поскольку

² Якокка Л., Новак У. Карьера менеджера. Мн., 2002. С. 11.

³ Горяченко Е.Е. Население и местная власть: проблемы взаимодействия / Под ред. К.В. Малова. Новосибирск, 2009. С. 23.

именно он придает юридический характер муниципальным правовым отношениям, является основой для дальнейшего муниципального правотворчества, закрепляет структуру и систему органов местного самоуправления, их права и обязанности, пределы ведения муниципального образования. Устав муниципального образования — важнейший организующий нормативный акт, на котором базируются общественные отношения в пределах муниципального образования.

Учитывая особое значение Устава муниципального образования для населения, его можно считать своего рода «маленькой Конституцией», обладающей вторичной учредительной властью, поэтому законодателю необходимо позволить населению самостоятельно принимать свой Устав на референдуме — высшем и непосредственном выражении власти народа. Подобный подход к процедуре принятия Устава, как думается, повысит уровень ответственности и заинтересованности населения к вопросам участия в решении вопросов местного значения.

Исследования показывают, что во многом правовая пассивность граждан объясняется утратой веры в свои силы и возможности что-то изменить, которая возникает, когда участие в жизни общества не оправдывает надежд человека, а также отсутствием времени, интереса, которые обычно связаны с увлеченностью своим делом или удовлетворенностью существующим положением дел в муниципальном образовании, на территории которого он проживает.

К тому же в стране не проводится серьезная работа по информированию граждан об их правах, поэтому граждане не воспринимают себя потенциальными участниками правотворческого процесса⁴.

Решение целого ряда проблем, связанных с привлечением населения к участию в осуществлении местного самоуправления, зависит от органов местного самоуправления, которые призваны разработать формы наиболее эффективного сотрудничества с населением муниципального образования.

Представляется, что такие органы должны обеспечить условия, при которых каждый человек будет иметь реальную возможность влиять на процесс разработки и принятия решений органами и должностными лицами. Такова и позиция законодателя. Для реализации названной задачи могут быть созданы органы местного самоуправления, ответственные за связь с населением муниципального образования.

Распоряжением мэра г. Калининграда от 19 мая 2006 г. № 308-р утверждено Положение об организационном отделе мэрии⁵.

Задачи отдела — организационное обеспечение взаимодействия мэрии с общественными и религиозными объединениями, политическими партиями, воинскими формированиями и правоохранительными органами; организационное содействие развитию органов территориального общественного самоуправления в г. Калининграде и др. Одной из задач таких отделов может стать и оказание методической помощи гражданам при разработке и внесении проекта муниципального правового акта в порядке правотворческой инициативы граждан.

Справедливо отмечает Е.А. Незнамова, что большим шагом в развитии правотворческой инициативы граждан стала бы организация общественных приемных при органах местного самоуправления для оказания квалифицированной юридической помощи местному населению и консультаций по вопросам местного значения, разъяснения законодательных положений о местном самоуправлении, уставов муниципальных образований и других нормативных правовых актов, затрагивающих права граждан⁶.

Таким образом, для обеспечения более широкого и результативного участия граждан в процессе прямого правотворчества предлагается:

- 1) интенсивно развивать связи между самими субъектами непосредственного народовластия;
- 2) организовывать предварительное обсуждение проектов правовых актов на собраниях общественности, по месту жительства;
- 3) публиковать в прессе проекты правовых актов и комментарии к ним, обращений к населению о заинтересованном участии в обсуждении проектов актов и внесении в них необходимых предложений;
- 4) внимательно относиться к предложениям и замечаниям граждан, своевременно их рассматривать, обобщать и учитывать при разработке правовых актов;
- 5) стимулировать рост образованности, общей и правовой культуры населения, что, в свою очередь, будет содействовать компетентному участию его в правотворчестве;
- 6) расширять юридические гарантии и правовые возможности непосредственного участия граждан в разработке и принятии правовых актов.

⁴ Руденко В.Н. Конституционно-правовые проблемы прямой демократии в современном обществе: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 345.

⁵ Распоряжение мэра г. Калининграда от 19 мая 2006 г. № 308-р «Об утверждении Положения об организационном отделе мэрии и должностных инструкций специалистов отдела».

⁶ Незнамова Е.А. Взаимодействие органов местного самоуправления с населением муниципального образования // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2008. № 4.

МЕХАНИЗМ ГАРАНТИЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблематика, связанная с государственно-правовым гарантированием обеспечения прав человека, которая носит сложный и многоаспектный характер, имеет отношение к политическим и социально-экономическим вопросам организации общества и государственной власти как его внутреннего упорядочивающего механизма. Права человека представляют собой основополагающие инструменты обеспечения типичных и социально приемлемых потребностей человека. Однако сами по себе они, по существу, могут носить лишь характер идеологических деклараций, становясь реальным действенным фактором общественной жизни лишь при наличии соответствующих условий и средств, которые и выступают в качестве их гарантий.

Ключевые слова: права человека, гарантии, обеспечение прав личности, государство, защита, реализация.

Annotation. The article focuses on the problems associated with the state-law guaranteeing promotion of human rights, which is a complex and multidimensional nature, is related to the political and socio-economic issues of the organization of society and the government as its internal ordering mechanism. Human rights are fundamental tools to ensure common and socially acceptable human needs. However, by themselves they are, in essence, can only be of the nature of the ideological declarations, becoming a real effective factor in public life only under suitable conditions and means, which act as their guarantees.

Keywords: human rights, guarantees, promotion of human rights, the state, the protection, implementation.

В условиях построения правового государства, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, формирование эффективного механизма гарантирования последних приобретает характер первоочередной задачи. Как отмечает, в частности, И.В. Ростовщиков, «в современных условиях проблема гарантий имеет исключительное значение, приобретает еще большую политическую направленность и остроту, что объясняется важностью реализации идеи естественных прав человека» [4, с. 50].

Отправным моментом при анализе всего круга проблем, касающихся обеспечения прав и свобод личности, является положение о том, что гарантии не являются чем-то внешним и, тем более, второстепенным по отношению к самим правам и свободам. Напротив, они органично присущи указанным правам и составляют один из наиболее значимых элементов их содержания, определяющих их реальность и действенность в системе общественных отношений.

Такой вывод логически вытекает из доминирующего в современной науке понимания прав человека и гражданина как особых субъективных прав [3, с. 230; 8, с. 51; 13, с. 219]. Субъективный характер ос-

новных прав личности, по замечанию Е.А. Лукашевой, — это та очевидная сегодня истина, которая неоднократно оспаривалась в ходе исторического развития и окончательно выкристаллизовалась лишь в начале XX в. [6, с. 221; 5, с. 217—219].

В юридической литературе широко применяется термин «механизм государственно-правового обеспечения прав личности» [1, с. 196—198], который зачастую практически полностью уравнивается с «механизмом государственно-правовой защиты прав личности, а также с категорией «механизм государственно-правовой реализации прав личности».

Однако, на наш взгляд, понятие «обеспечение» следует считать основной категорией, входящей в институт прав человека, так как без обеспечительных мероприятий невозможны ни реализация, ни охрана, ни защита прав и свобод личности. Обеспечение включает в себя широкий комплекс мер законодательного, исполнительного и судебного характера. Соответственно, реализацию, охрану и защиту необходимо рассматривать не иначе, как формы выражения обеспечения прав и свобод личности.

Поэтому применительно к различному роду правовым предписаниям вообще и к правам и свободам

в частности, «обеспечение» следует рассматривать: как создание предварительных условий, выражающихся в нормативном закреплении прав и свобод личности, процесс охраны и защиты прав и свобод граждан; результат деятельности государства, выражающийся в фактической реализации прав и свобод личности. Из этого можно сделать вывод, что система обеспечения прав и свобод личности немыслима вне государства, которое устанавливает общую систему процедур, механизмов, институтов, гарантирующих эти права и свободы. В то же время не редки случаи необоснованной гиперболизации роли государства как чуть ли не единственного гаранта прав и свобод личности.

В общесоциальном смысле механизм определяется как «система движений или событий, а также устройство или приспособление, в котором или посредством которого совершаются эти движения, определяемые законами природы» [11, с. 266]; «система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности» [7, с. 309].

В юридической литературе отмечается, что «характеристика явления или процесса как механизма (в самом широком смысловом значении) предполагает: во-первых, сложность его структурного строения; во-вторых, системность, согласованность организации его элементов; в-третьих, его способность к динамике, к определенной целенаправленной деятельности; в-четвертых, его подверженность самоуправлению либо внешнему управлению» [12, с. 13].

При всем многообразии характеристик главное в любом механизме — это настройка элементов системы. Механизм, собственно говоря, и есть не что иное, как определенным образом настроенная и работающая система.

При уяснении сущности механизма гарантий государственно-правового обеспечения прав личности важно уяснить: во-первых, их материальное содержание, т.е. то, в чем гарантии прав и свобод личности в общем виде находят свое проявление в реальной повседневной действительности; во-вторых, их функциональное назначение, т.е. те задачи, которые призваны выполнять гарантии прав и свобод личности.

Реализация как одна из ключевых форм выражения обеспечения прав и свобод личности предполагает их претворение в жизнь, воплощение в реальную действительность на основе правомерного поведения субъектов. Практически все ученые к первой группе юридических гарантий относят нормы права, устанавливающие основания возникновения тех или иных

прав и свобод, их пределы, порядок реализации, процессуальные процедуры осуществления, включая юридические факты, с которыми оно связывается и т.д.

Таким образом, обязанность государства, возникающая и существующая в связи с предоставлением им прав и свобод своим гражданам, как правило, находит свое выражение в совокупности записанных в законе различных гарантий, т.е. тех условий и возможностей, которые государство может и обязуется создать и представить гражданам для практического осуществления ими провозглашенных государством прав и свобод [1, с. 196—198].

Так, основанием возникновения тех или иных прав и свобод личности может являться сам факт их признания государством и соответствующей нормативно-правовой регламентации. Кроме того, основные права и свободы человека и гражданина закреплены на конституционном уровне как непосредственно действующие, что придает им высшую юридическую силу в отношении правотворческой, правоисполнительной, правоохранительной деятельности всех государственных органов и должностных лиц.

Рассматривая гарантии реализации прав и свобод личности, а точнее их элементы, А.Н. Савицкая и В.Г. Сокуренок указывают, что в это понятие входят: 1) юридические факты, наличие которых необходимо для возникновения субъективного права; 2) средства, определяющие границы субъективного права и пределы его осуществления; 3) средства конкретизации прав, свобод и обязанностей; 4) средства, предусматривающие процессуальные формы осуществления прав и свобод граждан [9, с. 157, 158].

По мнению Н.В. Витрука, в элементный состав указанных гарантий входят закрепленные законодательством: конкретизация пределов (границ) прав, обязанностей и законных интересов; юридические факты, с которыми связывается их реализация; процессуальные формы реализации прав граждан; меры поощрения и льготы.

По поводу второй разновидности юридических гарантий — гарантий защиты — единого мнения в науке также не существует. Вопрос упирается прежде всего в определение самих категорий «охрана» и «защита», которые нередко употребляются без раскрытия содержания и не отражают полностью суть круга правозащитных отношений.

По мнению некоторых авторов, под гарантиями охраны прав и свобод личности в обществе следует понимать нормы, устанавливающие контрольно-надзорные функции государственных органов и органов

общественных организаций, а также нормы предупредительного характера, определяющие степень ответственности обязанных лиц и органов, в случае если их действия или бездействия препятствуют нормальному осуществлению прав и свобод личности. Гарантии защиты имеют непосредственную задачу восстановления уже нарушенных прав, устанавливают и предоставляют меры и средства для их восстановления, т.е. в соответствии с этой позицией до нарушения прав действовали меры охраны, после — меры защиты. Гарантии восстановления нарушенного права рассматриваются здесь через гарантии защиты в едином их смысловом значении. Эта позиция, по мнению К.Б. Толкачева, представляется спорной. Меры защиты прав и свобод не могут применяться после их нарушения, поскольку их уже надо не защищать, а восстанавливать. Под охраной прав и свобод следует понимать состояние правомерной реализации прав и свобод под контролем государственных органов, общественных организаций, должностных лиц, но без их вмешательства. Отрицательные факторы при этом отсутствуют либо незначительны и не требуют включения мер защиты прав и свобод. Меры же защиты прав и свобод действуют в условиях, когда реализация прав и свобод затруднена, но права и свободы еще не нарушены [2, с. 41—45].

Однако более верной, с нашей точки зрения, представляется позиция И.В. Ростовщикова и Х.А. Тимершина, которые, не соглашаясь с этим, считают, что выделение гарантий восстановления прав и свобод является лишь излишним теоретизированием, которое внесет лишь путаницу в существующее понятие, ибо традиционно восстановление нарушенного права полностью охватывалось понятием защиты. Кроме того, не ясно, что же понимают авторы под защитой, характеризуя ее как активное вмешательство в процесс реализации со стороны государственных органов и должностных лиц в целях устранения негативных моментов, затрудняющих или делающих невозможным осуществление личных конституционных прав и свобод.

По нашему мнению, гарантии охраны должны занимать особое место в условиях формирования гражданского общества. Однако сами по себе эти гарантии недостаточны для нейтрализации возможных конфликтов между должностными лицами и гражданами, государственными органами между собой в сфере обеспечения прав и свобод личности.

Таким образом, одним из определяющих критериев различия защиты и охраны является форма дея-

тельности соответствующих субъектов, участвующих в обеспечении прав и свобод. Применение защиты прав и свобод граждан означает активное вмешательство в процесс их реализации со стороны указанных субъектов в целях устранения негативных моментов, затрудняющих или делающих невозможным осуществление прав и свобод, а также их восстановление в случае нарушений. В условиях же действия гарантий охраны деятельность государственных органов, общественных организаций и должностных лиц находит свое выражение, главным образом, в осуществлении контрольно-надзорных функций, в совершении законодательства с учетом развития прав и свобод граждан, в работе по повышению уровня правосознания и др. Ряд авторов придерживаются позиции, согласно которой суть явлений охраны и защиты совершенно одинакова и поэтому нет необходимости выделять соответствующие виды юридических гарантий.

Что же касается самого характера гарантий, то в этом пункте наблюдаются определенные разночтения. Причина этого, по-видимому, кроется в многообразии самих прав и свобод личности и гарантирующих их факторов, что создает известные трудности при выработке универсальной категории, позволяющей отразить сущность гарантирования как такового.

Термин «гарантия» (фр. *garantie*) буквально означает «ручательство»; условие, обеспечивающее что-либо [10, с. 111]. Соответственно, на наш взгляд, под *гарантиями государственно-правового обеспечения* следует понимать *систему специально-юридических средств (инструментов и технологий), которые непосредственно выражают назначение, компетенцию и ответственность государства в сфере обеспечения реализации и защиты прав личности и осуществляются в деятельности его органов и должностных лиц.*

Однако следует подчеркнуть, что, к какой бы видовой группе та или иная гарантия не относилась, она всегда взаимодействует с другой, находящейся в иной видовой группе. В связи с этим было бы не совсем верно противопоставлять одни гарантии другим, преувеличивать либо урезать роль и значение одних перед другими.

Литература

1. Анохин Ю.В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на мат. РФ): Дисс... докт. юрид. наук. Саратов, 2007.
2. Болдырев С.Н. Юридические гарантии обеспечения прав и свобод личности в деятельности ор-

ганов внутренних дел: Дисс... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2001.

3. *Витрук Н. В.* Общая теория правового положения личности. М., 2008.

4. *Комаров С.А., Ростовщиков И.В.* Личность. Права и свободы. Политическая система. СПб., 2002.

5. *Крусс В.И.* Конституционное правопользование и трансформация правовой системы России // Российское правовое государство: Итоги формирования и перспективы развития. Ч. 1. Воронеж, 2004.

6. *Лукашева Е.А.* Право и права человека в нормативной системе общества: Учебник. М., 2001.

7. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1983.

8. *Рудинский Ф.М.* Наука прав человека и проблемы конституционного права. М., 2006.

9. *Савицкая А.Н.* Право. Свобода. Равенство. Львов, 1981.

10. Словарь иностранных слов. М., 1982.

11. *Философский энциклопедический словарь.* М., 2009.

12. *Шундилов К.В.* Правовые механизмы: основы теории // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 12.

13. *Эбзеев Б.С.* Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007.

ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА СУНЦОВА,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук

E-mail: suntsovanelly@mail.ru

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ПРАВКИН,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Московского университета им. С.Ю. Витте, кандидат юридических наук

E-mail: pravkin@bk.ru

ИСТОЧНИКИ ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТЬ СОЕДИНЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ

Аннотация. В статье рассматривается система основных источников российского права, анализируются соотношение национального и международно-правового опыта, приверженность новым моделям построения законодательства и верность существующим правовым традициям.

Ключевые слова: правовая система, система права, источник права, континентальное право, общее право, прецедентное право, конституционализм, судебная практика, коррупция.

Annotation. The article considers the main sources of Russian law, analyzed the national and international legal experience, commitment to new models of building legislation and loyalty with existing legal traditions.

Keywords: legal system, system of law, source of law, continental law, international law, common law, the law of precedent, constitutionalism, judicial practice, corruption.

Всем источникам права присуща формальная определенность — «имманентное свойство права» или «внешнее выражение правовых норм в форме закона или иного нормативного правового акта» [10, с. 54]. Особенно четко данный аспект

источников права проявляется в связи с формой государственного устройства. Законодательное оформление прав придает устойчивость системе институциональных гарантий прав личности. «Считается, что законодательная фиксация прав создает систему гаран-

тий и обеспечивает их беспрепятственное действие. Все, что не запрещено законом, то дозволено» [1, с. 15].

Главная задача исследования состоит в анализе соотношения норм национального и международного права в РФ, в понимании обоснованности выбора той или иной модели правовой системы, допустить действие норм прецедентного права или остаться на позициях романо-германской правовой семьи.

Актуальность проблемы состоит в том, что на современном этапе, несмотря на то, что доктрина отрицает приверженность РФ принципам общего права, в РФ действует определенная практика высших судебных инстанций, выстраивая правоприменительный процесс на основе прецедента. Данная проблема исследовалась в трудах В.П. Звекова, В.Д. Зорькина, С.А. Комарова, М.Н. Марченко, В.С. Нерсисянца и др.

Возможно, решением проблемы будет признание на уровне доктрины действия в РФ правила прецедента и последующее законодательное закрепление этого правила.

Влияние нормативности Конституции, понимание «конституализации» как основы системы источников права связано с выбором определенных моделей развития конституционного законодательства. В настоящее время происходит становление «многоуровневого конституционализма», происходит «более тесное сближение конституционного права и международного права и интенсивное влияние принципов и норм последнего на конституционное законодательство. Недооценка такой тенденции недопустима ввиду расширяющегося участия России в международных организациях и межгосударственных объединениях» [5, с. 55]. Необходимо более четко определить принадлежность конституционной модели законодательства России к уже существующим моделям или определить самостоятельность и автономность национальной правовой системы, в том числе по ее устройству, концептуальному содержанию законодательства, принципам действия источников права и применения международно-правовых норм и т.д.

Российская правовая система в настоящее время пытается соединить противоположные процессуальные основы англо-американской и романо-германской систем, правило прецедента и принципы действия нормативного правового акта. Вопросы, связанные с источниками права, «являются своего рода отправной точкой в процессе познания всех иных правовых институтов и самого права» [6, с. 3]. По ха-

рактеру источников права, по способам их формирования, исторической традиции Россию можно отнести к романо-германской правовой семье (континентального права). Данное право формировалось на основе права христианской традиции синоптической кодификации. «Закон в романо-германском праве никогда не отождествлялся и не отождествляется с правом, а «законопорядок», т.е. порядок, складывающийся на основе строгого и неуклонного соблюдения требований, содержащихся в законе, никогда не рассматривался как синоним «правопорядка» [7, с. 509]. Необходимо указать «на такую отличительную черту и особенность романо-германского права, как ярко выраженную по сравнению с другими правовыми семьями доктринальность и концептуальность» [7, с. 509]. Судебная практика также относится к числу вспомогательных источников. В ряде случаев судебное решение, закрепленное на уровне высших судебных инстанций, приобретает фактическое значение прецедента. Но суд не имеет права на правотворчество. В то же время судебная практика и в этой системе в ряде случаев стала рассматриваться как источник права [8, с. 287].

Правовая система России будет очевидно по содержанию и источникам права сближаться, прежде всего, с семьей романо-германского права, не утрачивая при этом своей самобытности. Кроме того, Россия оказалась восприимчива и к традициям семьи общего (англосаксонского) права, допуская в отдельных случаях в правоприменении и толковании права действие принципа прецедента.

Необходимо также добавить, что Россия — страна с коррупционным прошлым. Борьба с коррупцией во власти — процесс для нее относительно недавний, и пока, к сожалению, не системный. Например, в рамках противодействия такому явлению говорится о необходимости постоянной и системной антикоррупционной экспертизы законодательных актов на предмет их коррупционности, но ничего не говорится об аналогичной проверке актов судебной власти, видимо, придерживаясь при этом позиции, что они основаны на «букве закона» с отрицанием полной их прецедентности.

Известно, что часть коррупционных денег уходит в суды и административные органы [11].

Административные органы, в свою очередь, в отношении судей ведут политику «кнута» и «пряника», наиболее в этом смысле уязвимы мировые судьи. Где необходимо, они могут применить давление со стороны разных органов или должностных лиц, если же

судья покладистый, то могут его как-то поощрить, предоставить квартиру.

«Независимость» судей в том смысле, как она есть сейчас, перешла в полную безнаказанность. Необходимо устранить всякие барьеры, мешающие привлечь к ответственности судью за незаконные действия (бездействие), способствующие злоупотреблениям с его стороны. Почему решение квалификационной коллегии судей субъекта Федерации не может быть обжаловано в вышестоящую инстанцию? Все это приводит к злоупотреблению судебной властью. Сложилась такая ситуация, что у каждого субъекта своя судебная власть и законность, обжаловать незаконные действия судьи возможно только в пределах власти данного региона. В средствах массовой информации уже появилось такое понятие, как правосудие по определенному субъекту Федерации. Многие судьи, понимая данную ситуацию и полную безнаказанность, нередко в судебном заседании выражают открыто явное пренебрежение к участникам судебного процесса, неуважение к требованию закона. Документирование противоправной деятельности сотрудников суда и прокуратуры представляет определенные трудности, связанные с проблемами в действующем законодательстве и корпоративной солидарностью.

Как известно, огромное количество дел в связи с незаконностью принятия судебных решений рассматривается в Европейском суде по правам человека по жалобам наших граждан. Большое количество жалоб удовлетворено в Европейском суде, что подтверждает судебный произвол и нарушение прав человека [11].

Без реформирования судебной системы нельзя решить проблему коррупции и внедрения прецедентного права в России.

Также необходимо указать на то, что Конституция РФ¹ в основном носит переходный характер, что «прослеживается практически во всех ее главах и разделах, но наиболее ярко он проявляется в ее исходных положениях, касающихся различных форм собственности, природных ресурсов, земли и др.» [6, с. 172].

Все международные договоры Российской Федерации согласно Конституции РФ являются составной частью ее правовой системы, но при этом «необходимо учитывать особенности каждого из них и свойственную каждому из них юридическую силу» [6, с. 327]. Юридическая сила международного договора равна юридической силе федерального закона,

в редакции которого он утверждается парламентом РФ. Если эти договоры утверждены указом Президента РФ или постановлением Правительства РФ, то их юридическая сила равна соответственно юридической силе указа или постановления. В данном случае они не обладают верховенством по отношению к национальному законодательству. Они имеют верховенство в данном случае лишь по отношению к указам Президента РФ или постановлениям Правительства РФ [6, с. 328].

Все большее регулирующее значение приобретают декларации и конвенции, кодифицированные акты различных неправительственных организаций и др. С другой стороны, учитывая влияние, нельзя не заметить, что безоговорочный приоритет международных договоров может «поставить свое национальное право в полную зависимость от международного, пусть даже договорного права». Приоритет международных договоров перед национальными законами имеет место лишь в случае их ратификации в форме федерального закона. Согласно смыслу п. 4 ст. 15 Конституции РФ речь идет не о международных договорах вообще, а о надлежаще ратифицированных международных договорах.

Проблема признания судебной практики, т.е. судебного прецедента в качестве источника права в Российской Федерации на сегодняшний момент не решена. Имеют ли суды право разграничивать право и закон, обеспечивая действие принципа верховенства права, остается вопросом. С другой стороны, в производстве, возникающем по делам из публично-правовых отношений, суды разрешают вопросы об оспаривании нормативных правовых актов, отменяя или признавая юридическую силу того или иного акта. Толкуя нормативные правовые акты, суд проверяет их на соответствие Конституции РФ и другим актам. Постановления Пленума Верховного Суда имеют прецедентное значение для нижестоящих инстанций, хотя, впрочем, в данном случае мы имеем дело с прецедентом судебного толкования. Но издание на основе прецедента судебного толкования решения нижестоящим судом некоторым образом превращает его в форму судебного прецедента.

Кроме того, разрешая споры, суды применяют непосредственно Конституцию РФ в случае проти-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ).

воречия ей норм федерального закона или закона субъекта Российской Федерации. Но необходимо учитывать мнение, что отмена законов является прерогативой не судебных, а правотворческих органов, так как решение суда является лишь основанием для отмены акта правотворческим органом [8, с. 39]. С другой стороны, сложилась практика решений, например, Конституционного Суда РФ, который принимает окончательные решения, не подлежащие обжалованию. Эти акты действуют непосредственно, их юридическая сила не может быть преодолена даже повторным принятием того же акта. Решения судов, принятые на основе актов, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены. Правотворческий орган при этом не дублирует решения Конституционного Суда РФ, следовательно, Конституционный Суд РФ может принимать своего рода «правоотрицающие» прецеденты, имеющие последствия по отмене некоторых актов и, соответственно, выражающиеся в признании юридической силы за другими актами, причем в том понимании, какое придает нормам этих актов Конституционный Суд.

Постановления Конституционного Суда РФ носят нормативный характер, а следовательно, также являются источниками российского права. Но необходимо уточнить, что данные прецеденты действуют до того момента, пока правотворческий орган не приведет в соответствие нормативный правовой акт с учетом требований Конституционного Суда РФ. Хотя и в большинстве случаев мы имеем подобные решения прецедентами судебного толкования, по сути, они не отличаются от обычных прецедентов, носящих нормативный характер («правопорождающие» прецеденты). Фактически судебный орган подобным образом указывает законодателю, какую норму, в каком содержании и форме необходимо принять. Формально суд в этом случае не создает закона, но фактически определяет законные рамки и правила той нормы, которую впоследствии должен принять законодатель, учитывая позицию Конституционного Суда.

Необходимо учитывать, что судебское правотворчество связано с восполнением пробелов в праве и конкретизацией (толкованием) законов. Решения судов не могут противоречить законам или отменять закон. Но судебское правотворчество является фактом, оно носит субсидиарный характер, дополняя правотворчество законодательных органов. «Современная судебная власть России, главным образом в

лице Конституционного Суда, фактически уже осуществляет правотворческие функции, и это признается большинством отечественных авторов — теоретиков и практиков» [6, с. 397].

Но формы и виды правотворческой деятельности Конституционного Суда РФ не распространяются на иные полномочия, т.е. не связанные с разрешением споров о праве и официальным толкованием Конституции РФ. В соответствии с Конституцией РФ Верховный Суд РФ имеет право давать разъяснения по вопросам судебной практики. Существует точка зрения, что решения судов, формулируемые в общей форме в постановлениях их высших органов по разъяснению норм законодательства, представляют собой источник гражданского права [2, с. 21]. Суды могут признавать любой акт недействительным, если он не соответствует закону и нарушает законные интересы граждан и юридических лиц. С обновлением российского коллизионного права и включения в него «гибких» коллизионных норм полномочия суда при определении применимого права становятся еще более широкими [3, с. 136]. Все чаще суды в вопросах применения права обращаются к международному праву.

Судебное правотворчество, связанное «с процессом создания индивидуальных правовых норм, самым непосредственным образом ассоциируется с формированием «обязывающего прецедента». Специфичность последнего заключается в том, что содержащееся в судебном решении правило «обязывает не только стороны в конфликте, но и все общество. Творчество суда по отправлению правосудия приобретает тем самым общее действие» [6, с. 402].

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ оценке с точки зрения соответствия закону подлежат акты любого государственного или иного органа (нормативные указы Президента РФ, постановления палат парламента, постановления и распоряжения Правительства РФ, акты органов местного самоуправления, приказы и инструкции министерств и ведомств, руководителей учреждений, организаций и др.). При возникновении проблем в определении соответствия Конституции РФ закона, примененного или подлежащего применению, суд в соответствии со ст. 125 Конституции РФ обращается с запросом в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности закона [3, с. 134].

Доктриной выражается мнение о целесообразности «на официальном уровне, законодательно при-

знать судебное правотворчество за высшими судебными органами, в частности за Конституционным Судом РФ, в качестве одного из способов формирования правовых норм» [9, с. 95].

В связи с наличием двухуровневого законодательства требуется создание более эффективного механизма обеспечения прямого действия Конституции РФ. Необходимо учитывать, что система законодательства связана не только с системой права, но и ориентирована на форму государственного устройства (законодательство федерального уровня и уровня субъектов Федерации) [4, с. 234]. Субъекты Российской Федерации обладают правом законодательной инициативы по отношению к федеральным законам, издаются законы и иные нормативные правовые акты по предметам совместного ведения и исключительной компетенции. Конституция РФ (п. 6 ст. 76) закрепляет принцип верховенства нормативного правового акта субъекта при возникновении противоречий между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта, если этот акт издан по предметам исключительного ведения субъекта. На территории каждого субъекта сложились свои подсистемы нормативных правовых актов (конституции, уставы, законы, договоры, соглашения, указы и распоряжения президентов республик, постановления и распоряжения правительств субъектов и глав администраций). Правотворчество субъектов ограничено рамками Конституции РФ, ФКЗ и ФЗ, действием системы федеральных подзаконных актов по отношению к подзаконным актам субъектов.

Упрочение конституционных основ правовой системы, построенной на взаимодействии властей, включает в себя наиболее последовательное действие принципа субсидиарности в федеративных отношениях, его проявление на государственном, региональном и локальном уровнях. Правомочность субъекта по принятию нормативного правового акта связана прежде всего с соблюдением правотворческой компетенции, правильным выбором предмета законодательного регулирования, с соблюдением формы акта, процедуры подготовки, рассмотрения, принятия и вступления акта в силу.

В современных условиях возрастает значение информативности закона, являющегося коммуникативным средством взаимодействия государства и личности. Необходима дальнейшая работа по детализации отдельных общих положений Конституции в конституционных законах, внося определенность в конституционные установления. «Проводимые в послед-

нее время в России реформы по восстановлению вертикали власти, единого правового поля, совершенствованию федеративного устройства не принесут, на наш взгляд, ощутимых результатов в становлении в нашей стране действительно демократического правового государства, если не будут приняты меры по совершенствованию Конституции РФ» [12, с. 108].

Основной вывод состоит в том, что необходимо учитывать сближение принципов и норм международного и конституционного права и более четко обозначить законодательно приверженность России той или иной модели построения законодательства. Требуется четко отграничить конституционно-правовые и договорные формы взаимодействия между федеральным центром и субъектами Федерации, определить допустимые сферы договорной основы в построении государства и его законодательства, а также сферы, где договорные формы будут полностью исключены.

Литература

1. Глухарева Л.И. Методологические аспекты развития теории прав человека // Государство и право. 2006. №3.
2. Гражданское право России: Курс лекций. Часть первая / Под ред. О.Н. Садикова. М., 1996.
3. Звеков В.П. Международное частное право. М., 2011.
4. Комаров С.А. Общая теория государства и права. СПб., 2001.
5. Конституционное законодательство России / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 1999.
6. Марченко М.Н. Источники права: Учеб. пособие. М., 2005.
7. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М., 2001.
8. Нерсесянц В.С. Судебная практика как источник права. М., 1997.
9. Спектор Е.И. Судебный прецедент как источник права // Журнал российского права. 2003. № 5.
10. Трухин А.М. Формальная определенность уголовной ответственности в уголовном законе // Государство и право. 2006. №3.
11. Шахкелдов Ф.Г. Без реформирования судебной системы нельзя решить проблему коррупции // Российский судья. 2008. № 12.
12. Яценко В.В. Некоторые вопросы конституционного развития Российской Федерации // На пути к правовому государству: трудности и достижения: Сб. мат. Всерос. конф. Курск, 2002.

АБДУЛЖАБАР АГАБАЛАЕВИЧ ЮНУСОВ,

профессор кафедры теории государства и права,
международного и европейского права Академии ФСИН России

E-mail: abdulzhabar@mail.ru

ЭМЗАРИ АБДУЛЖАБАРОВИЧ ЮНУСОВ,

старший преподаватель кафедры теории государства и права,
международного и европейского права Академии ФСИН России

ПОНИМАНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Аннотация. В данной статье анализируются воззрения отечественных юристов относительно принципа справедливости и воплощения его в праве. Показано их отражение в современном российском праве.

Ключевые слова: принцип, категория, справедливость, право, государство, общество, права, обязанности.

Annotation. In this article views of domestic lawyers concerning the principle of justice and its embodiment in the right are analyzed. Their reflection in modern Russian law is shown.

Keywords: principle, category, justice, law, state, society, rights, obligations.

Справедливость — одна из важнейших нравственных проблем современности. Это исторически изменчивое явление, которое в новых условиях приобретает иные качества, изменяется его содержание, оценка. Сложно определить время начала исследования категории «справедливость». Представляется, что человечество не одно столетие занимается ее исследованием в различных областях знаний. Следовательно, рассматриваемая категория может быть признана вечной в плане исследования. Значительное внимание ее изучению уделялось и уделяется в философии. Именно в философской науке появились и нашли свое дальнейшее развитие первые представления о справедливости. В современной философской литературе в большинстве случаев справедливость рассматривается в качестве меры, масштаба, критерия для соотношения, соизмерения явлений, происходящих в обществе.

Специфика понимания справедливости, свойственная русской философско-правовой мысли, характеризует связь последней с понятиями правды и истины. Специфика подобного подхода, с одной стороны, позволяет выявить новые грани понятия «справедливость», а с другой — расширить понимание этого понятия до степени размывания его границ, что может негативно отразиться на разработке в рамках

русской действительности собственного учения о справедливости¹.

Здесь необходимо признать, что справедливость — категория оценочная. То, что представляется справедливостью для одних, часто оборачивается несправедливостью для других. Причем каждая сторона искренне убеждена в искренности и справедливости своей позиции, ее очевидности.

По мнению русского юриста И.В. Михайловского, который верно отметил, что если нарушение законов гражданами есть большое зло, то это зло достигнет наивысшей степени, когда оно совершается властью, т.е. тем самым авторитетом, который санкционировал законы, а следовательно, прежде всего, обязан охранять их. Нет более опасного пути, чем тот путь, на который становится власть, нарушая законы: она теряет свой этический авторитет и начинает опираться на самый ненадежный базис, а именно — на силу. Это с одной стороны, а с другой — такое поведение власти заражает все общество: там теряется драгоценное и ничем не заменимое чувство законно-

¹ Арендаренко А.В. Общеправовой принцип социальной справедливости и его реализация в современном Уголовном праве России (теоретико-правовые аспекты): Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2009. С. 21.

сти и наступает господство случайности, произвола и всеобщего одичания².

Попытка ученых дореволюционной России связать знание и веру, стремление к пониманию истинного бытия мира без нарушения его целостности привела к появлению в российском философском дискурсе такого понятия, как «правда». Русский человек больше ищет не истину, а правду, которую осмысливает то религиозно, то морально, то социально.

Русской философской мысли XIX — начала XX вв. свойствен своеобразный подход к пониманию справедливости, который ярко характеризует связь последней с понятиями правды, истины, а также их производными (вера, любовь, справедливое общество, истинная свобода и др.). Оригинальные идеи и концепции справедливости были выдвинуты в русской социальной науке дореволюционного периода. Если в западной науке прошлого века обращение к вопросу о справедливости характерно для политической экономики, философии и этики, то российская общественная мысль конца XIX в. использовала понятие справедливости в разрешении гносеологических проблем. Священник В. Зеньковский, автор «Истории русской философии» (а вслед за ним философ Н.О. Лосский) отмечал, что в развитии русской философии этика играет особенно большую роль, а «русские мыслители... даже занимаясь областями философии, далекими от этики, как правило, не упускали из поля зрения связь между предметами их исследований и этическими проблемами»³. Концепт правды-справедливости — важная составляющая идеала цельного познания⁴, иными словами, познания как органического всеобъемлющего единства, занимающего значительное место в русской религиозной философии, начиная с И.В. Киреевского, А.С. Хомякова и В.С. Соловьева.

В качестве гносеологического базиса концепции Н.А. Михайловского, как отмечает Б.А. Кистяковский, зачастую выступает «нравственное должествование», категории возможности и невозможности. Справедливость, в отличие от необходимости, не является категорией познания, это категория оценки. Безусловную уверенность в осуществлении того или иного шага общественного развития сообщает, по идее Б.А. Кистяковского, только нравственное чутье и вера в то, что «стремление к наиболее справедливому социальному строю присуще всякому и общеобязательно для всякого»⁵. Экономический материализм, по его мнению, также основан на подобной вере. Итак, конечная стадия всякого социального процесса, по представлению Б.А. Кистяковского, «яв-

ляется всегда одинаково результатом как естественного хода необходимо обусловленных явлений, так и присущего людям стремления к осуществлению справедливости»⁶.

Основателем и самым крупным представителем философии всеединства, оказавшей серьезное влияние на российскую общественную науку XIX — начала XX вв., особенно на таких ее представителей, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, является В.С. Соловьев. Справедливость, по мнению В.С. Соловьева, есть форма любви и может быть достигнута только при свободном единении общества. Степень же подчинения человека обществу должна соответствовать степени подчинения самого общества нравственному добру. В.С. Соловьев писал, что общество представляет собой дополненную или расширенную личность, а личность — сжатое или сосредоточенное общество, и связывал задачу индивидуального совершенства с процессом всемирного единения: только общество, по его мнению, может стать полным осуществлением нравственности⁷.

Представители естественно-правового направления считают справедливость стоящей над позитивным правом. Так, В.С. Нерсисянц полагает, что справедливость имеет правовое значение. Основу справедливости составляет либо божественный порядок, либо законы разума и природа вещей. Думается, что в данном случае следует согласиться с этой точкой зрения, так как справедливость действительно является правовой категорией, область приложения которой не исчерпывается правом.

Изучение взглядов относительно соотношения справедливости и права приводит к выводу о необходимости ее многостороннего рассмотрения. С методологической точки зрения будет верным рассматривать справедливость как идею в праве и как правовой принцип.

Справедливость как идея в праве должна представлять собой тот идеал, к которому должно стремиться право. На основе этой идеи должны формироваться обобщенные представления индивидуумов о том, каким право должно быть. Подобный подход укажет пути совершенствования права в его эволю-

² Государство и право. 2006. № 2. С. 75.

³ Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 471.

⁴ Там же. С. 25, 26.

⁵ Кистяковский Б.А. Категории необходимости и справедливости. М., 1903. С. 147, 148.

⁶ Там же. С. 148.

⁷ Арндаренко А.В. Указ. соч. С. 27.

ции для наиболее полного отражения и защиты интересов и ценностей членов общества.

Многие исследователи отмечают, что представления о справедливости в основном связаны с исторически меняющимися представлениями о должном. Так, с общеправовой точки зрения «справедливость подразумевает требование соответствия между практической ролью человека или социальной группы в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием»⁸. Проблема, однако, состоит в том, что нет абсолютных ценностей, которые могли бы служить эталоном оценки фактов во все времена для всех народов и каждого конкретного человека в отдельности. В экономике для этих целей были придуманы деньги, в юриспруденции — законы. Иными словами, эталоном оказывается «писаное право», «закон», более или менее отождествляемый *vox populi*, в том числе выражающем *vox dei*⁹.

Следует согласиться с мнением Л.С. Явича, что проблема права и справедливости... предполагает трактовку справедливости не как специально-юридического принципа права, выражающего некоторые свойства, стороны самой юридической формы... Можно полагать, что справедливость в этом случае не превращается в свойство права, а тем более не должна трактоваться в качестве его сущности. Она есть принцип правовой системы, без наличия которого право не только теряет свое нравственное основание, но и оказывается дисгармоничным, несбалансированным. Со своей стороны отметим, что как утрата «нравственного основания», так и «дисгармоничность», «несбалансированность» права, отсутствие соблюдения принципа справедливости означают не более, чем утверждение на практике реализации прав одних субъектов в ущерб правам других, т.е. вторжение одних в сферу права других субъектов права или, иными словами, «несправедливость» и злоупотребление правом.

По мнению профессора С.С. Алексева, не точно отождествление права и справедливости, так как сущность права не исчерпывается идеей справедливости¹⁰. Право — это и свобода, равноправие, законность. Справедливость рассматривается не как право в целом, а как один из его общих принципов. В этом качестве справедливость не только взаимодействует с другими отправными началами, но может вступать с ними в известные противоречия. С позиций справедливости каждый преступник должен понести наказа-

ние за содеянное¹¹. Однако уголовному праву известны такие институты, как давность в совершении преступления, амнистия и помилование, позволяющие освободить виновного от наказания полностью или частично. В данном случае обязательность наказания уступает место милосердию, а действие принципа справедливости корректируется с позиции гуманизма¹².

Справедливость как один из основных принципов нравственности, регулирующих совокупность общественных отношений обменного и распределительного типа, сообщающий человеку права и обязанности, представляет собой одно из самых диалогичных, интенционально наполненных понятий общественно-политической практики, полифоничную, постоянно становящуюся идею совершенства общественных отношений, которая призвана лежать в основе государственной политики, принимаемых законодателем законов и разрешения возникающих споров (конфликтов)¹³.

С учетом проведенного анализа можно сказать, что справедливость в отечественной философско-правовой мысли понимается как равенство прав и обязанностей субъектов социальных отношений по их содержанию или общественной ценности, обеспечивающее в процессе правового регулирования их поведения единство интересов человека и общества.

Исходной в области правовых явлений выступает норма права, адекватно отражающая объективные потребности общественного развития, учитывающая оптимальное сочетание интересов участников общественных отношений, государства, индивида, их защищенность. Именно норма права должна быть справедливой, поскольку от нее зависит справедливость иных правовых явлений. Справедливость как определенное качество, присущее праву, отражает объективную основу справедливости в правовой материи. Критерии (признаки) справедливости должны быть выдержаны в нормах права и, естественно, проявляться в конкретных правоотношениях, влиять на правосознание (хотя справедливость как моральная категория присутствует в правосознании и оказывает обратное воздействие на нормы права, на правоотношения).

⁸ Философский словарь. М., 2000. С. 454.

⁹ Сурко Е.В. Принципы права: монография. М., 2008. С. 93.

¹⁰ Теория государства и права / Под ред. С.С. Алексева. М., 1985.

¹¹ Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С. 67.

¹² Там же.

¹³ Арендаренко А.В. Указ. соч. С. 23.

РАБОТА УЧЕБНЫХ КАБИНЕТОВ КРИМИНАЛИСТИКИ В СЛЕДСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА 2013 г.: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье дается обзор работы учебных кабинетов криминалистики СК РФ за 2013 г. Рассматриваются проблемы и направления совершенствования их деятельности.

Ключевые слова: кабинеты криминалистики, Следственный комитет РФ.

Annotation. In article the review of work of educational offices of criminalistics of the Investigative Committee of the Russian Federation for 2013, and also problems and the directions of improvement is given.

Keywords: criminalistics offices, Investigative Committee of the Russian Federation.

Главным управлением криминалистики в соответствии с приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 11 августа 2011 г. № 125 «Об организации работы учебных кабинетов криминалистики в системе Следственного комитета Российской Федерации» проведены обобщение и анализ результатов работы учебных кабинетов криминалистики (далее — кабинеты криминалистики) в системе Следственного комитета РФ (далее — СК России) за 2013 г., которые показали следующее.

Установлено, что следственные органы СК России, в которых по разным причинам кабинеты криминалистики ранее фактически не работали (Байконур, Магаданская, Тульская, Белгородская, Тамбовская и Курская области, республики Адыгея, Башкортостан, Хакасия, Чукотский автономный округ, Приморский край) либо занятия по повышению уровня профессиональной подготовки следователей, следователей-криминалистов, руководителей следственных отделов проводились в необорудованных или непригодных помещениях (Карачаево-Черкесская Республика, Республика Калмыкия), данные недостатки устранили.

В настоящее время имеются проблемы с организацией работы кабинетов криминалистики в Дальневосточном следственном управлении на транспорте (недостаток служебной площади) и в следственном управлении по Республике Северная Осетия — Алания (завершено строительство нового здания, где предусмотрен кабинет криминалистики).

Активно используются возможности кабинетов криминалистики для повышения уровня профессиональной подготовки следователей, следователей-криминалистов, руководителей следственных отделов. Например, в Свердловской области проведено 111 семинарских и практических занятий, в Саратовской области проведено 45 семинарских и 48 практических занятий, 120 консультаций по вопросам, возникающим в ходе следственной работы, в Республике Мордовия проведено 82 занятия, в том числе восемь выездных занятий и один выездной учебный сбор, в Карельской Республике проведено 78 учебно-практических занятий, из которых 29 с выездом в районные и межрайонные следственные отделы, в Ленинградской, Магаданской, Мурманской областях — 69, 47 и 25 учебно-практических занятий соответственно, в Камчатском крае — 22 занятия.

В связи с большой нагрузкой на следователей районных и межрайонных следственных отделов в ряде следственных органов СК России было принято решение об увеличении количества выездных учебно-практических занятий. Например, в Калужской области их было проведено 30, в Ханты-Мансийском автономном округе Югра — 27, в Чеченской Республике — 12, в Иркутской области выездные занятия проведены со следователями в городах Ангарске, Братске, Бодайбо.

В Московской области прошли обучение 108 следователей, в Пермском крае — 82 следователя, в Алтайском крае организована стажировка 51 следователя, впервые назначенных на должность, 38 следова-

телей, имеющих опыт работы, в Иркутской, Нижегородской и Свердловской областях прошли стажировку 56, 68 и 48 следователей и руководителей (заместителей) районных и межрайонных следственных отделов, соответственно, в Кабардино-Балкарской Республике прошли стажировку 44 следователя, впервые назначенные на должности, в Тюменской области прошли обучение 44 сотрудника, из них: 26 следователей, впервые назначенные на должность, 14 следователей, имеющие стаж работы свыше шести месяцев и четыре заместителя руководителя районных и межрайонных следственных отделов, в Ивановской области проведена стажировка 40 следователей, из них: 12 впервые назначенные на должность следователя, пять следователей следственного управления, шесть руководителей районных и межрайонных следственных отделов, десять сотрудников, поставленных в резерв на руководящие должности, семь следователей следственных отделов управления, 11 общественных помощников следователей.

Недостаточно используют возможности кабинетов криминалистики в Смоленской области, где за 2013 г. прошли обучение лишь шесть следователей, в Западно-Сибирском следственном управлении на транспорте — 11 сотрудников управления, а в Липецкой — 12 сотрудников, впервые назначенные на должность следователя.

Заслуживает внимания практика обеспечения следователей, прошедших курсы повышения квалификации, учебно-методическими материалами, научно обоснованными апробированными рекомендациями с использованием отечественного и зарубежного положительного опыта организации, методики и тактики предварительного следствия, новейших разработок в сфере судебной экспертизы, изменений в законодательстве и судебной практике.

До настоящего времени в отдельных следственных органах СК России кабинеты криминалистики были организованы не в зданиях, занимаемых следственным органом СК России, либо вообще располагались в других населенных пунктах.

Например, в Республике Бурятия, в Брянской и Саратовской областях кабинеты криминалистики находятся не в здании следственного органа СК России, в Республике Хакасия — в г. Черногорске, в Псковской области — в г. Острове, расположенном в 50 км от г. Пскова.

Подобное территориальное расположение учебных кабинетов криминалистики существенно снижает эффективность их использования.

В следственных органах СК России продуктивно используется в повышении квалификации следователей компьютерная программа «Виртуальный осмотр места происшествия: Учебно-методический комплекс» (информационное письмо «О внедрении положительного опыта» от 13 августа 2012 г. № 214/1-28507-12). Так, в Республике Татарстан прошли обучение по этой программе 49 сотрудников, впервые назначенных следователями, в Ленинградской, Нижегородской, Омской, Саратовской областях — 19, 23, 20 и 29 следователей соответственно.

В большинстве кабинетов криминалистики созданы необходимые условия для самостоятельного повышения квалификации следователей и следователей-криминалистов: имеется в достаточном количестве юридическая литература, собраны и систематизированы методические рекомендации, практические пособия, учебные видеофильмы, видеозаписи следственных действий, имеется выход в Интернет, представлена возможность работать с правовыми системами «Гарант», «Консультант» и т.д. (Красноярский край, Белгородская, Ростовская, Рязанская, Ульяновская, Тверская области, Западно-Сибирское следственное управление на транспорте, Удмуртская Республика и др.).

Получила дальнейшее развитие практика создания и использования криминалистических полигонов (расположенных в отдельном помещении) для проведения практических занятий по производству следственных действий, в том числе с применением криминалистической техники (Волгоградская, Воронежская, Магаданская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская области, Хабаровский край, Республика Карелия), а также проводятся практические занятия на полигонах органов внутренних дел, ФСБ России, Минобороны России и МЧС России с привлечением сотрудников указанных министерств и ведомств, работников транспортной сферы, экспертных учреждений и т.д. (Московское межрегиональное следственное управление на транспорте, Южное следственное управление на транспорте, Иркутская область).

На криминалистических полигонах оборудуются комнаты для проведения опознания в условиях, включающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, с применением технических средств и программ для изменения голоса (Чувашская Республика, Еврейская автономная область, Воронежская, Сахалинская области).

В Ханты-Мансийском округе (в связи с большими расстояниями и сложностью прибытия в след-

ственное управление) создали два криминалистических полигона (один — в следственном управлении, другой — в г. Сургут). В следственном управлении по Свердловской области организован филиал учебного кабинета криминалистики в г. Нижний Тагил.

Существенно вырос уровень взаимодействия следственных органов СК России с министерствами и ведомствами, зарубежными правоохранительными органами, институтом повышения квалификации СК России (филиалами), иными высшими учебными заведениями в использовании их потенциала в целях повышения квалификации следователей и следователей-криминалистов.

Например, следственным управлением по Мурманской области налажено тесное сотрудничество с военно-следственным управлением по Северному флоту и Северо-Западным следственным управлением на транспорте. В рамках этого взаимодействия следователи управлений принимают участие в семинарах, проводимых следственным управлением по Мурманской области, в свою очередь сотрудники следственного управления по Мурманской области участвуют в стажировках и учебных сборах, проводимых военно-следственным управлением по Северному флоту и Северо-Западным следственным управлением на транспорте.

В учебном кабинете криминалистики в следственном управлении по Республике Карелия с использованием опыта работы криминальной полиции Финляндской Республики оборудован стенд, посвященный изъятию и упаковке материальных следов с места происшествия.

Сотрудниками отдела криминалистики следственного управления по Республике Бурятия совместно с кафедрой уголовного права и криминологии, а также студентами клуба «Будущий следователь» юридического факультета Бурятского государственного университета на базе учебного кабинета криминалистики подготовили 16 учебно-методических видеофильмов по различным вопросам следственной работы.

Значительное внимание обучению следователей и следователей-криминалистов применению криминалистической техники при производстве следственных действий уделяется в Белгородской области (все следователи следственного управления сдали зачеты по применению криминалистической техники при производстве следственных действий), а также в Красноярском крае, в Ивановской, Иркутской, Мурманской, Тюменской областях, в Южном следственном управлении на транспорте.

В то же время в Новгородской области проведено всего лишь два практических занятия со следователями-криминалистами по работе с криминалистической и специальной техникой, в Костромской области проведен один практический семинар, в Чеченской Республике не было проведено ни одного практического занятия со следователями и следователями-криминалистами по работе с криминалистической и специальной техникой.

В ряде следственных органов СК России работа по формированию фондов учебно-методических материалов, приобретению юридической научной и справочной литературы, подготовке методических и наглядных пособий и материалов по использованию технических средств обучения, дидактического раздаточного материала и приобретению криминалистической и иной техники организована не на должном уровне (Белгородская, Брянская, Вологодская, Ленинградская, Новгородская области).

Не везде своевременно и в полном объеме оформляется документация, предусмотренная в кабинете криминалистики, слабой остается их материально-техническая оснащенность.

Анализ работы кабинетов криминалистики позволил выявить положительный опыт работы следственных органов СК России по повышению квалификации следователей, следователей-криминалистов, руководителей следственных отделов, в том числе с применением новых форм проведения занятий.

Например, в Вологодской области картотека учебно-методических материалов создана в программе Microsoft Excel и размещена на сервере следственного управления. Это позволяет сотрудникам следственного управления, а также следователям следственных подразделений с рабочего места оперативно находить необходимые материалы по ссылкам.

В этом же следственном органе СК России в составе учебного кабинета криминалистики создан учебно-методический центр, в котором предусмотрено обучение сотрудников, впервые принятых на должность следователя, следователей перед первой аттестацией, следователей, имеющих опыт работы свыше трех лет, заместителей руководителей следственных отделов.

Развивается дистанционный метод обучения. Так, в июне 2013 г. Главным управлением криминалистики с помощью программы Skype проведено практическое занятие с сотрудниками подразделения криминалистики главного следственного управления по Красноярскому краю по применению комплекта

криминалистического оборудования «Источник криминалистического света».

В Тюменской области разработан «Электронный наставник следователя», в котором по тематике размещены методические рекомендации по расследованию преступлений, новейшие разработки в сфере судебных экспертиз, положительный опыт расследования преступлений, материалы судебной практики, а также обвинительные заключения по большинству составов преступлений и другие необходимые для следственной работы процессуальные документы.

В Пензенской области продолжается практика обучения следователей работе с цифровым диктофоном и программой компьютерного стенографирования «Транскрайбер-Word» для изготовления протоколов следственных действий, а также с программами Microsoft Visio и Word для составления приложений к протоколу осмотра места происшествия: схем, планов, фототаблиц с кадрами цифровой фотосъемки.

Исходя из анализа выявленных недостатков, а также положительного опыта, приведенных в обзоре, следует считать, что мерами, способствующими повышению эффективности использования учебных кабинетов криминалистики, являются:

- взаимодействие с вновь созданной ГКОУ ВО «Академия Следственного комитета России» (филиалами), с высшими учебными, научно-исследовательскими и экспертными учреждениями других министерств и ведомств, органами прокуратуры, ФСБ России, судами. Использование их научного, практического, технического и методического потенциала;
- межрегиональное сотрудничество следственных органов СК России в целях обмена положительным опытом работы по повышению эффективности работы кабинетов криминалистики;
- обучение вновь назначенных следователей по типовым программам в течение не менее двух недель с принятием зачетов (уделив особое внимание тактике осмотра места происшествия, применению криминалистической и иной техники для выявления, фиксации, изъятия и упаковке следов, а также его процессуальному оформлению);
- организация в следственном органе СК России в течение 2014 г. обучения всех следователей-криминалистов, находящихся в составе следственных подразделений (уделив особое внимание тактике осмотра места происшествия, применению криминалистической и иной техники для выявления, фиксации, изъятия и упаковки следов, а также назначению судебных экспертиз);

- организация на сайте следственного органа СК России странички кабинета криминалистики, в котором систематически планируется размещать планы и результаты его работы по повышению квалификации сотрудников следственного органа СК России, обзоры положительного опыта расследования преступлений, а также другие необходимые материалы;

- обеспечение удаленного доступа (с использованием Интернета) для самостоятельного повышения квалификации следователей и следователей-криминалистов следственных подразделений к нормативно-правовой документации, методическим, аналитическим и иным материалам следственного органа СК России;

- проведение индивидуальных стажировок сотрудников подразделений криминалистики следственного органа СК России в Главном управлении криминалистики, а также в главных следственных управлениях СК России (согласование планов и сроков их проведения с подразделением СК России, где эта стажировка планируется обязательно);

- внедрение в 2014 г. в учебный процесс повышения квалификации следователей и следователей-криминалистов новой компьютерной программы «Виртуальный обыск: Учебно-методический комплекс», а также новой версии компьютерной программы «Виртуальный осмотр места происшествия: Учебно-методический комплекс»;

- проверка работы учебных кабинетов криминалистики в ходе командировок сотрудников Главного управления криминалистики в следственные органы СК России;

- развитие дистанционного метода, который позволяет сотрудникам подразделений криминалистики следственного органа СК России обучать следователей и следователей-криминалистов следственных подразделений, находящихся в местах дислокации;

- проведение учебно-практических занятий с выездом в следственные подразделения следственного органа СК России;

- оснащение учебных кабинетов криминалистики согласно Типовому табелю материально-технического оснащения учебных кабинетов криминалистики в системе Следственного комитета Российской Федерации (приложение к приказу Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 11 августа 2011 г. № 125 «Об организации работы учебных кабинетов криминалистики в системе Следственного комитета Российской Федерации»).

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА КУРНЫШЕВА,
заместитель директора Института повышения квалификации
ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»,
декан Четвертого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Нижний Новгород),
кандидат педагогических наук, Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации
E-mail: ask_rf@mail.ru

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В СТЕНАХ АКАДЕМИИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Анализ российского законодательства и практика сегодняшнего дня показывают, что переоценка ценностей, возрождение гражданских, а также патриотических взглядов и убеждений достигаются единством систем обучения и воспитания.

Ключевые слова: образование, воспитание, патриотизм, патриотическое воспитание.

Annotation. Analysis of Russian legislation and practice today indicates that a reassessment of values, the revival of civic and patriotic attitudes and belief systems achieved the unity of training and education.

Keywords: education, education, patriotism, patriotic education.

Созданный в системе федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия Следственного комитета Российской Федерации» четвертый факультет повышения квалификации (с дислокацией в г. Нижний Новгород) (далее — факультет) реализует дополнительное образование сотрудников следственных органов системы Следственного комитета РФ (далее — СК), территориально расположенных в Приволжском федеральном округе.

Осуществляемая факультетом образовательная деятельность представлена различными ее видами, в первую очередь, педагогической и воспитательной.

Образование и воспитание — основа социума, именно они обуславливают эффективность всех элементов и факторов общественного прогресса.

Воспитание возникло вместе с человеческим обществом и существует, пока живет общество. Оно необходимо, так как является одним из важнейших средств обеспечения существования и преемственности поколений, подготовки производительных сил и развития общества [1, с. 10].

Важнейшей проблемой современного образования является восстановление единства систем обучения и воспитания, что всегда было особенностью российского образования. Это подчеркнул и Президент РФ В.В. Путин, выступая в Краснодаре 12 сентября 2012 г. на встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи: «Нам необходимо в полной мере использовать лучший

опыт воспитания и просвещения, который был и в Российской империи, и в Советском Союзе».

Таким образом, судьба молодого поколения в значительной мере зависит от устойчивого функционирования взаимосвязанных систем образования и воспитания, определяющих нравственные ориентиры, дающие знания и прочную духовную опору на подлинные, а не мнимые жизненные ценности, формирующие гражданственность и патриотизм.

Не секрет, что сегодня в России отношение к патриотизму неоднозначное, это связано в основном с изменениями ценностей современной молодежи. Поэтому особую роль приобретает воспитание истинного патриотизма, определение которому дано Президентом РФ на встрече в Краснодаре: «Это уважение к своей истории и традициям, духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на территории России. Это ответственность за свою страну и ее будущее».

Правовой основой патриотического воспитания на современном этапе в первую очередь являются: Конституция РФ, ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», «О ветеранах», «О днях воинской славы и победных датах России», «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и др., в том числе «О Следственном комитете Российской Федерации».

Вопросы патриотического воспитания молодежи, поднятые Президентом РФ В.В. Путиным, на-

ходят отражение и в концептуальных нормативных документах Российской Федерации.

Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666, одним из приоритетных направлений выделяет патриотическое воспитание граждан РФ (далее — Стратегия).

Стратегия разработана с учетом преемственности основных положений Концепции государственной национальной политики РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909, реализация которой и позволила в основном создать систему патриотического воспитания, определить пути совершенствования ее организации.

В настоящее время функционирование указанной системы осуществляется на базе государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011—2015 гг.» (далее — программа), утвержденной постановлением Правительства РФ от 5 октября 2010 г. № 795.

Вышеназванными актами определяется решение задачи государственной национальной политики РФ в сфере патриотического воспитания по формированию общероссийского гражданского самосознания, чувства патриотизма, гражданской ответственности, гордости за историю страны, воспитанию культуры межнационального общения, основанной на толерантности, уважении чести и национального достоинства граждан, духовных и нравственных ценностей народов России.

Служба в Следственном комитете в нашем сознании ассоциируется со словом «честь», так как она связана с такими понятиями, как «честь мундира», «честь офицера», «уважение чести и достоинства личности». По В. Далю, «честь — это внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть». Именно на этих понятиях основываются морально-нравственные нормы следственной деятельности. С учетом этого патриотическое воспитание сотрудников Следственного комитета рассматривается нами и как воспитание соответствующих следственной работе морально-нравственных качеств.

Важным источником пополнения кадрового состава Следственного комитета были и остаются молодые люди, чье представление о патриотизме мало чем отличаются от их сверстников.

Созданная в Следственном комитете система непрерывного образования позволяет при дополнительном его получении не только повышать квали-

фикацию сотрудников, но и проводить работу по их патриотическому воспитанию.

Следуя традициям российского образования и основываясь на государственной национальной политике РФ, сотрудники Четвертого факультета уделяют повышенное внимание вопросам обучения и патриотического воспитания слушателей.

Для проведения мероприятий патриотической направленности на факультете используется весь имеющийся потенциал — государственная символика, аудиторная площадка, музей, видеотека и наглядная агитация. На факультете реализуются традиционные, хорошо зарекомендовавшие себя в прошлом и современные формы воспитательной и преподавательской работы. В учебных аудиториях представлена государственная символика Российской Федерации.

С целью реализации учебно-теоретических основ патриотического воспитания в учебно-тематический план программ курсов повышения квалификации включены занятия по темам: «Нормативная правовая база, регулирующая деятельность следственных органов», «Профилактика коррупционных правонарушений», «Актуальные изменения в уголовном, уголовно-процессуальном и ином законодательстве», «Психологические аспекты деятельности следственной работы. Психология общения. Коммуникативная компетентность», «Методы преодоления противодействия, оказываемого участниками уголовного судопроизводства», «Практика Европейского суда по правам человека при обеспечении разумных сроков уголовного судопроизводства на досудебной стадии. Проблемы исчисления сроков предварительного следствия», «Основные правовые, организационные меры по профилактике дорожно-транспортных правонарушений», «Укрепление исполнительской дисциплины», «Основные положения Кодекса этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета России».

По теме «Профессиональная честь, мастерство, неподкупность, моральная чистота и скромность — традиции сотрудников Следственного комитета России» занятие сопровождается демонстрацией документальных фильмов «Честь мундира» и «Убит следователь».

В стенах факультета функционирует музей криминалистики, который представлен экспонатами, собранными с помощью следственного управления СК РФ по Нижегородской области и ветеранов прокурорско-следственных органов. Экспозиции разделены на две части: одна посвящена истории крими-

налистики, другая рассказывает о жизни и деятельности бывшего начальника следственного управления, заместителя прокурора Горьковской области, Заслуженного юриста РФ, кандидата юридических наук, доцента, Почетного ветерана Прокуратуры РФ, почетного гражданина Нижегородской области, автора знаменитых «Типовых версий при раскрытии и расследовании убийств, совершенных в условиях неочевидности», Л.Г. Видонова, который 56 лет жизни посвятил проблеме раскрытия убийств.

Представленные экспозиции наглядно показывают современным следователям, в каких условиях и с какой техникой работали их коллеги ранее и какие сложные раскрывали и расследовали дела, воспитывая уважение к опыту прошлого.

Самым ярким мероприятием в воспитании патриотизма с нашей точки зрения является традиционно проводимая встреча за «круглым столом» с ветеранами следственных органов — в прошлом прокурором Нижегородской области Ю.Н. Щербаковым, следователем по особо важным делам К.М. Серебрянниковым, прокурором г. Дзержинска Ю.М. Майоровым, прокурором Ленинского района г. Нижнего Новгорода Л.С. Земсковой и старшим следователем по особо важным делам В.А. Воронковым.

Встреча с опытными профессионалами, верными выбранной в молодости, нелегкой профессии следователя, показывает не только живучесть преемственности поколений, но и раскрывает этапы становления российского следствия на примерах конкретных человеческих судеб. Во время таких встреч знакомство с людьми, соприкасающимися с уже историческими для молодых следователей периодами следственной работы, играет важную роль в формировании профессиональных качеств следователя.

Большой интерес сотрудники следственных органов проявляют к видеолекции Л.Г. Видонова на тему «Криминалистическая характеристика преступлений, расследуемых следователями СК России. Источники получения и анализ криминалистически значимой информации», с которой Леонид Георгиевич выступал перед слушателями факультета до последних дней своей жизни.

Исходя из традиций народов России хранить и беречь память о защитниках Родины, тех, кто отдал свои жизни в борьбе за ее свободу и независимость, второй год на факультете проводится торжественное мероприятие, посвященное Дню Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. В этот день демонстрируется цикл документальных фильмов «По

зову правды» о подвиге нашего народа в те суровые годы, проходит встреча с участниками Великой Отечественной войны, детьми военного времени.

Слушатели знакомятся с судьбой нижегородских прокурорско-следственных работников, участников Великой Отечественной войны, ракетчика В.А. Орловского, военного прокурора г. Берлина К.М. Чистякова, разведчика И.А. Копейкина и др., информация о которых размещена на стенде в фойе факультета.

На наш взгляд, важнейшим фактором, требующим изменения подхода к патриотическому воспитанию, является создание условий для непосредственного включения следователей в жизнь общества через развитие у них патриотических чувств. С этой целью в мае каждого года слушателям предлагается подготовить для опубликования в журнале «Вестник Нижегородского факультета» очерк о ветеранах Великой Отечественной войны и следственных органов. С большим уважением к историческому прошлому и гордостью за своих земляков слушатели рассказали о ветеране Великой Отечественной войны и следствия Ульяновской области А.И. Червякове, ветеране следствия Оренбургской области Р.В. Белугиной, о ветеранах Великой Отечественной войны и следствия Самарской области В.Г. Синицыной и М.А. Кабанове, ветеране Великой Отечественной войны и следствия Чувашской Республики С.П. Павлове и др.

Мероприятия, посвященные Дню Победы, направлены на достижение поставленной цели — показать любовь к Родине, массовый героизм и твердость духа людей, которые ценою собственной жизни и здоровья отстаивали независимость и свободу своей страны, уважение памяти павших и живых за их мужество и стойкость в борьбе с фашизмом.

По нашему мнению, проводимая воспитательная работа, формирует позитивное отношение к службе в органах Следственного комитета; способствует развитию познавательного интереса к профессии, активному освоению методик проведения следственных действий; оказывает положительное влияние на совершенствование профессиональной деятельности и саморазвития; способствует привлечению сотрудников к решению общегосударственных и ведомственных задач, умению действовать в соответствии с национальными интересами России, формированию патриотического сознания, верности Отечеству, готовности к выполнению конституционных и служебных обязанностей.

В заключение хотелось бы напомнить высказывание Председателя Следственного комитета Россий-

ской Федерации А.И. Бастрыкина, данное в интервью газете «Известия» 7 октября 2010 г.: «Сегодня мы имеем уникальный шанс создать новую, высокоэффективную структуру, в которой профессионализм будет идти рука об руку с такими понятиями, как нравственность, честь и служба Отечеству».

Следуя позиции руководителя СК РФ, ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации» направляет учебно-воспитательный процесс в такое русло, чтобы не только повысить знания

сотрудников следственных органов в области уголовно-правовых дисциплин, но и воспитывать в духе уважения к закону, справедливости, приверженности к следственной работе, патриотизма как нравственной основы формирования их жизненных устоев.

Литература

1. Кванина В.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере высшего профессионального образования: Моногр. М., 2005.

ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЦВЕТКОВ,

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой менеджмента деятельности следственного органа Академии Следственного комитета Российской Федерации
E-mail: ask_rf@mail.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ В СИСТЕМЕ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Предпринята попытка в формулировании основы целостной стратегии образовательной и научно-исследовательской деятельности в системе СК РФ, исходя из понимания ее миссии и основных принципов.

Ключевые слова: образование, следователь, юридическое мышление, научная школа, научно-исследовательская программа.

Annotation. In the article attempt to formulate the basis of a holistic strategy for educational and scientific-research activity in the system of the Investigative Committee of the Russian Federation, based on the understanding of its mission and core principles.

Keywords: education, investigator, legal thinking, scientific school, scientific-research program.

Гражданин, впервые назначаемый на должность следователя, принимает присягу, обещая совершенствовать свое профессиональное мастерство. Данное обязательство, предусмотренное ст. 19 ФЗ от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», не является пустой формальностью. Оно обусловлено объективными потребностями общества и государства в высококвалифицированных и конкурентоспособных кадрах следственных органов, готовых в условиях стремительного научно-технического прогресса достойно ответить на вызовы преступности, принявшей во многих своих аспектах профессиональный, организованный и транснациональный характер.

Следователей СК России по штату должно быть 8816, т.е. 41,7% общей штатной численности СК. Число работающих следователей на 1 января 2014 г. — 7801 человек, что указывает на укомплектованность ведомства следственными кадрами на 88,48%. Основ-

ную часть следователей составляют сотрудники со стажем работы в СК и органах прокуратуры до одного года (18,3%) и от одного года до трех лет (33,5%)¹. При таких обстоятельствах выработка эффективной стратегии в сфере образования и профессиональной подготовки следственных кадров является не просто приоритетным, но жизненно важным направлением деятельности для дальнейшей судьбы всей системы.

В целях обеспечения высокого профессионального уровня сотрудников СК России в ст. 34 Закона предусмотрена система их подготовки, переподготовки и повышения квалификации. Последнее является служебной обязанностью следователя. Отношение к учебе и рост профессионализма учитываются при решении вопросов о соответствии сотрудника

¹ Материалы к расширенному заседанию коллегии СК России «Об итогах работы следственных органов СК России за 2013 г. и задачах на 2014 г.». М., 2014. С. 63, 64.

СК России занимаемой должности, его поощрении и продвижении по службе.

Законодательный ресурс Следственного комитета в образовательной сфере находится в настоящее время в фазе наиболее интенсивной реализации. В системе СК России действуют два образовательных учреждения — Кадетское училище им. Александра Невского и Академия, созданная распоряжением Правительства РФ от 27 января 2014 г. на базе Института повышения квалификации (далее — ИПК СК России).

В Кадетском училище реализуется программа среднего (полного) общего образования, нацеленного на раннюю профессиональную ориентацию кадетов на получение высшего юридического образования и последующую службу в следственных органах. Академия СК России, в свою очередь, замыкает полный образовательный и научно-исследовательский цикл по юридическим наукам: высшее образование (специалитет), магистратура, аспирантура, профессиональная переподготовка и повышение квалификации сотрудников следственных органов, а также проведение фундаментальных и прикладных научных исследований по основным направлениям следственной деятельности.

Какова стратегическая цель или, используя традиционную терминологию менеджмента, миссия образовательной деятельности в системе СК России? Казалось бы, ответ очевиден: миссия образовательной деятельности в следственных органах точно такая же, как и в любой другой социальной системе — осуществлять просвещение. Но что такое просвещение, тем более применительно к будущему или действующему следователю? Совершенно неожиданный по своей свежести ответ дает нам И. Кант. «Просвещение — это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие — это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине имеет причиной не недостаток рассудка, а недостаток решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-либо другого», — такое глубокое понимание смысла образовательной деятельности мы находим у основателя немецкой классической философии².

В кантианском дискурсе становится понятным, что пресловутая процессуальная самостоятельность следователя есть некий правовой аналог того самого «совершеннолетия», о котором писал философ как о результате просвещения. Ведь для того чтобы быть

способным пользоваться процессуальной самостоятельностью, необходимо достичь «совершеннолетия», которое, в свою очередь, есть результат просвещения. В какой же момент можно говорить не просто о следователе, а о просвещенном следователе как некой идеальной модели, на которую должна быть ориентирована образовательная деятельность в системе СК России? Тогда ли, когда он будет обладать внушительным набором знаний в области новейшего законодательства и криминалистической техники? Думается, нет, хотя и это само по себе было бы весьма неплохим достижением. Тогда где же тот критерий, по которому можно отделить просвещенного следователя от непросвещенного? Увидеть эту грань поможет следующий пример.

На одном из моих семинаров следователь со стажем работы свыше одного года, производивший, кстати, впечатление образованного и весьма основательного человека, вполне откровенно заявил, что единственным эффективным средством раскрытия преступлений, совершенных в условиях неочевидности, считает пытку. Однако на вопрос о том, допускает ли он ее применение по отношению к самому себе, слушатель дал отрицательный ответ в самой категоричной форме.

Несмотря на то, что следователь, убежденный в исключительной эффективности пытки, обладал приемлемым багажом современных теоретических и практических знаний, его мышление осталось на уровне следователя начала XVIII в. Вот характерная выдержка из Именного указа Петра Великого от 25 июля 1713 г. о создании первой следственной канцелярии: «И буде дойдет кто до пытки, и пытать, не дружа и не мстя никому и не опасаясь в том никого, как честному и доброму человеку надлежит».

Много ли изменилось спустя три столетия после издания этого исторического указа? Небезызвестный представитель нижегородской школы процессуалистов профессор А.С. Александров, проведя опрос среди сотрудников органов внутренних дел, сообщает, что 17,4% опрошенных применяют в своей работе физическое, а 28,8% — психическое насилие по отношению к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений с целью получения от них информации. Со свойственной постмодернисту игривостью нижегородский процессуалист делает на основании полученных им данных вывод о том, что «пытка есть

² Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? Собр. соч. В 8 т. Т. 8. М., 1994. С. 28.

элемент культуры (искусства) уголовного судопроизводства в современной России»³.

Случаи применения пытки в деятельности органов внутренних дел зачастую поражают одной удивительной особенностью: пытка применяется даже в тех случаях, где, казалось бы, преступление может быть раскрыто путем самых элементарных розыскных мероприятий и где доказательства, достаточные для изобличения виновного, лежат на поверхности. Почему это происходит? Ответ очевиден: из-за незнания элементарных основ оперативно-розыскной тактики и криминалистической методики, помноженного на нежелание получать эти знания в условиях, при которых можно с тем же успехом следовать по веками проторенному «царскому» пути в доказывании. Это и есть несовершенство в кантианском понимании — такому служащему, будь то оперативный работник или следователь, предоставить процессуальную или какую-то иную самостоятельность было бы верхом безрассудства.

Следователь XXI в., если и мыслит самостоятельно, то мыслит не как юрист, а в лучшем случае как инквизитор — вот в чем основной вызов, стоящий перед системой образовательных учреждений СК России. Таким образом, **миссией образовательной деятельности в системе Следственного комитета является не что иное, как формирование у следователя юридического мышления.** Обладая таким мышлением, следователь сможет самостоятельно сориентироваться в огромном массиве новейшего законодательства, и, что самое главное, уже на начальной стадии следствия правильно разглядеть предмет доказывания и подобрать наиболее эффективные криминалистические инструменты его фиксации.

В настоящее время можно выделить три основных формы повышения следователем своей квалификации: 1) учеба в ИПК Академии СК России; 2) обучение на базе следственного органа — в форме стажировки, временного исполнения обязанностей по вышестоящей должности, наставничества, участия в научно-практических мероприятиях; 3) самосовершенствование (контроль изменений законодательства, изучение научной и методической литературы, обзоров судебно-следственной практики, внедрение новых технологий в профессиональной деятельности).

В 2013 г. в ИПК СК России прошли обучение 3673 сотрудника следственных органов. Можем ли мы с уверенностью утверждать, что каждому из них за две или три недели повышения квалификации удалось сформировать юридическое мышление, если в

течение предыдущих пяти лет учебы в вузе этой цели добиться не удалось? Вопрос риторический.

Повышение квалификации — непрерывный процесс профессионального развития следователя, и прекращение этого процесса может служить симптомом наиболее злокачественной формы профессиональной деструкции — профессионального выгорания. Декан Екатеринбургского факультета ИПК Академии СК России профессор В.Н. Карагодин, проанализировав свой многолетний опыт работы в сфере повышения квалификации сотрудников следственных органов, пришел к неутешительному выводу о крайне слабой мотивации следователей к развитию своей профессиональной компетентности. Истоки такого отношения профессор усматривает в изъянах среднего и высшего образования современных следователей, при получении которого у последних не было сформировано устойчивого интереса к самосовершенствованию⁴. Вместе с тем, представляется весьма логичным и другое объяснение данного феномена — повышение квалификации и развитие профессиональных навыков следователя не увязано в единый и неразрывный механизм с продвижением следователя по службе. Не сформирована такая система, при которой рост по служебной лестнице был бы напрямую привязан к росту квалификации и профессионализма следователя, и наоборот, рост квалификации и профессионализма автоматически приводил бы к продвижению следователя по службе.

Развернутую классификацию факторов мотивации к обучению и повышению квалификации дал один из основателей российской научной школы управления персоналом профессор В.И. Герчиков (табл. 1)⁵.

Обобщая данные, содержащиеся в таблице В.И. Герчикова, можно вывести основную закономерность: система обучения и повышения квалификации станет эффективной тогда и только тогда, когда ее результаты будут находиться в прямой причинной связи с какими-либо позитивными изменениями в профессиональной жизни следователя.

Поскольку с учреждением Академии СК России становится возможным создать в следственных ор-

³ Александров А.С. Пытка как реальность современного уголовного судопроизводства (сатирическая зарисовка) // Практическое законоискусство. 2008. № 1. С. 34.

⁴ Карагодин В.Н. Формирование устойчивой мотивации повышения квалификации следственных работников // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: Сб. науч.-практ. тр. ИПК СК России / Под ред. А.И. Бастрыкина. 2013. Вып. 1. С. 96.

⁵ Герчиков В.И. Управление персоналом: Учеб. пособие. М., 2011. С. 111.

Таблица 1. Классификация факторов мотивации к обучению и повышению квалификации

Мотив	На чем сделать акцент
Вознаграждение	Прямая связь обучения с повышением заработка
Достижения	Обучение увеличивает шансы на повышение по должности
Социальный	Оплачивается работа в команде. Коллеги лучше узнают друг друга
Процессный	Обучение — инструмент повышения профессионализма и новая интересная задача
Идейный	Участие в обучении — вклад в развитие организации

ганах полный замкнутый цикл научно-образовательной деятельности, казавшаяся ранее невыполнимой миссия по формированию у следователя полноценного юридического мышления приобретает вполне реалистический характер. Чем может быть обеспечено выполнение этой миссии или, другими словами, на каких принципах следует построить образовательную стратегию в следственных органах?

Первый такой принцип — это **академизм**. Но академизм, понимаемый не как приверженность застывшим формам, а как полная противоположность утилитаризму, т.е. тенденции к тому, чтобы ограничить образовательный процесс обретением минимума необходимых профессиональных навыков.

Что нужно сделать, чтобы «на выходе» у нас получался не «мелкий чиновник», который «из некогда важной фигуры, полноправно входившей в аппарат судебной власти, превращен в узкого специалиста по уголовному преследованию»⁶, а гармонично развитая личность, способная составить элиту не только следственных органов, но и всей отечественной юриспруденции? Для этого необходимо развивать в следователе стремление к универсальности, двумя гранями которой являются такие навыки, как *глазомер* и *helicopter view*.

Глазомер стал стержневой идеей суворовской системы обучения и первой отечественной школой менеджмента, известной как «Наука побеждать». Генералиссимус кавалеристов ставил в пехоту, пехотинцев — к орудиям, а артиллеристов сажал на коней, при этом атакующие и обороняющиеся постоянно менялись ролями. Для чего? Ответ по-суворовски лапидарен: «Каждый воин должен понимать свой маневр»⁷.

В системе обучения в Академии СК России в целях развития следственного глазомера внедрены две деловых игры. Первая — это рассмотрение уголовного дела судом присяжных, где за основу берется сюжет какого-нибудь реального преступления. Следователи, выступая в несвойственной для себя роли, начинают мыслить более рельефно, рефлексивно и видеть перспективу уголовного дела с позиции самых разных участников уголовного процесса. Вторая игра

состоит в моделировании различных следственных ситуаций на первоначальном этапе досудебного производства с момента получения сообщения о преступлении до завершения работы на месте происшествия и принятия процессуального решения. Фабула игры усложняется влиянием деструктивных факторов (утрата вещественных доказательств, вмешательство посторонних должностных лиц и т.п.), которые следователю необходимо мгновенно нейтрализовать без ущерба для производства процессуальных действий.

Helicopter view (с англ. — вид с вертолета) — это исключительно ценное умение подняться над ситуацией и оценить свою деятельность как элемент целостной системы, в первую очередь, системы противодействия преступности и — шире — обеспечения национальной безопасности. Основную роль в формировании такого навыка должна сыграть разносторонность образования, подразумевающая изучение таких предметов, которые недоступны большинству студентов юридических вузов, обучающихся по программам бакалавриата: криминология, геополитика, теория управления, социальная психология и т.д.

И наконец, немаловажным аспектом академического образования и непременным условием формирования юридического мышления является ничем незаменимый опыт аудиторного общения студентов и слушателей с преподавателем. Вот как определил свое педагогическое кредо один из наиболее влиятельных интеллектуалов минувшего века Р. Барт в лекции, прочитанной по случаю вступления в должность заведующего кафедрой в прославленном *le Collège de France*: «Никакой власти, немного знания, толика мудрости и как можно больше ароматной сочности»⁸. Именно поэтому мы с некоторым скепсисом относимся к некоторым новаторским предложениям о внедрении таких образовательных форм, как дистантное об-

⁶ Колоколов Н.А. Предварительное расследование в России: полтора века в поисках концепции / Под ред. Н.А. Колоколова. М., 2011. С. 446.

⁷ Летуновский В.В. Менеджмент по Суворову: наука побеждать. М., 2013. С. 36, 75—89.

⁸ Барт Р. Лекция. Избранное. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 568.

учение следователя⁹: в данном случае ни о какой «ароматной сочности», способной пробудить аппетит к новым знаниям даже у самого равнодушного слушателя, речи идти не может.

Вторым принципом нашей образовательной стратегии должен стать **схолизм** (от греч. Σχολεῖο — «школа»), который не следует путать с холизмом или схоластикой. По сути, это неологизм, обозначающий организацию научно-исследовательской и образовательной деятельности на основе научной школы. В настоящее время, как справедливо отметил в своем выступлении на конференции в Академии СК России от 21 марта 2014 г. профессор Н.А. Колоколов, российская юридическая наука переживает период угасания не только научных школ, но самой традиции их формирования. Справедливы эти слова и для нашего коллектива. В академической среде все еще не сложилось не только характерной для научной школы культуры внутри- и межкафедральных дискуссий, но зачастую мы даже не знаем и не интересуемся тем, чем занимаются наши коллеги, не читаем их статей и не используем их результатов в работах. Между тем, только формирование полноценной научной школы или даже нескольких школ на базе Академии является естественной предпосылкой укрепления ее авторитета в юридическом сообществе до такой степени, чтобы по каждой серьезной проблеме в недрах этого сообщества всегда возникала потребность узнать мнение наших ученых.

Под научной школой мы понимаем более или менее формализованное научное сообщество, придерживающееся схожих научных взглядов по тем или иным принципиальным научным вопросам и готовое их коллективно развивать и отстаивать. Для того чтобы констатировать факт наличия научной школы, необходимо одновременное наличие: 1) лидера или основателя; 2) научного коллектива; 3) помещения; 4) печатного органа; 5) научно-исследовательской программы. Можно констатировать наличие у нас первых четырех признаков: научного лидера и организатора в лице Председателя СК России профессора А.И. Бастрыкина; научного коллектива, костяк которого составляют ученые, обладающие большим практическим опытом прокурорско-следственной и судейской работы; собственного здания в одном из самых уютных районов столицы — Поселке художников; и, наконец, сразу двух печатных органов — настоящего Вестника и ежеквартального сборника научных трудов «Расследование преступлений: проблемы и решения». Не хватает самого главного — научно-исследовательской программы.

Именно наличие научно-исследовательской программы, как утверждает признанный авторитет в области научной методологии И. Лакатос, является признаком зрелой науки. Такая программа содержит «ядро», формируемое из наиболее важных принципов, вокруг которых строится исследовательская деятельность. Такое «ядро» должно быть защищено от возможных контраргументов, для чего возводится «защитный пояс» — набор вспомогательных гипотез, способных выдержать главный удар со стороны оппонентов. В процессе реализации программы такой пояс может перестраиваться и даже полностью заменяться, если этого требуется для обеспечения надежной защиты «жесткого ядра». В противном случае, при «падении» «ядра» рассыпается и вся научно-исследовательская программа¹⁰.

Ядром научно-исследовательской программы Академии СК России вполне мог бы стать тезис о признании за следователем самостоятельности не только на процессуальном, но и на онтологическом уровне. Следователь — носитель следственной власти как самостоятельной по своей правовой природе разновидности государственной власти — то ядро, вокруг которого, как нам видится, должна строиться вся современная доктрина предварительного расследования.

Гениальной визуализацией обоих принципов в их взаимосвязи является знаменитая ватиканская фреска Рафаэля «Афинская школа», изображающая прообраз всех академических учреждений — Академию Платона. Она являет собой симфонию выдающихся мыслителей и ученых античности, центрированную на двух ее главных образах: Аристотеле, указующем на землю, и Платоне, взыскующем небесных эйдосов. Мы представляем себя стоящими на пороге этого величественного здания, своды которого открывают нам большие возможности, но и таят еще очень много неизвестного. Нынешнее положение в истории превосходно охарактеризовал все тот же Р. Барт, который при вступлении на преподавательскую стезю в уникальном учебном заведении Франции так определил свою экзистенцию: «На нашем пути бывает период, когда мы учим других тому, что знаем сами; затем, однако, приходит пора, когда учишь тому, чего сам не знаешь: это называется исследовательской деятельностью»¹¹. Итак, в добрый час, Avibus bonis!

⁹ Карагодин В.Н. Указ. соч. С. 101, 102.

¹⁰ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. Структура научных революций. М., 2003. С. 323—329.

¹¹ Барт Р. Указ соч. С. 567.